

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent Islamic University
Belarusian State University
Secondary school № 171, Moscow

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the VII international scientific conference
on March 25–26, 2017

Prague
2017

Actual problems of the theory and practice of philological researches : materials of the VII international scientific conference on March 25–26, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 135 p. – ISBN 978-80-7526-182-3

ORGANISING COMMITTEE:

Elena N. Serdobintseva, doctor of philological sciences, professor of Penza State University.

Zahijan M. Islamov, doctor of philological sciences, professor, vice-rector of the Tashkent Islamic University.

Mariya V. Gay, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, teacher of Secondary school № 171, Moscow.

Olga Yu. Shimanskaya, candidate of philological sciences, assistant professor of the foreign languages department of Belarusian State University.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines actual problems of the theory and practice of philological researches. Some articles deal with theoretical and methodological problems of philological researches. A number of articles are covered issues of teaching methods of the disciplines of philological cycle. Some articles are devoted to the issues of general and particular linguistics. Authors are also interested in urgent questions of rhetoric, speech culture, communication theory.

UDC 81+82

ISBN 978-80-7526-182-3

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2017.

© Group of authors, 2017.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

- Ковалёв Н. С.**
Анализ слов-предложений современного русского языка с позиций лингвоперсонологии..... 7
- Назметдинова И. С., Скуднякова Е. В.**
К вопросу о создании учебно-методического пособия по лингвистическим дисциплинам для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата..... 13
- Фуреева Е. П.**
Трудности формирования слоговой структуры слов у детей с недоразвитием речи..... 18
- Хитарова Е. Г.**
Присяга как дискурсивная формула в английском и русском языках 22

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

- Дегтяренко В. В.**
К вопросу об изучении научного стиля речи на занятиях РКИ (на примере медвуза) 25
- Лукьянов Д. А.**
Грамматический тип интерференции и способы её преодоления в обучении русскому языку как иностранному (на примере материалов польских студентов) 29

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

- Bekhta-Hamanchuk M.**
Narrative strategies of misery lit texts..... 36
- Suleimenova A.**
Metaphor as the main argumentative figure in advertising 40
- Колпакова Е. О.**
Изучение способов глагольного действия и традиции русистики 43

Петухова Е. В.	
О звукоизобразительной природе абстрактной единицы ANGER	47
Степанова Е. Н.	
Эвфемизмы в телевизионной рекламе лекарственных средств	50
Токарева Л. А.	
Функции фразового обозначения в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	55

IV. BASIC THEMES OF TRANSLATION STUDIES

Ashimkhanova S., Zhussupova A.	
The problem of translation of ethno-cultural identity in Abay's poems	59
Kuchkarova N. Kh.	
Teaching methodologies and translation	63

V. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

Дегтяренко В. В.	
Использование видеопрокта по страноведению на занятиях РКИ	66

VI. URGENT QUESTIONS OF RHETORIC, SPEECH CULTURE, COMMUNICATION THEORY

Авдони́на Л. Н., Таньков Н. Н., Умно́в А. П.	
Стилистическая роль заголовков в газетно-публицистическом подстиле	70
Бондаренко Ю. Б.	
К вопросу о связи между речевым жанром и его номинацией (на примере жанра биографии)	73
Захарова М. А.	
Воздействие гороскопа на реципиента	77
Майорова А. В.	
Эвфемизмы как средство языкового манипулирования в современной коммуникации	83
Фесенко О. П.	
Переписка: дискурсивный потенциал и возможности для описания речевого портрета	86

VII. THE LANGUAGE, CULTURE AND MENTALITY AS IMPORTANT AREAS OF MODERN LINGUISTICS

Kadirsizova G. E. Specifics of functioning of idioms in the intercultural space	89
Sharahimov Sh. F. Culture as a tool for communication	91
Айтмаганбет П. Ж., Рысмагамбетова Н. А., Колишбаева И. Д. Полиязычие – как приоритет конкурентноспособного медицинского кадра	93
Баданян И. Ф. Экстралингвистические и лингвистические особенности формирования концепта «Деловая женщина» в русской и немецкой лингвокультурах.....	96
Кузьмина Р. П. Концепт «дом» в эвенской поэзии	100
Кучкарова Н. Х. Межкультурная коммуникация в процессе обучения иностраных языков.....	103
Левченко Т. Л. Лексикографические особенности презентации понятий «красота», «beauty» в русской и английской лингвокультурах	106
Овсиенко Т. В., Чопсиева Г. М. Лексические средства реализации воздействия в медиатексте (на материале немецкоязычных публикаций о мигрантах)	108
Парамонова В. С. Отражение национально-культурных особенностей употребления английского глагола в художественном тексте	112
Ракитина С. В. Концепты, стимулирующие научный труд учёного (на материале работ В. И. Вернадского)	115
Собачкина М. А. Концептуальное пространство телевизионного дискурса.....	117
Урбанович И. Г. Коммуникативная ситуация «неудача» (на материале рассказа Ф. Искандера «13-й подвиг Геракла»)	119

**VIII. LITERATURE TODAY:
SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS**

Царева Н. А.

Особенности языкового воплощения пророчества
в творчестве Б. Л. Пастернака 123

Ахмедова Ш., Зойирова Г.

Эсседа қахрамон портрети 127

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2017 году 130

Информация о научных журналах 132

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» 133

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 134

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

АНАЛИЗ СЛОВ-ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Н. С. Ковалёв

Преподаватель,
Пятигорский медико-фармацевтический
институт, филиал ВолгГМУ,
г. Пятигорск, Россия

Summary. In this article considered words-sentences as fact of communicative semiotics of modern Russian with Linguopersonology position. The analysis of "live" communicative actions is carried out. Language changes in the sphere of the use of words-sentences into account linguopersonology features are considered.

Keywords: words-sentences (LLC); linguopersonology; language identity (personal); language picture of the world; communicative intensions.

Любой язык на протяжении всей своей истории имеет свойство изменять лексическое наполнение своего словаря, а также трансформировать грамматические формы и даже целые синтаксические модели и структуры. В русском языке к подобным явлениям относятся, к примеру, те случаи, когда наблюдается процесс лексикализации отдельных синтаксических построений вследствие их грамматической фразеологизации, ср.: – *Знаете, голубчик... Награда что! Главное – жив остался!* (Гроссман. Жизнь и судьба) [5, с. 18–19]. Аналогично можно подходить к квалификации фактов десемантизации слов полнозначительных частей речи, в частности – их прономинализации, когда проявляются генетически заложенные в любую именную часть речи свойства дейктичности, местоименности, например: *Однажды человек десять наших офицеров обедало у Сильвио* (Пушкин. Выстрел) [1, с. 79].

Языковые изменения во многом связаны не только с тем, что язык по своей структуре схож с живым организмом, который проявляет себя в обществе и функционирует за счёт него и для него, – но и с тем, что со временем меняется сама речевая идеология носителя языка, отражающая новые подходы и к коммуникации в целом, и к отбору тех средств, которые наиболее адекватно отражают актуальные потребности в самом отношении к использованию средств общения, их объема и т. д. (ср., к примеру, номинативно-синтаксический подход к членению текстового материала [2, с. 69 и след.]). Однако любые изменения во взглядах на язык и речевую деятельность (Л. В. Щерба) – суть следствия той роли, которую играет в формиро-

вании языковой картины мира и закреплении в ней происходящих и в обществе, и в языке изменений говорящий, языковая личность.

В термине «языковая личность» выражает себя определённый этап развития языка, определённая его форма, которая выражается с учётом особенностей «говорящего», его психологической и этнической ментальности, лингвокультурологических представлениях, информационным полем и особенностями восприятия окружающей действительности. Впервые эту область, стоящую на периферии лингвистики, философии и психологии, в своих трудах выделил В. В. Виноградов, рассмотрев в литературоведческом аспекте особенности языковой личности автора и персонажа. Он писал: «...личность, включенная в разные из этих «субъектных» сфер и сама включая их в себя, сочетает их в особую структуру. В объектном плане все сказанное можно перенести и на *parole*, как сферу творческого раскрытия языковой личности» [4, с. 62].

Более полное исследование в области проблемы языковой личности как объекта коммуникации с позиции лингвистики, лингводидактики, психологии и философии провёл Ю. Н. Караулов. В его работах языковая личность рассматривается как системно организованная структура, состоящая из трёх взаимообусловленных уровней: семантического, лингвокогнитивного и мотивационного. Нулевой, или семантический, уровень отражает степень владения лексическими средствами и грамматическими конструкциями конкретного языка. Первый уровень, он же лингвокогнитивный, «предполагает отражение в описании языковой модели мира личности» [6, с. 37]. Второй уровень, мотивационный, отражает функционально-прагматическую область и подразумевает «выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, поведением, управляющих ее текстопроизводством и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира» [там же]. То есть для того, чтобы довести составляющие языковой личности до конкретно-индивидуальной реализации необходимо учитывать непостоянные и вариативные данные и характеристики: данные о системе и структуре языка в соответствующий период, социальные и социолингвистические характеристики (включая особенности картины мира у представителей определённого общественно-иерархического класса), субъективные эстетические и психологические черты языковой личности. По мнению Ю. Н. Караулова, анализ конкретной языковой личности предполагает её полное описание, в состав которого входят «характеристика семантико-структурного уровня организации..., реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности..., выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [6, с. 38].

Во второй половине XX века лингвистика стала уделять внимание проблеме языковой личности, анализируя и описывая текст и любые про-

явления речевой деятельности в персонологическом аспекте. Существовала острая необходимость в формировании отдельного научного раздела для изучения лингвистической персоналии. Проецируя идеи французских персоналистов и работы русских учёных в области современного языкознания, В. П. Нерознак отмечает становление нового научного направления – лингвоперсонологии [13; см. также: 5; 9; 12 и др.]. Это направление ещё недостаточно исследовано, и в процессе практической деятельности современных лингвистов оно пополняет свою базу методик исследования языковой личности.

Анализ слов-предложений, как и любых иных синтаксических явлений, в лингвоперсонологическом аспекте представляется весьма актуальным. На примере одного из явлений коммуникативного пространства анализируются особенности употребляющего его в определенных целях человека как индивидуальной языковой личности. Анализ конкретной языковой личности может послужить теоретическим материалом для формирования представлений об объективной и субъективной составляющей личностной языковой картины мира соответствующего этнокультурного социума.

Слова-предложения – это синтаксические конструкции, которые состоят из одного слова или неделимого сочетания частиц. Они являются нечленимыми и не несут в себе номинативной функции. Но, несмотря на то что слова-предложения не называют конкретных предметов и явлений, они являются неотъемлемой частью коммуникативного пространства языка, поскольку служат для выражения: эмоциональности говорящего, волевой реакции, модальной оценки мысли или суждения, речевого этикета. Сравним: *Дело тут не в восторге. А в том, что я твердо помню, что такое долг! - Да ну-у! - Честное слово!* (Аверченко. Факт). Кроме того, слова-предложения в тексте являются связующим звеном, выполняя синтагматическую функцию. Основой для создания слов-предложений являются: модальные слова (*возможно, действительно*), частицы (*да, нет*), наречия (*хорошо, плохо*), междометия (*ах, эх*), а также отдельные сочетания слов - аналитические комплексы: *Какой разговор! Вот еще! Вот это да! Ну и ну! Да где ж это видано? Жирно не будет? Держи карман шире! Вот еще новости!* И подобные.

В среде современных русских учёных-языковедов существует ряд синонимичных терминов для этого явления: нечленимые предложения (Н. Ю. Шведова и др.), слова-предложения (Д. Э. Розенталь, Е. И. Диброва, В. В. Бабайцева), коммуникативы-релятивы (Л. А. Новиков), коммуникативы (Е. К. Кожина), релятивы (Н. С. Валгина), коммуникемы (О. Б. Сиротина, В. Ю. Меликян). Однако говорить о полном совпадении позиций в трактовке слов-предложений нельзя, поскольку они рассматриваются с позиции методологически различных и часто субъективных воззрений, которые подразумевают полемику в отношении более глобальных понятий: «предложение», «высказывание», «синтаксическая фразеология» и т. д.

Рассматриваемые нами конструкции употребляются преимущественно в разговоре и в речевых формах, которые сохраняют в себе диалогические черты. Однако слова-предложения не теряют себя даже в монологическом пересказе, который теряет в себе структурные черты диалога. Интересно проявляют себя слова-предложения во внутреннем монологе героев художественной литературы, где посредством употребления этих конструкций происходит усиление собственных риторических замечаний.

Слова-предложения полифункциональны. В основе функций, которые они выполняют, лежит экспрессивность, которой может быть присуще наличие эмоциональности, но также возможно и её отсутствие. В связи с этим слова-предложения не могут употребляться в текстах научного и официально-делового стиля. В русском языке существует многообразие дифференцированных по цели высказывания слов-предложений, но их количество постоянно увеличивается и имеет тенденцию к продолжению этого увеличения. В русском языке рост таких конструкций происходит за счёт заимствований на лексическом и синтаксическом уровне, окказиональности и аббревиации (нечленимые предложения-аббревиатуры).

Поскольку количество употребляемых слов-предложений в русском языке становится всё больше, можно констатировать, что в современном коммуникативном пространстве они проявляют себя чаще, чем раньше. Это связано с тем, что русский язык меняет свою форму и движется в сторону упрощения и демократизации языка. Говоря о демократизации, следует сказать, что слова-предложения не являются элементом абсолютно заниженной и «фамильярной» формы общения. Несмотря на их структурно-семантические особенности, они обнаруживаются и в произведениях классиков русской литературы, что свидетельствует о возможности употребления слов-предложений в литературном языке, в его устной и письменной форме. Но свойственно это явление, в первую очередь, языку разговорному, повседневной разговорной речи, которая и является основным способом реализации языка как орудия передачи информации и как формы социального коммуникативного пространства.

Движение русского языка к упрощению и демократизации стало причиной выделения на социально-лингвистическом уровне разговорного языка, дифференцированного от литературного. Эта языковая форма претендует на собственное узуальное пространство, за которым будут закреплены собственно повседневно-разговорные нормы. По причине того, что на современном этапе развития русского языка письменно-литературная и разговорная формы находятся в состоянии подвижного динамического равновесия, порождая различные периферийные явления, норма и употребление языковых единиц находятся в постоянном дисбалансе [2, с. 25]. Слова-предложения как синтаксическая категория соответствуют нормам литературного языка, но в то же время употребление их с высокой периодичностью делают речь неинформативной и малосодержательной. Также в русском языке существует проблема формирования слов-предложений на

основе лексических паразитов. В качестве примера таких конструкций могут выступать слова-предложения, созданные на основе часто употребляемого слова «блин», в значении выражения недовольства и сожаления.

В этой связи представляет определенный интерес анализ слов-предложений с позиции лингвоперсонологии, позволяющий установить, кем, когда, в каких речевых ситуациях и с какой целью могут употребляться слова-предложения в зависимости от их состава в коммуникативном пространстве современного русского языка XXI века [13].

В. Г. Костомаров приводит пример двух диалогов, участниками которых становятся представители разных социальных групп. В первом случае общение происходит между двумя студентками, а во втором между профессионалом из автосервиса и клиентом. В диалогах присутствует различное лексическое наполнение, которое касается и состава слов-предложений [8, с. 25]. В первом диалоге присутствует большее количество лексических средств заниженного уровня, нежели во втором, в котором, к слову, выше уровень информативности. Слова-предложения употребляются и могут употребляться в обоих диалогических ситуациях, что соответствует состоянию этого синтаксического явления на современном этапе развития русского языка, что соответствует нулевому уровню языковой личности. Однако дифференцированность наполнения свидетельствует о том, что лингвоперсонологические особенности участников дискурса различны. Соответственно, различна субъективная языковая картина мира, что присуще первому уровню языковой личности. Думается, фактором, влияющим на структурно-семантический состав данных диалогов, становятся не только особые черты участников дискурса, но и конкретная языковая ситуация, в которой оказывается лингвистическая персоналия и в которой особенности её языкового поведения приспособляются к речевой манере собеседника (это второй уровень языковой личности – мотивационный).

Для того, чтобы исследовать слова-предложения с позиции лингвоперсонологии, необходимо классифицировать их по лексическому наполнению, стилевой возможности употребления в различных речевых ситуациях, рассмотреть данное синтаксическое явление с позиции «этикетности», т. е. что, кем и когда может быть произнесено, а что не позволяет этикетом. В данном случае этикетность основана не только на иерархическом статусе языковой личности, но и на уровне открытости взаимоотношений между участниками дискурса.

В любой среде и в любом дискурсе уместно употреблять слова-предложения с оттенком утверждения, полного согласия или объективного несогласия, предположения, нейтральные формулы приветствия, прощания, благодарности, а также некоторые конструкции, состоящие из междометий и частиц. Например: «Хорошо...» *Скорее всего...*», «Да...», «Ох ох ох...», «Спасибо!», «Здравствуйте!», «До свидания!».

В коллективе коллег, представителей одной социально-профессиональной группы, в отсутствии подчинённых, общение становит-

ся более фамильярным, поэтому допустимым становится употребление слов-предложений, содержащих в себе эмоциональность, ироничность, сарказм. Также в подобных дискурсах нередко возникают слова-предложения заимствованные из других языков, которые зачастую в неродном языке становятся инструментом фамильяризации языка. Нам думается, что это не следствие появления некоего «интеррусского» языка, а заимствования на синтаксическом уровне за счёт упрощения международной коммуникации на современном этапе развития общества. Примерами слов-предложений, употребляемых представителями одной социально-профессиональной группы, могут служить следующие конструкции: «Ладно...», «Реально?», «Воу, воу, воу!» «Адъёс!» «Ок...», «Да неужели!», «Респект...», и т. д.

Самыми «безограничительными» речевыми сферами для употребления слов-предложений различного оттенка и состава могут быть диалоги между друзьями, в которых допускаются даже грубые и нецензурные выражения, большое количество паразитических лексем и окказиональные конструкции, которые употребляются только между данными участниками дискурса. Но всё это зависит и от особенностей участников дружеской связи, и приведённые формы слов-предложений, в большей степени, относятся к представителям молодёжной среды, которая на протяжении долгого периода человеческой истории имела свой язык, справедливо подвергаемый критике за его агрессивность, категоричность и деструктивность. Примерами таких конструкций можно считать следующие слова предложения: «Блин!», «Бай!», «Еа!» «Хэлл еа!», «Круто...», «Тупо!», «Няшно...» и т. д.

Анализируя употребление слов-предложений в тексте с позиций лингвоперсонологии, можно раскрыть некоторые специфические черты языковой личности и особенности воспринимаемой ей языковой картины мира. Однако для полного исследования необходимо рассматривать не только сами слова-предложения вне текста, но и их отношение с текстом, место в структуре текста, связь с его мыслью и информационной составляющей, его субстантивной номинационностью. То есть важны не только сами связующие корреляты, но и содержательная составляющая предмета исследования. Кроме того, для глубокого понимания свойств языковой личности и её субъективной картины мира необходимо рассматривать не одну речевую ситуацию, поскольку на единственном примере будет трудно составить полное представление о первом и втором уровнях лингвистической персоналии.

Библиографический список

1. Буров А.А. Местоименные свойства существительных в тексте// Русский язык в школе, 1988, № 3. – С. 79–82.
2. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. – Ставрополь – Пятигорск: Изд-во СГУ «Академический проект», 2012.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

4. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1930.
5. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка// Известия Алтайского государственного университета. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. - №4. - С. 41-46.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
7. Кожина Е.К. Коммуникативы: структурно-семантический, лингвопрагматический и эстетико-изобразительный аспекты. Автореф. дис....канд.филол.наук. – Таганрог, 2004. – 19 с.
8. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005.
9. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. - Барнаул, Кемерово, 2006.
10. Меликян В.Ю. Построение побудительных коммуникем как отражение механизмов речевого творчества на грани нормы и аномалии// Уральский филологический вестник. Серия: Язык. – 2014. – № 1. – С. 73 – 84.
11. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. – М.: Флинта, 2013.
12. Мельник Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингво-персонологии русского языка// Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2011. – № 1. – С. 200–207.
13. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. - М., 1996.
14. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2 – М.: Наука, 1980.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

И. С. Назметдинова
Е. В. Скуднякова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный
гуманитарно-экономический
университет,
г. Москва, Россия*

Summary. The article discusses the features of the organization of textual material teaching aids for linguistic disciplines for students with disorders of the musculoskeletal system, the design features of which is the specificity of presentation of textual material and cross-communicating tasks to it, taking into account the use of language in the various disciplines of the cycle. It is proposed 2 blocks: theoretical and practical.

Keywords: especially the organization of textual material; teaching aid; linguistic discipline; violations of the musculoskeletal system.

Актуальность создания учебно-методических пособий для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, которое будет сконструировано с учетом особой организации текстового (теоретического и практи-

ческого) материала для данной категории обучающихся, не вызывает сомнения [1; 2].

При разработке пособия по лингвистическим дисциплинам мы учитывали тот факт, что студенты имеют нарушения статодинамических функций и нарушения коммуникативных функций или комплексные формы сенсорно-моторных нарушений и последствий различных соматических заболеваний. Таким обучающимся трудно выбрать самое основное из анализируемого текста, им необходимо больше времени, чтобы вспомнить теоретический материал.

Исходя из того, что понятие «текст» – явление многогранное и многоаспектное, что текст – основное дидактическое средство при преподавании лингвистических дисциплин и может быть представлен в виде разных собственно-научных, учебно-научных, научно-популярных, официально-деловых, публицистических и художественных фрагментов, мы предположили, что необходимо один и тот же текст рассматривать как благоприятный материал для аналитической работы по разным речеведческим (лингвистическим) дисциплинам,

Размышляя над этой проблемой, мы пришли к мысли о создании пособия для студентов и преподавателей, в котором были бы собраны необходимые теоретические материалы и текстовые блоки разного уровня сложности с комплексами заданий к каждому тексту, перекрестно-значимые при преподавании нескольких смежных дисциплин: «Стилистика русского языка и культура речи», «Русский язык и культура речи», «Теория текста», «Практическая и функциональная стилистика русского языка», «Культура речи и деловое общение», «Риторика» [3].

Выделим основные этапы работы над созданием учебно-методического пособия по лингвистическим дисциплинам для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата:

1. Социологическое исследование специфики студентов как целевой группы обучающихся
2. Анализ учебно-методической литературы, адаптированной для студентов с НОДА
3. Определение предметной специфики и тематической направленности разрабатываемого комплекта учебно-методических пособий
4. Структурирование учебно-методического пособия № 1
5. Сбор, анализ и адаптация исходных текстов для учебно-методического пособия
6. Разработка комплексных заданий
7. Первичная апробация материалов пособия
8. Корректировка заданий и текстового материала на основе полученных данных
9. Подготовка к изданию учебно-методического пособия
10. Презентация учебно-методического пособия
11. Издание учебно-методического пособия

12. Подведение итогов реализации

13. Структурирование учебно-методических пособий № 2 и № 3

Учебно-методическое пособие № 1 [4] состоит из теоретической и практической части. При организации работы по учебно-методическому пособию больший акцент делается именно на практическую часть, выполнение заданий которой зависит от активизации теоретических знаний студентов. Так как связные тексты практической части просматриваются студентами на разных лингвистических дисциплинах несколько раз, и их содержание им уже знакомо, то процесс обучения студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата будет более эффективным, так как позволит им быстрее включиться в работу над анализом текстового материала.

Учитывая специфику нарушений опорно-двигательного аппарата студентов, сам текст и задания к нему расположены на одном книжном развороте: слева – текстовый материал, разный по стилевой принадлежности, по авторской отнесенности, по уровню сложности, предназначенный для чтения и анализа студентами; справа – комплекс заданий к каждому тексту.

Задания разработаны для смежных дисциплин и обозначаются индексом, указанным в конце строки каждого задания, что также является особенностью организации текстового материала. Например, для занятий по стилистике: «Стилистика русского языка и культура речи», «Практическая и функциональная стилистика русского языка» – (индекс – С), по культуре речи: «Русский язык и культура речи», «Культура речи и деловое общение», «Стилистика русского языка и культура речи» – (индекс – К/Р), для занятий по теории текста: «Теория текста» – (индекс – Т/Т) и т. п. Те задания, которые являются актуальными для ряда дисциплин, имеют сложную (двойную, тройную и т. д.) индексацию.

Количество заданий для одного занятия по отдельно взятой дисциплине используется по усмотрению преподавателя.

Работа начинается с практической части. Практический материал (часть II) по тематическому полю совпадает с теоретической частью, что может помочь студентам вспомнить, закрепить теоретические сведения не только непосредственно на практических занятиях в группе, но и при самостоятельной домашней работе.

Теоретический материал (часть I) представлен в виде терминологических блоков, построенных в алфавитном порядке по традиции построения словарных статей в энциклопедических словарях

Особенность организации работы с текстовым материалом теоретической части состоит в том, что обращение к ней выборочное, только в случаях необходимости понимания и правильного выполнения заданий практической части. Это своеобразный стимул для активизации мыслительной деятельности обучающихся инвалидов.

Работая с материалами I части, студенты осмысливают задания практической части, понимают и принимают его, овладевают смысловыми бло-

ками теории и приступают к выполнению аналитической работы в практической части. По содержанию овладение теоретическими аспектами предполагает следующие направления:

- знакомство со словарными статьями: работа с научными материалами и погружение в мир научных текстов;
- овладение смысловыми блоками и приемами понимания научных текстов (определения, понятия, основное содержание);
- использование элементов научного стиля в учебной речи;
- применение научного стиля в соответствующих учебных ситуациях при аналитической работе с текстами практической части.

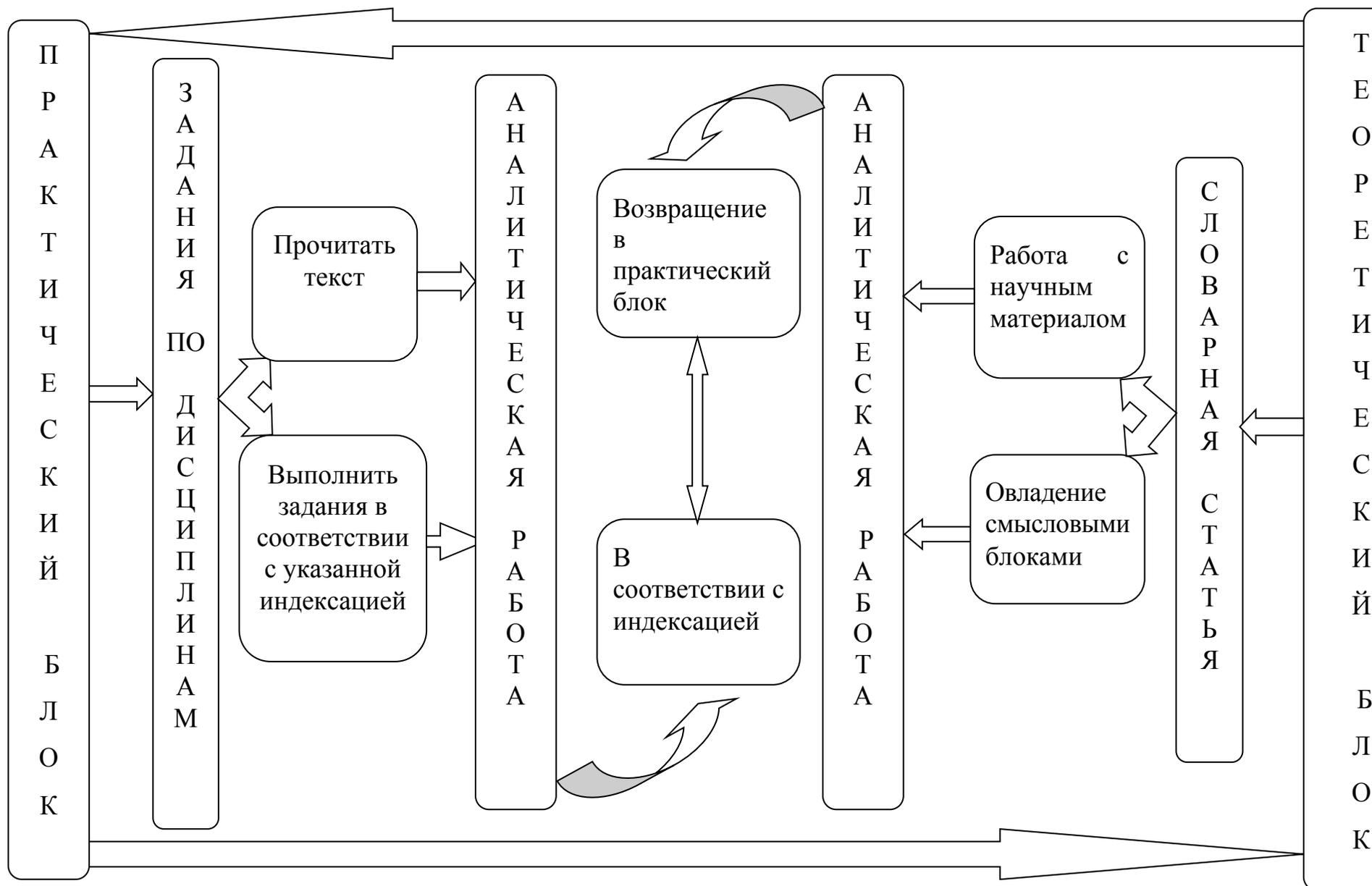
Работа по первому направлению осуществляется во время лекций и домашней подготовки, по второму – при домашней подготовке и на практических занятиях, по третьему и четвёртому – на практических занятиях.

Представим концепцию построения разработанного нами учебно-методического пособия в схеме (Схема 1).

Таким образом, можно выделить следующие особенности создания учебно-методического пособия и организации работы с текстовым материалом по лингвистическим дисциплинам для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата:

1. Один и тот же текст может использоваться для аналитической работы по разным речеведческим (лингвистическим) дисциплинам.
2. Акцент делается на практическую часть, обращение к теоретической части выборочное.
3. По тематическому полю практическая и теоретическая части совпадают.
4. Теоретический материал должен быть представлен в виде терминологических блоков, построенных в алфавитном порядке по традиции построения словарных статей в энциклопедических словарях.
5. При выполнении заданий по предложенному тексту не надо переворачивать страницу: сам текст и задания к нему расположены на одном книжном развороте.
6. Задания разрабатываются для смежных дисциплин и обозначаются индексом, указанным в конце строки каждого задания [3].

Схема 1. Концепция учебно-методического пособия по лингвистическим дисциплинам для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата

Библиографический список

1. Методические рекомендации об организации приема инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательные организации высшего образования [электронный ресурс]: утв. Минобрнауки России от 29.06.2015 НАК-1782/05. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащенности образовательного процесса [электронный ресурс]: утв. Минобрнауки России от 08.04.2014 № АК-44/05вн. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Назметдинова И.С., Скуднякова Е.В., Особенности организации текстового материала учебно-методических пособий по лингвистическим дисциплинам для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата //Человек. Общество. Инклюзия. № 4(28), 2016. С. 115-122.
4. Назметдинова И.С., Скуднякова Е.В. Стилистика и культура речи русского языка. Учебно-методическое пособие. М.: МГГЭУ, 2016. 96 с.

ТРУДНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ У ДЕТЕЙ С НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Е. П. Фуреева

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. This article is about the formation of the syllable structure of words in children with speech development disabilities, the difficulties encountered in children with the use of words with complex syllabic structure.

Keywords: syllabic structure of the word; speech underdevelopment; learning difficulties; child development; the formation of speech.

Различные нарушения речи являются достаточно распространенными у дошкольников, и оказывают отрицательное влияние на дальнейшее развитие ребенка, в частности при поступлении в школу. Своевременное и целенаправленное устранение речевых нарушений у дошкольников способствует развитию фонематических процессов, мыслительной деятельности, усвоению процессов письма и чтения, социализации детей и т. д. В настоящее время логопедическая работа в дошкольных учреждениях занимает важное место в процессе коррекции нарушений речевого развития детей.

Одно из часто встречающихся нарушений при формировании речи у дошкольников – это нарушение слоговой структуры слова (нарушение произнесения двухсложных слов со стечением согласных, произнесение трех-

сложных слов и т. д.). Кроме проблем с формированием слоговой структуры слова у детей с недоразвитием речи наблюдаются и другие трудности. Словарный запас дошкольников с недоразвитием речи чаще всего отстает от возрастной нормы, как количественно, так и качественно. Затруднения касаются подбора синонимов и антонимов, родственных слов, относительных прилагательных, слов, имеющих абстрактное значение, некоторых обобщений. При употреблении приставочных глаголов, образовании уменьшительно-ласкательных значений тоже возникает значительное количество ошибок. Если говорить о грамматическом оформлении речи, то дети с недостатками речи, строят простые нераспространенные и распространенные предложения. Однако и в таких предложениях у многих детей отмечаются нарушения согласования и управления, пропуски или замены сложных предлогов, изменение порядка слов. Большинство детей затрудняются в построении сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Если говорить о слоговой структуре слова, то слово может состоять из одного, двух или нескольких слогов. Слог является основной звуковой единицей русского языка и строится по закону восходящей звучности: в пределах слога звуки располагаются от наименее звучного слога к слогу наиболее звучному. Слогораздел проходит в месте наибольшего спада звучности. К наиболее звучным относятся гласные звуки, затем в порядке уменьшающейся звучности следуют сонорные согласные, затем, шумные согласные. Слогораздел связан и с морфологическим строением слова: он зависит от соединения морфем и характера этого соединения. Важным является: приходится ли слогораздел на соединение приставки и корня, корня и суффикса.

Процесс формирования сложной слоговой структуры у детей изучался многими авторами. Трактовка термина «слоговая структура слова» у разных лингвистов и педагогов имеет свои особенности. Некоторые авторы разводят понятие «слоговая структура слова» на понятия «звуковая структура слова» и «слоговая структура слова». Так И. А. Сикорский, условно разделил всех детей на «звуковых» и «слоговых». В своих наблюдениях он приводит факты, усвоения отдельными детьми преимущественно звуковой или слоговой характеристика речи [3].

А. Н. Гвоздев, изучая формирование слогового состава слова, отмечает особенность слоговой структуры русских слов, которая заключается в том, что сила безударных слогов в ней неодинакова. При овладении слоговой структурой ребенок учится воспроизводить слоги и слова в порядке их сравнительной силы; сначала из всего слова передается только ударный слог, затем появляется первый предударный, а затем слабые безударные слоги. Опускание слабых безударных слогов препятствует усвоению входящих в них звуков, и поэтому произношение разных звуков и звукосочетаний связано с усвоением слоговой структуры. Сравнительную силу сло-

гов А. Н. Гвоздев называет «главной причиной, влияющей на сохранение одних слогов в слове и на пропуск других» [2].

Дошкольники не сразу овладевают умением воспроизводить все слоги слова. Несовершенство моторной координации органов артикуляции ребенка влияет на точную передачу звукового состава слов, на ритмико-слоговые и интонационные характеристики усваиваемого словесного материала, например: «марашки» (ромашки), «иититка» (электричка). Это явление отмечают в своих работах Н. Х. Швачкин, А. Н. Гвоздев и др.

В настоящее время слоговая структура слова понимается как характеристика слова, включающая количество, последовательность и виды составляющих его звуков и слогов. Поэтому рассмотрение процесса усвоения слоговой структуры слова рассматривается в двух направлениях: овладение звукопроизношением и ритмико-слоговой структурой слова [1].

Быстрее усваивается слоговая структура слов, включающих меньшее количество слогов. Большое влияние на уровень овладения слоговой структурой оказывает звуковой состав слов. Слоговая структура слов, включающая трудные в произносительном отношении звуки (свистящие, шипящие, соноры) усваивается медленнее, чем структура, в которой они не встречаются.

Отклонения в усвоении слоговой структуры слов могут проявляться: в нарушении количества слогов, нарушении последовательности слогов в слове, искажении структуры отдельного слога, уподоблении слогов. Практика логопедической работы показывает, что коррекция слоговой структуры слова является одной из трудных задач в работе с дошкольниками, имеющими системные нарушения речи. Ребёнок с недоразвитием речи не может самостоятельно овладеть произношением слоговой структуры слова, так же как он не в состоянии самостоятельно усвоить произношение отдельных звуков. Поэтому коррекционная работа должна быть целенаправленной, систематической и поэтапной. Многочисленные исследования, проводимые в рамках рассматриваемой проблемы, способствуют уточнению и конкретизации предпосылок, определяющих усвоение слоговой структуры слова. Определена зависимость овладения слоговой структурой слова от состояния фонематического восприятия, артикуляционных возможностей, семантической недостаточности, мотивационной сферы ребёнка. Важными являются и особенности развития оптико-пространственной ориентации, ритмической и динамической организации движений, способности к последовательной обработке информации.

Логопеду также необходимо определить тип нарушения слоговой структуры слова. Как правило, диапазон данных нарушений широко варьируется: от незначительных трудностей произношения слов сложной слоговой структуры до грубых нарушений.

В связи с тем, что правильная речь является одной из важнейших предпосылок дальнейшего полноценного развития ребенка, выявление и

устранение нарушений речи необходимо проводить как можно раньше. Своевременное выявление речевых нарушений способствует более быстрому их устранению, предупреждает отрицательное влияние речевых расстройств на формирование родного языка и психическое развитие ребенка.

Формирование слоговой структуры слова можно проводить в следующей последовательности: обучение различения на слух длинных и коротких слов, обучение формированию навыка правильного произнесения звуков и слов, развитие слухового внимания и памяти, развитие логического мышления, расширение словарного запаса, соотнесение слова с образом предмета и т. д.

Коррекционная работа над формированием слоговой структуры слова у детей с различными речевыми нарушениями должна осуществляться в тесной взаимосвязи всех взрослых, которые воспитывают ребенка и занимаются его речью (логопед, воспитатели, родители).

Формирование слоговой структуры слова у дошкольников с недоразвитием речи будет формироваться результативнее при использовании специальных приемов, к которым относятся игровые упражнения и дидактические игры. Сначала детям предлагаются более легкие варианты заданий, затем более сложные. Например, сначала ребенку предлагаются упражнения, содержащие простые слова – из открытых слогов, без стечения согласных, затем более сложные – из 3–4 слогов, со стечениями в начале, середине и конце слова. Виды заданий могут варьироваться: сначала детям предлагается повторить слова за логопедом, затем ответить на вопросы полными предложениями, потом, повторить фразы с большой концентрацией сложных слов и т. д. Систематическая работа приводит к положительным результатам. Формирование слоговой структуры влияет на успешность овладения грамматическим строем речи, усвоения звукового анализа слов, письма и чтения.

Библиографический список

1. Алексеева О.И., Морозова В.В. Особенности навыка воспроизведения звукослоговой структуры слова у детей старшего дошкольного возраста со стертой дизартрией // Специальное образование. – 2014. Том I, выпуск № X. - С. 8.
2. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – М.: АПН РСФСР, 1961. - 374 с.
3. Сикорский И.А. Развитие речи у детей. – Киев: Комиздат, 1999. – С 28-36.

ПРИСЯГА КАК ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМУЛА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Г. Хитарова

*Кандидат филологических наук,
Кубанский государственный
университет,
г. Краснодар, Россия*

Summary. The article is devoted to the texts of presidents' oaths as discourse formulas in the contemporary world. The oaths of the Russia Federation President, the Krasnodar region governor, the USA President were investigated. As a result the oath plays significant role in the development of constitutional state.

Keywords: discourse; oaths; formulas; texts.

Материалом исследования послужили тексты присяг высших должностных лиц государств, а именно президента Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки, а также губернатора Краснодарского края. Актуальность работы состоит во временной близости важных дат. Цель исследования заключается в филологическом и юридическом анализе значимости данного вида текста.

4 марта 2012 года состоялись выборы Президента Российской Федерации. Присяга Президента России: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу» [8].

13 сентября 2015 года состоялись выборы губернатора Краснодарского края. «При вступлении в должность глава администрации (губернатор) Краснодарского края на пленарном заседании Законодательного Собрания Краснодарского края приносит присягу: "Вступая в должность главы администрации (губернатора) Краснодарского края, торжественно клянусь добросовестно исполнять обязанности главы администрации (губернатора), защищать интересы населения края, уважать и охранять права и свободы его жителей, соблюдать Конституцию Российской Федерации и Устав Краснодарского края" [4].

8 ноября состоялись выборы Президента Соединённых Штатов Америки, с последующей инаугурацией 20 января 2017 года. "I... do solemnly swear that I will faithfully execute the office of the President of the United States and will, to the best of my ability, preserve, protect, and defend the Constitution of the United States" [7]. «Я торжественно клянусь, что я буду честно нести службу на посту Президента и буду делать всё возможное, чтобы беречь, охранять и защищать Конституцию Соединённых Штатов» (здесь и далее перевод Е. Г. Хитаровой). В данном случае реципиент наблюдает ча-

стичное псевдо-оправдание будущей возможной ошибки в действиях должностного лица – *to the best of my ability*. Кроме прочего интересен грамматический феномен – *I do solemnly swear*. Инфинитив со смысловым глаголом в утвердительном предложении усиливает конструкцию.

С. И. Ожегов трактует присягу как – «официальное торжественное обещание соблюдать обязательства [2]. Д. Н. Ушаков даёт такое определение: «присяга – торжественное обещание соблюдать верность, поступать правильно, по закону [3]. Целесообразно сравнить англоязычные дефиниции: “Oath – a solemn pronouncement to affirm the truth of a statement or to pledge a person to some course of action, often involving a sacred being or object as witness” [6]. «Присяга – торжественное заявление, чтобы подтвердить правду высказывания или подтвердить действия человека, вовлекая святые существа и объекты в свидетели».

“Oath – a solemn, formal declaration or promise to fulfill a pledge, often calling on God, a god, or a sacred object as witness” [5]. «Торжественная, строгая декларация или обещание выполнить обет, часто призывая Бога или божество или священный образ в свидетели». “Oath – a solemn usually formal calling upon God or a god to witness to the truth of what one says or to witness that one sincerely intends to do what one says” [9]. «Торжественное, обычно строгое взывание к Богу или божеству, чтобы засвидетельствовать правду говорящего или чтобы засвидетельствовать, что кто-то искренне намеревается сделать то, что говорит». Указанные дефиниции отражают неординарность момента принесения присяги, его значительность и глобальность.

На первом месте в тексте присяги Президента РФ находятся по значимости важные аспекты – права и свободы человека и гражданина, что указано и во 2 статье Конституции. А также указано твердое стремление хранить суверенитет и безопасность границ страны. В присяге губернатора соответственно, как и в присяге Президента, уделено внимание населению края, их правам и свободам, акцент сделан именно на жителей края. А использование наречий «торжественно» и «добросовестно» придаёт серьёзность и важность исследуемому тексту.

В присяге Президента США внимание уделено только Конституции – Президент обязуется её беречь, охранять и защищать, так как в данном случае она аккумулирует в себе все значимые сферы жизни человека.

Все рассматриваемые тексты присяг содержат отсылку к Конституциям своих стран, а присяга, края кроме, прочего еще и подчеркивает важность Устава Краснодарского края, так как он является «государственной-правовой основой социально-экономической, политической и культурной жизни края» [4].

Присяга Президента США среди анализируемых является наиболее компактной, присяга губернатора схожа с присягой Президента РФ,

которая ёмко, но конкретно отражает основные принципы, закреплённые в Конституции РФ.

Делая вывод, можно отметить, что в современном мире представляется важным и необходимым выполнение такого ритуала, как принесение присяги. Принесение присяги является псевдо-формальностью, но в то же время основополагающей базой становления государственной системы.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации
2. Толковый словарь С.И. Ожегова вокабула.рф (дата обращения 15.03.2017)
3. Толковый словарь Д. Ушакова вокабула.рф (дата обращения 15.03.2017)
4. Устав Краснодарского края
5. American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Copyright © 2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. Published by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. All rights reserved. www.thefreedictionary.com (дата обращения 15.03.2017)
6. Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition 2014 © HarperCollins Publishers 1991, 1994, 1998, 2000, 2003, 2006, 2007, 2009, 2011, 2014 www.thefreedictionary.com
7. Constitution of the USA usconstitution.net (дата обращения 15.03.2017)
8. www.kremlin.ru/structure/president (дата обращения 15.03.2017)
9. www.merriam-webster.com/dictionary/oath (дата обращения 15.03.2017)

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ (на примере медвуза)

В. В. Дегтяренко

*Преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. The article presents practical experience on communication competence of foreign students in Volgograd state medical University. The article observes the Russian language as the language of professional adaptation and exteriorization of professional values for international students.

Keywords: scientific style; Russian as a foreign language; international students; interactive forms of teaching; general social and cultural adaptation; communication competence; cultural competence; professional communication.

Очевидно, что новое поколение государственных образовательных стандартов расширяет возможности личностного, духовно-нравственного комплекса обучающихся российских и иностранных студентов в вузе, а также развивает общую культуру речи и культуру профессионального общения студентов-медиков.

В результате построения стандартов третьего поколения на компетентностной основе цели обучения иностранных студентов в вузе определили содержание учебного процесса, методическую и дидактическую стратегию вузовского этапа подготовки будущего специалиста.

Русский язык рассматривается нами как язык-посредник, на котором происходит обучение языку специальности, и «система обучения иностранных студентов в российских вузах способствует формированию научных знаний, выработке необходимых навыков и умений», влияющих на успешность и личностный рост будущих врачей [6, с. 5].

В связи с этим на начальном этапе вузовской подготовки преподаватель ставит задачу – познакомить иностранных студентов, начинающих изучать русский язык, с особенностями научного стиля речи, со специальной лексикой, новыми лексико-грамматическими конструкциями русского языка. Отметим, что предлагаемый иностранным учащимся материал демонстрирует тексты учебно-профессиональной сферы (терапия, гистология, патологическая анатомия, патологическая физиология, клиническая

фармакология, латинский язык и другие дисциплины). В ходе обучения языку специальности речевое общение на занятии РКИ осуществляется через все виды речевой деятельности, которые взаимосвязаны (чтение, аудирование, письмо, устная речь). Уточним, что обучение научному стилю речи на занятиях по русскому языку происходит на материале текстов по специальности. Зарубежные студенты включаются в системный процесс овладения медицинскими дисциплинами, поэтому необходимость изучения научного стиля речи на занятиях русского языка всем клиницистам очевидна.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми ФГОС к содержанию и программам обучения иностранных студентов, предлагаемый факультативный курс «Научный стиль речи», начиная со 2 курса английского отделения и 1 курса русского отделения, содержит интерактивные формы обучения, являющиеся структурным звеном при формировании коммуникативной компетентности будущего врача. Подробно об отборе учебного материала, помогающего иностранным студентам включиться в клиническую практику, делятся опытом исследователи Т. К. Фомина, О. Н. Алтухова, О. П. Игнатенко [5, с. 23–26].

Отмечает положительный практический опыт коллег по межкафедральной интеграции Д. Н. Емельянов, говоря о том, что «у иностранных студентов часто возникают проблемы в общении с больными, так как опрос больного, сбор жалоб и анамнеза требуют определенного уровня владения русским языком», поэтому «кафедра пропедевтики тесно сотрудничает с кафедрой русского языка» [3, с. 109].

Кроме этого, учебных пособий по научному стилю (на материале текстов по терапии) не издано, а система языковых и речевых упражнений недостаточна для выработки определенных профессиональных навыков, поэтому преподаватели расширяют использование интерактивных методов (например, ролевая игра) при изучении научного стиля речи. Это позволяет иностранным студентам эффективнее усваивать и запоминать предлагаемый учебный материал, ориентируясь в первую очередь на профессиональную деятельность в будущем. Отличительной особенностью интерактивных заданий является направленность на связь всех видов речевой деятельности в ситуациях, которые можно условно распределить на этапы овладения иностранным языком:

- выработка умений узнавать изучаемое явление (Какая это буква? Какой это звук? Кто это? Что это?);
- репродуктивная трансляция задания (повторение по речевому образцу: На что Вы жалуетесь? Где чувствуете боль?);
- самостоятельное воспроизведение (включение в речевую ситуацию, диалог с больным, постановка диагноза, разговор с родственниками больного, выступление с рапортом на клинической конференции).

Важно отметить, что, работая с научным текстом на предтекстовом этапе, знакомство и изучение новой лексики проводится в парах или по цепочке. С целью выяснения значения нового термина иностранные студенты обращаются к преподавателю.

По словам Н. В. Гончаренко, которая уточняет, что «активное вовлечение студентов в учебный процесс способствует более легкому усвоению, пониманию и запоминанию материала, повышению внимания и работоспособности» [2, с. 1–6]. Например, В. В. Алферова презентует свой опыт по применению интерактивных технологий и говорит об особой форме дискуссии «Дебаты», тогда как «проведение «мозгового штурма (атаки)» используется для получения от группы в короткое время большого количества вариантов ответа» [1, с. 75].

Однако практика показала, работа на втором и третьем этапах строится по принципу выполнения иностранными студентами интерактивных речевых заданий (притекстовых и послетекстовых) потому, что «содержанием таких упражнений должны быть реальные жизненные ситуации, с которыми учащиеся могут столкнуться в жизни», где они «классифицируются автором по трем признакам: составу, способу выполнения и установкам» [4, с. 13–14].

Уточним, отработка нового речевого образца может быть успешной и доведена до автоматизма, но в условиях реальной речевой коммуникации иностранный учащийся может растеряться и забыть заученный материал. Решая данную проблему и используя опыт преподавателей кафедры русского языка и социально-культурной адаптации, мы предлагаем творчески подходить к отбору упражнений и создавать обучающие речевые ситуации на занятии РКИ, которые будут проигрываться студентами, ненавязчиво имитируя события в госпитале, поликлинике, больнице.

Притекстовый этап предполагает анализ логико-смысловой структуры научного текста, поэтому преподавателю следует обратить внимание на лексико-грамматические конструкции в тексте. На наш взгляд, креативным и интерактивным является послетекстовый этап, который завершает изучение текста и включает в себя как элементы ролевых игр, так и сами ролевые игры, наглядно показывающие поведение людей и их роль в социуме: «главный врач-врач», «врач-врач», «врач-медсестра», «врач-больной», «медсестра-пациент», «врач-родственники больного». Выбор интерактивных методов обучения в РКИ широк и разнообразен: ролевая игра, мозговой штурм, метод проектов и другие виды речевой и коммуникативной деятельности обучаемых. К примеру, исследователи Т. К. Фомина и Н. В. Гончаренко подчеркивают, что мультимедийные приложения «являются уникальным дидактическим средством» [7, с. 214], помогающим подготовить учащихся к клинической практике. В процессе обучения научному стилю речи применение интерактивной методики возможно при подаче нового материала, промежуточном контроле, закреплении, повторении или

обобщении изученного. В качестве домашнего задания на продвинутом этапе обучения РКИ на 5–6 курсах можно рекомендовать составление репорта для выступления на клинической конференции об истории заболевания и жизни больного, сборе анамнеза. Как правило, задания данного типа помогают старшекурсникам готовиться к серьезным научным конференциям и готовят их к сдаче государственных экзаменов на русском языке.

Таким образом, практика показала, стимулировать иностранных студентов к изучению текстов научного стиля речи и к профессиональной деятельности в будущем помогает совместная работа с клиницистами по отбору текстов научной направленности и система отбора интерактивных упражнений, моделирующая коммуникативную активность будущего врача с учетом вербального или визуального представления обстановки.

Библиографический список

1. Алферова В. В., Смирнов А. В. Применение интерактивных методов обучения и совершенствование преподавания патологической анатомии у иностранных студентов. В книге: Проблемы качества обучения зарубежных граждан в медицинских вузах IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – 2012. – С. 176–178.
2. Гончаренко Н. В. РКИ для студентов-медиков: активные и интерактивные формы обучения // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 5 (246). – С. 1-6.
3. Емельянов Д. Н. Особенности преподавания пропедевтики внутренних болезней иностранным студентам. В книге: Проблемы качества обучения зарубежных граждан в медицинских ВУЗах IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – 2012. – С. 109-110.
4. Сосенко Э. Ю. Коммуникативные подготовительные упражнения. М., «Русский язык» – 1979. – С. 136.
5. Фомина Т. К., Алтухова О. Н., Игнатенко О. П. Изучение научного стиля речи на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории как необходимое условие профессионально ориентированного общения. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2014. – № 4. – С. 23-26.
6. Фомина Т. К. Социокультурные параметры процесса обучения в российских высших учебных медицинских учреждениях. (Обучение иностранных граждан). Монография/ М-во здравоохранения Рос. Федерации, М-во образования Рос. Федерации, Волгогр.гос.мед.ун-т. Волгоград, 2003. – С. 5.
7. Фомина Т. К., Гончаренко Н. В. Обучение через развлечение: эдьютейнмент в преподавании русского языка иностранным студентам-медикам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10-3 (64). – С. 212-214.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТИП ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И СПОСОБЫ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (на примере материалов польских студентов)

Д. А. Лукьянов

*Магистрант,
Иркутский государственный
университет,
г. Иркутск, Россия*

Summary. This article studies the interference that occurs between the Polish and Russian languages. The author analyses the speech errors caused by the influence of the Polish language. In this study the author examines the main problems the Polish speakers face when communicating in Russian. These details let us determine what exercises need to be created for Polish native speakers. These exercises let us minimise the errors caused by the influence of the Polish language.

Keywords: grammatical interference; morphological interference; syntactic interference; teaching Russian as a foreign language.

Данная статья посвящена изучению грамматической стороны интерференции, а именно анализу грамматических ошибок, возникновение которых обусловлено межъязыковой интерференцией. Кроме того, в данном исследовании выявляются причины появления данных ошибок, что является важной составляющей в разработке методического материала, направленного на устранение интерференции, возникающей при общении на иностранном языке.

Грамматической интерференцией называется нарушение, при котором носитель другой языковой системы переносит морфологические и синтаксические законы своего языка на систему иностранного языка. Ошибки, вызванные влиянием морфологической системы родного языка, ведут к тому, что во многих словах изучаемого иностранного языка могут появляться нехарактерные окончания. Также нарушение морфологических норм может приводить к ошибкам, связанным с неправильным употреблением рода, числа, падежа. Стоит заметить, что морфологические ошибки могут быть вызваны нарушением синтаксических правил, которое в свою очередь возникает из-за влияния синтаксических единиц родного языка.

Под воздействием синтаксических закономерностей родного языка в речи говорящего создаются неестественные синтаксические конструкции, нарушаются синтаксические связи, а именно происходит несогласование различных частей речи в роде и падеже, используется неправильный предлог. Всё это обусловлено тем, что говорящий как носитель определённой языковой культуры, привыкает к использованию тех или иных синтаксических конструкций, которые существуют в его сознании, одновременно они являются авторитетными по отношению к тем синтаксическим образцам,

которые имеются в изучаемом языке. Необходимо также добавить, что переход от синтаксиса родного языка к синтаксису иностранного затруднён и по той причине, что именно синтаксические конструкции родной системы являются более значимыми, ведь с помощью них человек познавал действительность, благодаря им происходило его становление. Именно поэтому избавление от синтаксической интерференции при общении на иностранном языке представляет собой трудную задачу для говорящего.

Как видим, грамматическая интерференция – это трудный серьёзный проблемный участок, так как иностранец, находящийся в контакте с иностранным языком, может подвергаться как морфологическим, так и синтаксическим влияниям системы родного языка. Кроме того, появление одной ошибки может провоцировать возникновение другой.

В тех случаях, в которых вторым иностранным языком является близкородственный язык, ситуация усложняется тем, что в языках таких, как русский и польский, существует достаточно большое количество схожих морфологических и синтаксических единиц, однако такая близость, наоборот, усиливает влияние интерференции, так как говорящий знает, что в большом числе случаев грамматическое построение в родном и близкородственном языке совпадает. И осознание данного факта провоцирует говорящего использовать более близкий вариант, созданный по модели родного языка, тем самым субъект речи неосознанно пренебрегает грамматическими правилами иностранного языка.

Для того чтобы более подробно изучить проблематику грамматической интерференции обратимся к письменным и устным материалам студентов Университета Адама Мицкевича в Познани, обучающихся по направлению «русская филология». Благодаря анализу данных текстов, в том числе расшифрованного интервью, есть возможность выявить то, как проявляется грамматический тип интерференции в письменной и устной речи носителей польского языка. Данный анализ покажет, с какими трудностями сталкиваются носители польского языка при общении на русском языке, а также позволит разработать методический материал, направленный на устранение ошибок, связанных с интерференцией.

Все виды грамматических интерференционных ошибок, представленных в данном исследовании, распределены на две группы: морфологические и синтаксические.

Обратимся к морфологическому типу интерференционных ошибок.

1. Девичье леса
2. Зато ресницы длинные и загнуте.

В примерах 1-2 обнаруживается интерференция, суть которой заключается в том, что участники исследования вместо окончания **И** в прилагательном *девичьи* и окончания **ЬЕ** в прилагательном *загнутые* используют польский им аналог **Е**. Данная ошибка спровоцирована морфологическим правилом польского языка, согласно которому в нелично-мужском

роде множественного числа существительные и прилагательные могут использовать окончание **Е**. Необходимо обратить внимание на существующие различия, имеющиеся в морфологической системе русского и польского языков. В морфологической системе польского языка существует два рода во множественном числе (лично-мужской и нелично-мужской). К нелично-мужской форме относятся слова, обозначающие женщин, предметы, явления. Лично-мужская форма называет множественность мужчин или любую множественность людей, в которой есть хотя бы один мужчина. Таким образом, говорящие выбирают окончания у прилагательных *загнутые* и *девичье*, ориентируясь на окончания нелично-мужской формы множественного числа, которой в русском языке не имеется.

По той же самой причине происходит интерференция в письменном тексте у следующего участника исследования.

3. Пытался не обращать внимания на женщины.

В приведённом примере существительное множественного числа употреблено по аналогии с винительным падежом польского языка, тогда как в русском языке данное существительное должно иметь нулевое окончание. Суть возникновения данного вида интерференции основана в том, что слова, относящиеся к нелично-мужской форме множественного числа, в винительном и именительном падежах имеют одинаковые флексии. Интересно заметить, что участники исследования не допускают подобных морфологических ошибок при употреблении слов, относящихся к лично-мужской форме множественного числа. Возможно, это происходит по той причине, что лично-мужская форма винительного падежа польского языка совпадает с формой родительного падежа, точно также как в русском языке одушевлённые существительные во множественном числе имеют одинаковые флексии в винительном и родительном падежах. И поэтому все существительные, которые в польском языке относятся к лично-мужской форме, в русском языке будут принадлежать к одушевленным существительным, и это в свою очередь означает, что при склонении может быть задействован тот же самый морфологический механизм, впоследствии не приводящий к нарушениям.

4. Это мне удивило.

В примере 4 обнаруживается морфологическая интерференция. В данном случае согласно правилам русского языка местоимение *я* должно быть использовано в дательном падеже, на что указывает глагол *удивить*. Однако ошибка, совершаемая носителем польского языка, заключается не в том, что он неправильно выбирает падеж, а в том, что он употребляет местоимение *я* в том самом виде, как оно используется в дательном падеже польского языка. Кроме того, в аналогичном польском предложении «*zdziwiło mnie to*» глагол *zdziwić* в управлении также как и глагол *удивить* требует дательного падежа, что в свою очередь доказывает: в данном случае представлен пример морфологической интерференции.

5. Остальные страны Европы стараются как-то подражать этим образцОМ.

В примере 5 происходит аналогичный с предыдущим предложением тип морфологической интерференции: говорящий в дательном падеже множественного числа вместо окончания –**АМ** использует окончание характерное для дательного падежа польского языка –**ОМ** (*mężczyznom, kobietom, dzieciom*).

6. Москва для меня более европейска.

Из данного примера следует, что вместо формы прилагательного *европейский* используется форма *европейска*, характерная для польского языка. Стоит отметить, что польские прилагательные по своей форме схожи с краткими прилагательными русского языка (*europajska, moskiewska, warszawska*). Кроме того, выбор данной формы в примере 6 может быть обусловлен тем, что в приведённом случае русская форма прилагательного и её польский аналог очень близки по звучанию. В свою очередь наличие подобно звучащих слов может спровоцировать говорящего к выбору языкового варианта, который является более знакомым.

Итак, следующей стороной изучаемого явления являются синтаксические интерференционные процессы, которые в некоторых случаях тоже могут быть связаны с морфологией. Например, в некоторых случаях возникновение морфологической ошибки может быть обусловлено синтаксическим влиянием родного языка.

7. Ведь этот город самый близкий Польше.

8. Он был близок целу.

В примерах 7-8 происходит синтаксическая интерференция по той причине, что в польском языке имеются предлоги *blisko* и *w pobliżu*, которые, как видимо, в сознании интервьюируемых соотносятся с русским прилагательным *близкий* и его краткой формой *близок*. Такой вид соотнесения приводит к ошибке, заключающейся в том, что после прилагательного не используется необходимый в данном случае предлог *к*. Стоит отметить, что в примере 7 интервьюируемый совершает только синтаксическую ошибку, так как падеж им выбирается правильно. Однако в примере 8 участник исследования допускает ещё дополнительно морфологическую ошибку, появление которой обусловлено, в том числе и польским синтаксисом, так как слово *цель* использовано не в дательном, а в родительном падеже, то есть прилагательное *близкий* в данном случае, как польский предлог *blisko*, согласует слово *цель* с родительным падежом. Так, например, в польском предложении «*Jestem blisko celu*» слово *cel* должно быть употреблено в родительном падеже. Кроме того, в примере 8, как было сказано, допускается и морфологическая интерференционная ошибка, так как для родительного падежа русского языка в слове *цель* окончание *-У* не используется. Итак, в примерах 7–8 обнаруживается синтаксическая интерференция: участники исследования не используют предлог *к* после при-

лагательного *близкий* и его краткой формы *близок* по аналогии употреблений польских существительных с предлогами *blisko* и *w pobliżu*. В 8 примере также происходит морфологическая интерференция, причиной которой является нарушение синтаксических правил русского языка.

В следующем примере обнаруживается синтаксический тип интерференции, при котором говорящий после слова *типа* употребляет существительные *почта*, *обмен* в именительном падеже.

9. Но меня тоже удивило в России то, что люди, работающие где-то в магазинах или в каких-то государственных учреждениях типа почта, обмен валют, они почти не улыбаются.

Данная ошибка спровоцирована синтаксисом польского языка, по правилам которого после слова *tytu* используется именительный или родительный падеж. Стоит отметить, что в русском языке употребление существительного после предлога *типа* в родительном падеже тоже является естественным, однако в нашем примере говорящий использует слово *почта*, *обмен* в именительном падеже, что противоречит нормам русского языка, а согласуется с польскими законами синтаксиса. Отсюда следует, что в данном примере происходит синтаксическая интерференция, так как согласно правилам русского синтаксиса после предлога *типа* должно следовать существительное в форме родительного падежа: *люди, работающие где-то в магазинах или в каких-то государственных учреждениях типа почты, обмена валют, почти не улыбаются*.

Обратимся к следующим примерам синтаксической интерференции, в которых участник исследования в конструкции «и так далее» заменяет лексему *далее* на лексему *дальше*.

10. В Польше до какой-то степени можно еще это поменять, договориться и так дальше.

11. Для нас всегда источником просвещения всего, что лучше являлась западная Европа, мы всегда стремились к западной Европе, к ее каким-то нормам, к ее культуре и так дальше.

Данное замещение обусловлено тем, что в польском языке слово *dalej* используется не только в значении ‘продолжая начатое’, но и также оно употребляется в конструкции «и так далее» (*i tak dalej*). В то же время в русском языке в двух этих употреблениях используются синонимические слова *далее* и *дальше*. В значении ‘продолжая начатое’ употребляется лексема *дальше*, а в конструкции «и так далее», как мы знаем, используется слово *далее*. Таким образом, говорящий ошибочно полагает, что в русском языке лексема *дальше*, точно также как польская лексема *dalej*, используется в двух употреблениях. Такое представление оказывается ошибочным, и приводит к интерференции.

В примерах 12–13 наблюдается следующее: участник исследования в синтаксической конструкции «между чем-то и чем-то» использует союз *a* вместо союза *и*.

12. Он говорит, что Россия – это вообще не Европа, это это вот что-то между Россией а Азией.

13. Я не могу это представить на примерах, но это как-то неощутимо, но я ощущаю это... такую разницу между поляками а русскими.

Выбор союза *a* обусловлен тем, что синтаксическая конструкция «между чем-то и чем-то» и её польский аналог «*między czymś a czymś*» похожи друг на друга, единственным отличием является союз: в русском варианте используется *и*, в польском – *a*. Таким образом, говорящий во всех употреблениях данной конструкции использует союз *a*, который выбирается из-за того, что слово *между*, а также существительные в творительном падеже, в приведённой конструкции служат неким маркером, указывающим на необходимость использования в данном месте польского слова. И всё это также является доказательством влияния польского синтаксиса на русский.

В следующем примере участник исследования допускает ошибку в составном именном сказуемом.

14. Может, не есть слово, которое здесь подойдет.

В приведённом предложении мы видим, что в составе именного сказуемого используется глагол *быть*, употребление которого в настоящем времени не характерно для русского языка. В польском языке, как и во многих других европейских языках, глагол *быть* является естественным употреблением в настоящем времени. Отсюда следует, что интервьюируемый, используя глагол *быть* в настоящем времени вместо нулевой связки, подвергается влиянию системы польского языка, в котором данное предложение должно использоваться с глаголом *быть* в форме 3 лица, ед.ч. (*może to nie jest słowo, które tu pasuje*).

Итак, анализ морфологических и синтаксических ошибок, проведённом в данном исследовании, позволяет определить, с какими видами интерференционных ошибок сталкиваются носители польского языка, а также позволяет выяснить, какой тип упражнений необходим для устранения интерференции.

Анализ ошибок, вызванных влиянием морфологической интерференции, показал, что носители польского языка испытывают трудности связанные с выбором падежных окончаний. Данная проблема обусловлена тем, что в русском языке не существует нелично-мужской формы множественного числа. Отсюда следует, что для носителей польского языка, изучающих русский язык, необходимо разработать материал, направленный на устранение такого рода ошибок, а именно создать упражнения, благодаря которым можно проверить обучающихся на знание правил сочетаемости глагола с существительными множественного числа, в особенности тех, которые в польском языке относятся к нелично-мужскому роду. Кроме того, стоит разработать материал, который в целом проверит то, какие падежные окончания носители польского языка выбирают для существи-

тельных, прилагательных и местоимений, так как в данных местах также были обнаружены проблемные участки.

Ошибки, связанные с влиянием синтаксиса польского языка, позволили определить, что в некоторых случаях происходит ошибочное управление между словами: после предлога *типа* используется именительный падеж вместо родительного, после прилагательного *близкий* и его краткой формы *близок* пропускается предлог, а также в случае с кратким прилагательным используется неправильный падеж. Данный тип ошибок говорит о необходимости создания комплекса упражнений, в котором будет возможность проверять польских студентов на то, как они усвоили правила синтаксических связей между различными частями речи, в том числе различных частей речи с предлогами. Кроме того, следует приготовить материал с готовыми синтаксическими конструкциями, которые в языках окажутся похожими. Такой материал необходим для того чтобы при общении на русском языке носители польского языка не заменяли единицы иностранного языка на единицы родного.

Последний тип синтаксической интерференции заключается в употреблении глагола *быть* в настоящем времени. Для устранения данной проблемы также необходимо составить упражнения, в которых можно проверить польских студентов на то, как ими осознаются те места в русском языке, в которых форма глагола *быть* в настоящем времени должна быть использована и наоборот.

Библиографический список

1. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. - М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. – С.
2. Роляк И. Межъязыковая интерференция на занятиях по русскому языку делового общения./Problemy nauczania języka rosyjskiego, literatury i kultury Rosji u progu XXI wieku. – Kielce, 1999

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

NARRATIVE STRATEGIES OF MISERY LIT TEXTS

M. Bekhta-Hamanchuk

Assistant lecturer,
Lviv Polytechnic National University,
Lviv, Ukraine

Summary. The article aims at the analysis of narrative strategies and linguistic peculiarities of *misery lit* texts. These texts belong to the new genre of autobiographical literature which dictates their peculiarities. An overview of a genre of *misery lit* has been given. The notion of narrator figure has been examined. Time in *misery lit* narratives has been studied.

Keywords: misery lit; narrative; narrator; first-person narrative.

Recently a new genre of autobiographical literature – *misery lit* (*mis lit*, *misery memoirs*, *mis mems*, *misery porn*, *trauma fiction*) – has begun to actively develop in the British culture. The term *misery lit* was first used in the publications of the British magazine “The Bookseller” to refer to the memoirs “in which the author tells of his or her triumph over personal trauma” [8]. In the form of literary autobiographical recollections these memoirs are focused on the “outpourings of authors who have endured childhoods of horrific abuse, describing in agonizing detail histories of domestic violence, incest, poverty, institutional cruelty, drug addiction, and sexual abuse” [7]. Narration in *misery lit* texts typically begins with narrator’s childhood and culminates in his or her emotional catharsis, release or escape from the problems.

The new genre of *misery lit* is thought to have originated in the memoirs “A Child Called It” (1995) written by an American author Dave Pelzer. The novels “Wild Swans” by Jung Chang (1992) and “Angela’s Ashes” by Frank McCourt (1996) should also be mentioned as they are considered to be precursors to the misery memoirs. Although *misery lit* emerged in the United States, it has quickly grown popular in Great Britain.

This article aims at an overview of the *misery lit* genre and the analysis of narrative strategies and linguistic peculiarities of *misery lit* texts.

Title page layout. The titles of misery lit novels in the UK are of two types: 1) the dramatic past participle (“Damaged” by C. Glass (2006), “Broken” by S. Keenan (2008), “Unloved” by P. Roche (2007), “Punished” by V. Steel (2009); 2) the more discursive, directly heartstring-tugging phrase (“Dance for Your Daddy” by K. Shellduck (2007), “Cry Myself to Sleep” by J. Peters (2009), “When Daddy Comes Home” by T. Maguire (2007), “No More Silence” by D. Whelan (2010) [1]. Such titles emphasize child’s vulnerability and weakness, at the same time attracting attention to the severity, strictness of par-

ents/guardians/abusers. They are commonly presented in bold, stylized, often sloppy handwriting. The cover picture features an aggrieved, offended child. All these elements carry the notion of confession, avowal. The aesthetics of this design has an explanation, namely, people instinctively notice things and objects which are familiar, understandable.

Narrative agent. Narrative situation in *misery lit* texts has its own peculiarities: narrator (“the “I” of the work” [2, p. 73]) to whom the real author delegates all his/her responsibilities coincides with the protagonist. “The author would be responsible for the whole text, using an intermediate specialized instance – the narrator – to tell (within the text), whereas characters are elements of content in the presented world whose role is to be and to act” [3, p. 166]. Thus, external text communication (real author – real reader) and internal text communication (narrator – narratee) must be distinguished.

Grammatical indicator of the person who narrates is the most striking feature of the narrative and the narrator figure. There are two principal kinds of narration – first-person and third person which appear under different terms in the works of many linguists (F. Stanzel, G. Genette, D. Coste etc). *Misery lit* texts are characterized by first-person narration. Regarding it, it is important to stress that it almost invariably includes third-person narration:

Eventually Mum could no longer bear to have me in her beautiful clean house any longer and I was dragged away and thrown into the dark, damp Victorian cellar with nothing but an old mattress to lie and a bucket for a toilet. I sat in the darkness, dreading the threatening sound of approaching footsteps on the stairs even more than I dreaded loneliness and hunger. Sometimes I would be left there for days on end without food or water, unable to call for help or beg for mercy, trapped inside my own silence, not even able to scream [10, p. 4].

Mostly *misery lit* texts are narrated in the first person –narrators use “I” and “me” to refer to themselves, all the events are concentrated around their figures. However, the degree to which narrators refer to themselves may sometimes vary greatly in *misery lit* narratives.

Another peculiarity of the narrator figure in *misery lit* texts is its ambivalent character. Narrator in a *misery lit* text combines two entities: narrator-adult and narrator-child, both of whom are (to a bigger or smaller extent) present in the text.

Narrator-child: *Tigs and I look at each other. We don't mention the cards. We put them aside. Later, when I am alone, I take the card out. I look at his writing, 'Love Daddy.' Inside me there is a longing, a wanting. I want my father to love me. I want it all to be all right. I want 'home' with my mother and father, even though I know that it has ceased to exist [11, p. 98–99].*

Despite having no textual indicators of age, due to the semantics of the chosen contextual fragment it is obvious that the narrator is still a child. Present tenses intensify the emotionality of the narration and create a feeling of involvement.

Narrator-adult: *There you have us, the main characters in my little drama. One father, one mother, a nanny, three sisters and me. Cobblestones of memory, seen through my one good eye. Now I am an adult, then I was a child. The two voices that are me* [11, p. 6].

The same narrator in the latter example emphasizes the fact that she is an adult woman, mentioning two voices of hers (child's and adult's).

Narrative time. Since *misery lit* texts are descriptions of sufferings experienced during childhood, their retrospective layout/nature is doubtless. The whole range of past tenses of English language is used in descriptions, narrations and argumentations to reproduce the events. Nonetheless, present tenses are widely used in *misery lit* narratives as well. Rarely the whole text is written in present tenses (“Dance for Your Daddy” by K. Shellduck (2007)).

As M. Fludernik states, present tenses in traditional fictional texts are used in two forms: 1) deictic usage concerning here-and-now of the narrator and/or the reader; 2) periodic usage within the framework of the past [4, p. 124]. The latter is typical of *misery lit* texts. Often narration starts with present tenses used to describe a critical moment in narrator's life. Further in the text past tenses are used. The main aim then is creating an effect of presence, making a narratee feel emotionally involved and compassionate.

I'm alone. I'm hungry and I'm shivering in the dark. I sit on top of my hands at the bottom of the stairs in the garage. My head is tilted backward. My hands became numb hours ago. My neck and shoulder muscles begin to throb. But that's nothing new – I've learned to turn off the pain. I'm Mother's prisoner. I am nine years old, and I've been living like this for years. Every day it's the same thing [9, p. 3].

An important role in the development of *misery lit* narrative time is played by analepsis and prolepsis. Although the whole narration is predominantly retrospective, the narrator often returns to some moments earlier in the past (using flashbacks) breaking a temporal order of the narrative. In such way he/she attracts narratee's attention to the events which are in his/her [narrator's] opinion significant.

One day, when I was about five or six, I was sent home three times in one day for wetting my knickers and Mum was called to the school to talk about it. When we got home and has shut the front door, Mum turned on me straight away. Her eyes looked huge and round. She had a screaming fit. She told me I was embarrassing her [5, p. 44].

Prolepsis (anticipations what will happen next) is aimed at creating suspense.

I was around ten years old at this point in my life. It is still hard for me to comprehend all that had happened in what felt like bloody decades. To this day, it remains difficult for me to put it in the right order, but I will try to give you an insight into how I felt [5, p. 155].

Prolepsis and analepsis are important temporal categories of fictional texts that perform significant text-forming functions and assist in extending characters' characteristics. In these categories linguistic and psycholinguistic text parameters interwine. They are the means of text cohesion and coherence. Owing to prolepsis and analepsis we are able to comprehend the connection between spacial and temporal relations in the text of the novel.

All in all, narration in *misery lit* texts has its own peculiarities ranging from the outward look of the novels (titles, cover pages) to their narration techniques. These traumatic narratives are predominantly introduced with the help of first-person narration, where narrator functions both as a storyteller and a main character. The successful combination of various grammatical means (namely present and past tenses) enables expressiveness of the text and emotional involvement of its narratee.

Popularity of *misery lit* in the UK shows that there was a shift in interpersonal relations – society has become more open, people are more willing to discuss the unpleasant, troublesome issues, rather than to ignore them. These issues include the pain of violence, horrible human behavior that causes suffering, vulnerability of the child and its ability to survive the violence without giving up.

Texts written in the new genre of autobiographical literature – *misery lit* – are more than just personal accounts and stories about events in people's lives. Instead, they constitute a paradigm of moral reaction that can give readers an opportunity to consider themselves part of a moral society united by traumatic experiences.

Bibliography

1. Addley E. So Bad It's Good. [Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/society/2007/jun/15/childrenservices.biography>]
2. Booth W. The Rhetoric of Fiction / W. Booth. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1961. – 455 p.
3. Coste D. Narrative as Communication / D. Coste. – University of Minnesota Press, Minneapolis, 1989. – 370 p.
4. Fludernik M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: the Linguistic Interpretation of Speech and Consciousness / M. Fludernik. – London: Routledge, 1993.
5. Keenan S. Broken / S. Keenan. – London: Hodder and Stoughton, 2008. – 305 p.
6. Lewis K. The Kid / K. Lewis. – London: Penguin Books, 2003. – 242 p.
7. Miller A. The Pornography of Trauma: Faking Identity in 'Misery Memoirs' / Alyson Miller. – [Режим доступа: <http://www.linqjournal.com/past-issues/volume-39-life-writing-performing-lives/the-pornography-of-trauma-faking-identity-in-misery-memoirs/>]
8. O'Neill B. Misery lit...read on. [Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/6563529.stm]
9. Pelzer D. The Lost Boy / D. Pelzer. – London: Orion Books, 1997. – 272 p.
10. Peters J. Cry Myself to Sleep / J. Peters. – London: HarperCollins Publishers, 2009. – 293 p.
11. Shellduck K. Dance for Your Daddy / K. Shellduck. – London: Ebury Press, 2007. – 215 p.

METAPHOR AS THE MAIN ARGUMENTATIVE FIGURE IN ADVERTISING

A. Suleimenova

*Master's degree student,
University KAUIRWL,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. The article draws attention to the role of metaphors in advertising discourse. Metaphor is not only a device of expressive speech, but also an effective means of persuasion. It is quite natural that today in the advertising industry people often use metaphors, since it can help not only to describe the advertised object, but also to manipulate the human mind.

Keywords: advertising; metaphor; metaphorization; cognitive process; conceptual domain; speech; discourse; artistic device; trope; communication.

Advertising is a complex and unique form of communication. It is built according to its laws, the rules of development and management. It has its own specific language. Therefore, there is always an unflagging interest to this type of discourse, its manipulative methods and the techniques of meaning transmission.

The advertising communication through the human values and norms influences the formation and change of outlook of individuals and social groups. It is a factor contributing to the uniformity of needs, values and beliefs of society that is a factor of stability of the current social and cultural environment, and also a factor that causes the changes in the worldview and society in general.

Advertising language is a special phenomenon and the area of study of mass communication within the modern science. It has two main functions: to inform and to persuade people. The concreteness and purposefulness help to understand the individuality of every advertisement.

The advertising compilers operate with a variety of verbal and non-verbal means in order to have an impact on the consumer. Both verbal and non-verbal context presented in the form of colorful images, diagrams (printed advertising) or by using video materials (commercials) may be present at the same time in the advertising text. Therefore, the specificity of advertising texts is determined by the fact that, depending on the type of advertising, they can combine verbal part with the following non-verbal elements: visual elements (in print and outdoor advertising), audio elements (in radio advertising), and audio and visual elements (TV commercials).

One of the main features of advertising texts is their compactness. D. E. Rosenthal and N. N. Kokhtev claim that during the preparation of advertising texts it is important to observe the rule: the minimum of words - the maximum of information [3, p. 118]. For instance, "Fresh decision" in advertising of chewing gum "Mentos". There are only two words but they transmit the main idea very well.

It is known that person thinks metaphorically, he is not in the isolation from the metaphors that envelop our everyday life [1, p. 235]. It is connected with the fact that in any discourse there are constituents of the figurativeness of picture of the world and the elements of poetic thought. Advertising discourse is not an exception.

Metaphor is not only a device of expressive speech, but also an effective means of persuasion. As the expressive language means, metaphor surprises with its uniqueness, helps to overcome the passivity of perception, represents the information very compactly, thus, contributes to its better memorization and strengthens the impact. The researchers G. Lakoff and M. Johnson paid attention to the most important properties of metaphor as a means of speech influence many years ago. In their work “Metaphors We Live By” they note that metaphors get into our thoughts and our actions [1, p. 227].

Metaphor is often regarded as a cognitive process. Metaphorical meaning has a complicated character and occurs as a result of conducting a whole range of processing procedures of knowledge. In the cognitive terms, the process of metaphorization is close to the model of reasoning by analogy, which is based on an idea of the transmission of information or knowledge between two conceptual domains: source and target ones. The conceptual domain and its elements (meanings and the combinations of meanings) form a metaphorical model.

In advertising discourse metaphor performs the following functions:

a) It is the material for illustrating the main idea. The specificity of human memory is that the idea in the form of a metaphor is remembered more quickly than just in the form of a dry rational statement;

b) It serves as a clue to the solution (the plot can nudge to the right thought) or the motivation for action;

c) It generates new ideas and enhances the internal motivation. Influencing indirectly, mostly “bypassing consciousness”, metaphor reduces the criticality of the consumer in relation to advertising: it is difficult to resist one's own thoughts or associations.

The combination of all these functions allows us to conclude that in the communicative activity “metaphor is an important means of influencing the intellect, feelings and will of the addressee” [4, p. 174].

It is quite natural that today in the advertising industry people often use metaphors, since it can help not only to describe the advertised object, but also to manipulate the mind of the consumer. According to A. P. Chudinov, a man not only expresses his thoughts using metaphors, but he thinks metaphorically. A person with the help of metaphors creates that world in which he lives [5, p. 52]. In turn, A. V. Prokhorov claims that at the basis of metaphor there are not the meanings of words but the concepts, which are formed in the human mind [2, p. 102]. This type of metaphor based on concepts is called a conceptual one. The distinctive feature of these metaphors is that they are based on stable correspondences between the original conceptual domain and the new conceptual

domain that are reflected in the cultural and linguistic traditions of the society [2, p. 103].

In the language of advertising metaphor occupies a dominant position: it affects the will and the feelings of consumers, it motivates them to act. With the help of metaphors only the necessary and positive characteristics and features of product or service are actualized.

The peculiarity of the use of metaphors in advertising texts is that they suggest a certain opinion without evidence, with their help commonly accepted values are presented as ready, hardly refuted arguments.

As it is known, the use of metaphor in advertising discourse helps increase the expressiveness of speech. Giving the advertising text expressiveness, originality, imagery, metaphor performs its main role - to attract consumers.

Metaphor is the main argumentative figure in the advertising text. Advertisers use the metaphor as a tool with which you can construct a composition of advertising, convey its meaning.

Let's take as an example the advertising of car:

Skoda. Simply clever (Skoda)

Confidence in Motion (Subaru)

Power, Beauty and Soul (Aston Martin)

These examples show us one of the most popular metaphorical models used in the advertising of cars. In these slogans a car has the traits that people have. It means that the human characteristics are transmitted to the inanimate object, a car. Such words as *clever, confidence, power, beauty and soul* evoke positive emotions in the consumers. They make people to believe that the advertised car has everything you need for a good and safe trip. The advertising with the use of minimum of words performs its main function: to motivate people to buy a product. This type of metaphor succeeds in attracting the consumers because it makes advertising very interesting and vivid.

Metaphor forms beliefs of target audiences in the right direction. In the process of its perception there is a kind of start-up of necessary associations. The audience is involved directly in the empathy of situation or experience of emotions that arose in connection with the situation presented in advertising. It is the power of emotional impact that ultimately determines consumer choice.

Thus, metaphor attracts and holds the attention of the recipient, it saturates the text by the expressive images that are capable of being permanently stored in memory, affects the associative thinking of the target audience. Being one of the instruments of influence and sometimes of manipulation of consciousness and thought process, metaphor acts as a sealant of information. The imagery of metaphor allows visually reflect the specifics of the national perception of the world, not only to call the phenomenon of reality, but also to qualitatively evaluate it, to determine the level of compliance of promotional product with the expectations and demands of the consumer preparing him for the role of an active participant of communication.

Bibliography

1. Lakoff, G. & M. Johnson. *Metaphors We Live By*. - London: The university of Chicago press, 2003
2. Прохоров, А. В. *Метафорическое представление объекта рекламы. Рекламная коммуникация: лингвокогнитивные аспекты исследования*. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2009
3. Розенталь, Д. Е. & Н. Н. Кохтев. *Язык рекламных текстов*. - М.: Высш. шк. 1981.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000) (Екатеринбург. 2001.) // Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.- 2001.
5. Чудинов, А. П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. - Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та. 2003.

ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ТРАДИЦИИ РУСИСТИКИ

Е. О. Колпакова

Аспирант,
Пятигорский государственный
университет,
г. Пятигорск, Россия

Summary. The development of language competences in the field of exact usage, largely due to the realization of the potential that characterizes the use of Russian verbs of one or another way of verbal action, is one of the most important tasks of modern Russian studies, primarily aimed at teaching Russian as a foreign language. The article deals with issues related to the traditions of studying of verbal action. Modern approaches to the problem are also taken into account.

Keywords: Russian verb; word-use; category of aspectuality; ways of verbal action.

С появлением во II-ой половине прошлого века новых академических грамматик русского литературного языка [6; 14 и др.], а также фундаментальных исследований в сфере глагола и глагольного вида [10; 11; 2; 1; 18 и др.] понятие способа глагольного действия (далее – СГД) прочно вошло в научно-исследовательский обиход той области русистики, которая связана с изучением «механизма определения видовой коррелятивности с учетом морфологического типа прототипических видовых пар, акциональных свойств глаголов и функционального критерия Маслова» [5, с.20]. Особую роль здесь играет применение теста «на возможность замены глагола совершенного вида X на глагол несовершенного вида Y в контекстах обязательной имперфективации, т. е. в условиях, в которых, по правилам русской грамматики, совершенный вид употреблен быть не может. К таким условиям относятся прежде всего повествование в настоящем историческом (и в сходных с ним настоящим репортажном и настоящим теат-

ральных ремарок) и контекст многократности; эти два контекста мы будем называть контекстами Маслова» [8, с. 6].

Интерес исследователей к аспектуальности в целом и к употреблению глаголов того или иного СГД во многом связан с той огромной ролью, которую играет глагольный вид в русском языке и речи, формируя предикативность и модальность и определяя успех коммуникации. В ряде работ, с учетом когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых единиц, в том числе глаголов, рассматривается характер развертывания и протекания действия, осуществляемого говорящим в пространстве временного предела, с учетом атрибутивной характеристики, которая лежит в основании внутренней формы синтаксического наименования [3]. Выбор атрибутивного признака и его носителя, в том числе и глагольного типа, во многом маркирован говорящим как индивидуальной языковой личностью [3, с. 5; 5, с. 9 и др.].

Процесс овладения речевыми навыками русского языка [ср.: 12] во многом определяется ориентацией в сложной системе глаголов, включающей неординарную словообразовательную сеть и детерминирующей большинство высказываний. Объем и семантическая масса русского глагола, его «гравитация» как способность влиять на все окружающие языковые единицы и формировать вокруг себя высказывание значительно превышают соответствующие признаки, к примеру, английского глагола.

Первым в русской лингвистической традиции, кто предпринял попытку описания явлений, связанных с СГД, был Г. К. Ульянов. Он, однако, еще не делал разграничения между лексическим и грамматическим значениями глагольных приставок. Так, им выделяются такие видовые значения глаголов, как "перфективное" (например – "вычистить"); в то же самое время глагол "изучить" считается "результативным" [15].

Роль категории вида русского глагола и связанных с нею способов протекания действия в языке и речи анализируется также в фундаментальных трудах А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, А. Мейе, Э. Сепира и многих других исследователей. Особо следует отметить вклад в исследование данного вопроса А. В. Исаченко, который разграничивал «совершаемость» и «характер глагольного действия». Признаками совершаемости, по его мнению являются: 1) отсутствие соотносительных глаголов другого вида и 2) выражение определенной общей особенности лексического значения внешними (формальными) средствами – приставками или суффиксами. Характер действия связан с теми общими значениями глаголов, которые не выражаются приставками или суффиксами [9, с. 385–418].

Началом системного изучения СГД в славянской аспектологии следует считать середину XX-го века, когда происходит выделение аспектуальных классов и подклассов глаголов, ведутся споры об иерархии данных классов, изучается функционирование СГД в речи, выводится понятие

функционально-семантического поля аспектуальности. Данная категория (и в ее рамках – СГД) разносторонне изучается на материале как русского языка (Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, М. Я. Гловинская, А. М. Ломов, М. А. Шелякин, Дж. Форсайт, М. Лейнонен, Ж. Фонтен, А. Тимберлейк), так и других славянских языков, в частности - польского (В. Смех, А. Вежбицкая и др.), чешского (Ф. Копечный и др.), сербскохорватского (Дж. Грубор), болгарского (Св. Иванчев, Ю. С. Маслов, В. Станков и др.), старославянского (А. Достал). Ведется работа по сопоставлению аспектуальности в славянских языках (Е. Беличова-Кржижкова, Х. Голтон, М. Деянова, Н. Телин и др.), изучается происхождение и развитие славянского вида (П. С. Кузнецов, И. Немец и др.).

Мы следуем за Ю. С. Масловым, который рассматривает СГД как «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия ... во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [10, с.158]. Этим же ученым дана наиболее подробная и всесторонняя характеристика СГД, которые, по его мнению, связаны с выражением особенностей лексического значения тех или иных глаголов. Разграничение понятий вида (уровень синтагматики и парадигматики) и СГД (семиологический уровень) является важным достижением современной аспектологии.

Если разграничивать вид и СГД, назвав последний грамматическим явлением, мы должны признать, что члены видовой оппозиции представляют одно и то же слово, различаясь только видовым значением. При этом далеко не очевидно, что значение совершенного или несовершенного вида может существовать как изолированное и не нести в себе никакого дополнительного оттенка значения. Некоторые ученые склоняются к мысли о том, что граница эта в принципе не существует, и в описании явлений аспектуальности мы должны констатировать реалии и подчеркивать размытость границ, которая существует между видами и СГД, что, по словам А. А. Зализняка и А. Д. Шмелева, «отражает реально двойственную природу категории вида в русском языке» [7, с. 15; 10]. Заслуживает внимания, на наш взгляд, точка зрения С. Татевосова, который выделяет аспектуальные и акциональные пары, то есть он говорит о том, что глаголы образуют максимум одну чисто видовую аспектуальную пару, но при этом выделяется множество акциональных пар, выражающих СГД. Так, пара глаголов "делать-сделать" является аспектуальной, а пары "делать-переделать", "делать-доделать", "делать-выделать" и т.д. носят уже акциональный характер [20, р. 370].

Представляют интерес работы Л. Янды, которая предлагает изучать и виды, и СГД в совокупности – с помощью построения видовых гнезд (as-

pect clusters). Тогда, к примеру, все глаголы ряда "делать-сделать-доделать-выделать-переделать и т. д." входят в одно видовое гнездо, представляя разные его уровни, и образуют внутри этого кластера сложную систему отношений [19]. Подобный ракурс, по нашему мнению, вполне подходит для изучения СГД в целом и в разрезе РКИ – в частности.

Библиографический список

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. - М.: Наука, 1976. - 288 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М.: Просвещение, 1971. - 239 с.
3. Буров А.А. Номинационно-синтаксический семиозис в современном русскоязычном дискурсе: новая реальность словаря // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2001. - № 4. - С. 5-9.
4. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. - 305 с.
5. Горбова Е.В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. - 2011. - № 4. - С. 20-45.
6. Грамматика современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1970. - 767 с.
7. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. - Москва: Языки русской культуры, 2000. - 226 с.
8. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. - 2010. - № 1. - С. 3-23.
9. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, т. II. - Братислава, 1960. - 570 с.
10. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - С. 157–312.
11. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 848 с.
12. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. Методическое пособие для преподавания русского языка как иностранного. - М: Русский язык. Курсы, 2010. - 568 с.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 512 с.
14. Русская грамматика. В 2-х т. - М.: Наука, 1980. - Т.1. - 792 с.
15. Ульянов Г.К. Значение глагольных основ, т II. - Варшава, 1895.
16. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. - М.: Изд-во МГУ. 1996. - 171 с.
17. Шахматов А.А. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. - М.: Учпедгиз, 1952. - 272 с.
18. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). – Таллинн: Валгус, 1983. – 216 с.
19. Janda L.A. Aspectual clusters of Russian verbs// Studies in Language. - 31(3). - 2007. - P. 607-648.
20. Tatevosov S. The parameter of actionality // Linguistic Typology. - Walter de Gruyter. - 2002. - P. 317-401.

О ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЕ АБСТРАКТНОЙ ЕДИНИЦЫ *ANGER*

Е. В. Петухова

Кандидат филологических наук, доцент,
Курский государственный университет,
г. Курск, Россия

Summary. This article highlights some iconic features of English lexicon expressing emotions. The word *anger* and its etymological parallels are taken as an example of a symbolic correlation between sound and meaning. This correlation can be observed if only viewed diachronically.

Keywords: sound symbolism; diachronic approach; synchronic approach; etymology.

Явлению звукоизобразительности – акустической и артикуляторной мотивированности языкового знака – посвящено значительное число работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов (А. М. Газов-Гинзберг, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий, С. В. Воронин, С. С. Шляхова, С. В. Климова, А. Б. Михалев, Л. П. Прокофьева, R. Allot, L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala и др.). Иными словами, данная область языка представляет определенный интерес для исследователей.

Если в поле зрения синхронного подхода попадают единицы с наиболее выраженной звуко-смысловой связью (например, звукоподражания), то диахронические исследования в русле фоносемантики позволяют выявить отприродную фонетическую связь, существовавшую на этапе возникновения слова и в дальнейшем подвергшуюся неизбежным процессам денатурализации либо полной демотивации. Так, одним из многочисленных примеров денатурализации может служить слово *gargoyle*, которое на данном этапе развития языка обозначает архитектурное убранство, выполненное в форме чудовища, хотя основой номинации послужил рокочущий, гортанный звук [6].

Бытует мнение, что звукосимволическая лексика мало представлена в этимологических словарях, однако это не совсем соответствует действительности. Так, С. В. Климова отмечает, что зачастую составители словарей интуитивно ощущают звукоизобразительную природу слова, констатируя иконический статус этимона, однако, только в несомненных случаях. Таким образом, собственно природа связи между звуковой формой слова и его содержанием остается скрытой [3, с. 145].

Большим шагом в диахроническом анализе демотивированной звукосимволической лексики стала публикация в 2016 году «Словаря английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» (М. А. Флакман). В данном труде собрано более 1400 единиц, звукоизобразительное происхождение которых было доказано рядом отечественных и зарубежных этимологов [5]. Все же следует отметить, что в этом источ-

нике представлены не все звукоизобразительные единицы. В частности, несомненный интерес представляет роль звукового символизма в передаче эмоций. В рамках данной статьи будет рассмотрена лексема *anger* (гнев) и ее звуко-символические корреляты.

Возможная звукоизобразительность единицы *anger* затрагивалась в некоторых фоносемантических исследованиях [1], [8]. В современной синхронии это слово не осознается как фонетически мотивированное, но, тем не менее, этимологические источники позволяют выявить звуко-смысловую связь на этапе первой фиксации единицы. На ранней стадии своего развития *anger* («a strong feeling of displeasure or hostility») отражало конкретное явление и имело значение «удушение»:

anger (с. 1200) – «a strong feeling of displeasure and belligerence aroused by a wrong; wrath» – восходит к праиндоевропейскому корню **angh-* «tight, painfully constricted, painful». Данная единица имеет диахронические параллели в санскрите (*amhu-* «narrow», *amhah* «anguish»), армянском (*anjuk* «narrow»), литовском (*ankstas* «narrow»), греческом (*ankhein* «to squeeze», *ankhone* «a strangling»), латинском (*angere* «to throttle, torment») и некоторых других языках. По мере своего развития во времени, лексема приобретает абстрактное значение. Таким образом, семантическая эволюция осуществляется следующим образом: «узкий» – «душить/удушьё» – «физическая боль» – «гнев».

Наличие носовой фонемы в слове, передающем физическое ощущение удушья (артикуляторная имитация удушья) позволяет предположить существование сходных фоносемантических характеристик в словах с идентичным фонотипом и семантическим наполнением:

anguish «agonizing physical or mental pain; torment»;

strangle «to kill by squeezing the throat so as to choke or suffocate; to cut off the oxygen supply of; smother; to suppress, repress, or stifle»;

strangulation «the act of strangling or strangulating or the state of being strangled or strangulated»;

anxious «uneasy and apprehensive about an uncertain event or matter; worried»;

angst «a feeling of anxiety or apprehension».

Этимологический анализ приведенных выше единиц показывает эксплицитную зависимость между звуковой формой (наличие носовой фонемы) и смысловым содержанием. Однако, если *anger* восходит к индоевропейскому корню **angh-* [9], [10], то форму *strangle* этимологические словари относят к индоевропейскому же **strenk-* «tight, narrow; pull tight, twist» [11]. Тем не менее, в обоих случаях нельзя не отметить сходство семантики (выражение узости) и фонотипа (наличие носового звука), что можно объяснить предположением о вероятной диффузности протоиндоевропейских корней, а, следовательно, их расплывчатости и многозначности, что являлось результатом несовершенства артикуляторного аппарата

[2, с. 96]. О символическом обозначении удушья посредством артикуляторных средств говорит и А. Аракелян в контексте этимологического анализа древнеегипетского *anh* [6].

Интересным примером в контексте данной статьи может служить этимология слова *sphinx*, которое, как известно, обозначает мифическое существо, заманивавшее в ловушку путников мужского пола и душившее тех, кто не мог разгадать загадку. Слово *sphinx* буквально означает *душительница*: *sphinx* (*сфинкс*) — early 15c., «monster of Greek mythology», from Latin *Sphinx*, from Greek *Sphinx*, literally «the strangler», a back-formation from *sphingein* «to squeeze, bind», «to hold tight» [4]. Представляется возможным предположить в данной лексеме связь между наличием носового звука и обозначением удушья.

Таким образом, диахронический подход к проблеме фонетической мотивированности языкового знака позволяет обнаружить общую первичную звукосимволическую основу выражения эмоции (в частности, гнева), а также вектор развития значения от конкретного (диахронически «звукового») к абстрактному (синхронически «незвуковому»).

Библиографический список

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики: монография / С. В. Воронин. — М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2006. — 239 с.
2. Кажобеков Е.З. Фоносемантическая характеристика пратюркского корня // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990.
3. Климова С.В. О некоторых аспектах этимологической фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всеросс. конф. — М.; Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1999. — С. 145-146.
4. Никулина Е. В. К вопросу об этимологических характеристиках абстрактной лексики: фоносемантический аспект // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам V студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. — М.: «МЦНО». — 2013 — № 5(5) / URL: [http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/5\(5\).pdf](http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/5(5).pdf) (дата обращения: 14.03.2017).
5. Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. — СПб.: НОУ ВПО Институт иностранных языков; Издательство РХГА, 2016. — 201 с.
6. Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Флакман. — Санкт-Петербург, 2015. — 580 с.
7. Arakelyan A. Ancient Egyptian *Anh*: May Etymology be a Clue to its Meaning and Form? URL: https://www.academia.edu/10142550/Ancient_Egyptian_Ankh_Can_Etymology_be_a_Clue_to_its_Meaning_and_Form (дата обращения: 14.03.2017).
8. Johannesson A. Some remarks on the origin of the n-sound. Reykyavik, 1954. — 68 p.
9. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 1996. — 552 p.

10. Skeat W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Wordsworth Edition Limited 2007. – 643 p.
11. www.etymonline.com

ЭВФЕМИЗМЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Е. Н. Степанова

Кандидат филологических наук, доцент,
Медицинский университет «РеваВиЗ»,
г. Самара, Россия

Summary. The article discusses the features of the use of euphemisms in the pharmaceutical television commercials. Determined lexical-semantic groups of euphemisms, ways of formation of euphemisms are analyzed. Multifunctionality of euphemisms in pharmaceutical advertising texts is marked, revealed some correspondence between the semantics and pragmatics of the euphemisms.

Keywords: euphemism; pharmaceutical discourse; pharmaceutical advertising.

С одной стороны, социально-экономические перемены в России в течение последних десятилетий, изменение и расширение фармацевтического рынка, появление безрецептурных препаратов, превращение лекарственных средств в товар, требующий продвижения к потребителю, с другой – принадлежность рекламных фармацевтических текстов к жанрам фармацевтического дискурса, являющегося объектом пристального внимания лингвистов в настоящее время [1], а также недостаточная изученность и рекламы в целом, и средств воздействия рекламных фармацевтических текстов на целевую аудиторию объясняют актуальность нашего исследования.

Объектом наблюдения послужили рекламные фармацевтические тексты, используемые на российском телевидении в рекламных роликах. Предметом анализа стали эвфемизмы. Материал получен методом сплошной выборки. В ходе исследования установлено, что эвфемистические наименования заменяют нежелательные номинации, относящиеся:

1) к болезням, отклонениям, патологическим процессам и образованиям, симптомам: *Первая помощь в остановке диареи* [вм. понос] (реклама препарата «Линекс Форте») (здесь и далее по тексту эвфемистические замены выделены нами); *От поражения* [вм. грибок] – к преобразению (реклама препарата «Офловил лак»); *проблема со стулом* [вм. запор] (реклама слабительного средства «Регулакс»); <...> *течение из носа* [вм. прямого наименования выделений из носа] (реклама препарата «Отривин»); 2) к физиологической сфере: *Женщины меня поймут. «Пенталгин» в эти дни очень кстати* [вм. менструация]; *«Фитолакс» мягко действует на утро, и всё снова в норме* [вм. прямого наименования стула]; 3) к характеристике лиц по физическому, физиологическому состоянию, свойству:

«Гриппферон» даже для *будущих мам* и малышей с первых дней жизни [вм. беременные]; *С возрастом фигура и осанка могут испортиться* [вм. старость] (реклама препарата «Кальций Д3 Никомед»); 4) к половой сфере: *НейроДоз. Занимайся любовью дольше* [вм. прямого обозначения процесса полового акта]; *Сохранить силы для самого главного* [вм. прямого наименования полового акта] (Реклама препарата «Афобазол»); 5) к сфере денег (а именно – стоимость ЛС): *Немецкое качество по доступной цене* [вм. дешёвый] (реклама ЛС «Долгит»); *стоит недорого* (реклама ЛС «Ксилен») [вм. дешёвый].

Цель эвфемизмов в рассматриваемых случаях – смягчить неприличное слово или то, о чём не принято говорить прямо. Ведь важнейшей особенностью фармацевтического рынка вообще и ОТС-субрынка в частности является то, что «креативная, то есть творческая, сторона рекламы должна соответствовать жёстким ограничениям правового и этического характера» [8, с. 183]. Более того, «общепринятым считается, что <...> реклама не должна способствовать самодиагностике и бесконтрольному самолечению, в частности: усиливать/обострять комплексы, связанные с внешней непривлекательностью потенциального покупателя (подростковые, сексуальные, т. п.)» [8, с. 184–185]. В рекламном дискурсе усиливается тенденция актуализации этической стороны рекламы, и в первую очередь – категории вежливости и такта как ее составляющей части [5].

С другой стороны, лексический отбор материала должен способствовать достижению коммуникативного и убеждающего эффекта. Эвфемия в настоящее время рассматривается как «целенаправленная языковая стратегия, с помощью которой осуществляется воздействие на аудиторию с прагматической целью изменения ее мнения и поведения» [2, с. 3]. Приём эвфемизации направлен на устранение чувства неловкости не просто у собеседника или слушателя, а у потребителя [4]. В рекламе безрецептурных лекарственных средств функциональное назначение эвфемии состоит в минимизации медицинской проблемы. Воздействие эвфемии заключается в том, что наименования нарушений, симптомов, физиологических процессов и т. п. заменяются в рекламе эвфемистическими формулировками, которые предлагают потребителю упрощенное представление о состоянии или его симптомах.

В ходе наблюдения нам удалось выявить такие основные способы эвфемизации, как: 1) использование номинаций с достаточно общим смыслом для называния вполне конкретных явлений: поражение [вм. грибок], проблема (со стулом) [вм. запор], деликатная проблема [вм. геморрой]; возраст [вм. старость]; 2) употребление иноязычных слов и терминов, более подходящих для вуалирования сути явлений, чем исконно русские слова: диарея [вм. понос].

Попутно отметим, что в телевизионной фармацевтической рекламе научные термины в функции эвфемизмов представлены единично (в отли-

чие от других жанров фармацевтического, медицинского дискурсов). С одной стороны, это связано с требованиями закона РФ «О рекламе», а также законов, чётко определяющих то, какие заболевания или фармацевтические препараты можно или нельзя упоминать в рекламе лекарственных средств. Например, не подлежат открытой рекламе рецептурные препараты. Поэтому отсутствуют термины, эвфемистически заменяющие наименования онкологических и других болезней с вероятным смертельным исходом, опасных инфекционных/венерических заболеваний, наименования лиц с врождёнными уродствами, пр. С другой стороны, существуют ограничения, связанные с текстовым сообщением при рекламировании лекарственных препаратов для населения. Согласно этим требованиям, «реклама лекарственного препарата, предназначенная для населения, не должна содержать материалов, которые: <...> используют неуместные, вызывающие тревогу или вводящие в заблуждение термины» [3].

3) употребление слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства, не в своём собственном значении, а в качестве эвфемизма: *стоит недорого* [вм. дешёвый].

Часто эвфемистическая функция является отмеченной [6]. В анализируемом материале её маркерами являются сочетания, предназначенные подготовить телезрителя (потенциального потребителя) к восприятию чего-то неприятного, стыдного. Эти слова «смягчают категоричность» высказывания, уменьшают долю отрицательной оценки, возникающей в высказывании: *Наша личная жизнь стала уже не та, вы понимаете?* [вм. прямого наименования полового акта] (Реклама препарата «Афобазол»); *Женщины меня поймут. «Пенталгин» в эти дни очень кстати* [вм. менструация]. Кроме того, сигналом эвфемистической ситуации служит особое («конфиденциальное») понижение тона в реплике персонажа рекламного ролика (в исполнении Д. Нагиева): *«Ловелас Форте». Вооружён и очень опасен. Очень!*». Последнее слово произносится очень выразительно, сопровождается усиленной мимикой. Это указывает на возникновение запрета в теме разговора (в речи избегают прямого именования возможности мужчины осуществить половой акт). Слово-маркер запрета «деликатный», выявленное нами в ходе анализа языкового материала, также указывает на наличие социального запрета: *решение деликатной проблемы* [вм. геморрой].

Реклама на ТВ должна быть сжатой, лаконичной, справляться со своей задачей не более чем за 20–30 секунд, рекламный ролик должен быть сделан максимально чётко [7]. Это обуславливает и особенности видеоряда (количество кадров в единицу времени, их визуальное и звуковое оформление, содержание, т. п.), и специфику построения рекламных текстов. Часто эвфемизмы оказываются «встроенными» в состав других языковых средств. Так, фраза «В животе шум и гам – принимай «Эспумизан», содержащая эвфемистическое выражение «шум и гам» (вм. прямого наименования физиологического процесса газообразования), в целом явля-

ет собой приём использования ритма как элемента просодии. Ритм делает любой рекламный текст и рекламный слоган более структурированным, что позволяет потенциальному потребителю продукта лучше воспринимать фразу и быстрее ее запомнить. Ср. также: *Если каждый день никак – принимайте «Дюфалак»* [вм. запор].

Одним из самых распространенных и действенных приемов создания эффективных слоганов является *игра слов*. Одним из её видов является особое использование фразеологизмов. Пример из наших наблюдений: *«Ловелас Форте». Будь всегда на высоте!* В приведённом высказывании фразеологизм «быть на высоте» в эвфемистической функции применяется в переносном значении. Названное устойчивое сочетание имеет значение «проявить себя достойно». В тексте фармацевтической рекламы препарата для улучшения мужской потенции это устойчивое сочетание в переносном смысле имеет значение «будь готов осуществить половой акт в любое время». Положительно окрашенная фразеологическая единица «быть на высоте» вуалирующим способом обозначает отрицательно оцениваемый социумом денотат (отношения между полами). Эвфемистическую функцию способны выполнять крылатые выражения. Например, высказывание: *«Ловелас Форте». Вооружён и очень опасен. Очень!* Выражение «вооружён и очень опасен» пришло в нашу жизнь из кино, являясь названием советского кинофильма (1978 г.) режиссёра В. Вайнштока. Крылатые слова и выражения в целом являются широко распространёнными, устойчивыми в воспроизведении и нередко приобретают переносный смысл, что позволяет применять их в самых различных ситуациях. Так, крылатое выражение «вооружён и очень опасен» употребляется применительно к опасному человеку (людям, организации). В нашем примере названное выражение выполняет эвфемистическую функцию, вуалируя прямое обозначение готовности мужчины осуществить половой акт. Использование крылатого выражения апеллирует к фоновым знаниям адресата, создавая «эффект узнаваемости» и вызывает дополнительные положительные ассоциации. Кроме того, крылатое выражение «вооружён и очень опасен» в функции эвфемизма в речи помещается в несколько сниженный контекст, что позволяет использовать его и в комических целях.

Итак, в ходе исследования отмечена продуктивность использования эвфемизмов в текстах фармацевтической рекламы, определены их лексико-семантические группы и способы образования. Принципиальным свойством выявленных эвфемизмов является их полифункциональность. Наблюдается определённое соответствие между семантикой и прагматикой заменных наименований. Так, эвфемизмы, заменяющие прямые наименования лиц по физическому, физиологическому состоянию, свойству, преимущественно ориентированы на вуалирование референции для выражения языкового такта. Эвфемизмы, заменяющие нежелательные наименования, связанные со сферой телесно-физического существования, предназна-

чены для этически приемлемого обозначения понятий, связанных с табуированной тематикой. Наиболее частотным является лексико-семантический способ эвфемизации, обладающий широкими возможностями в плане вуалирования референции, смягчения номинации, создания этически приемлемого обозначения. Однако создание коммуникативного комфорта у телезрителя, соответствие морально-нравственным нормам в итоге подчинены идее коммуникативного воздействия, манипулирования, достижения экономической выгоды. Традиционные функции эвфемизмов подвергаются видоизменению.

Библиографический список

1. Бурова Г.П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания: Автореф. дисс. докт. филол. наук. – Ставрополь, 2008.
2. Корчевская М.А. Эвфемия как инструмент воздействия на аудиторию в журналистике и рекламе (на материале англоязычных текстов): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2012.
3. Музыкант В.Д. Маркетинговые основы управления коммуникациями / В.Д. Музыкант. - М.: Эксмо, 2008. – 832 с. – (Полный курс МВА).
4. Никашина Н. В., Година В. С. Особенности эвфемизации в англоязычном рекламном дискурсе // Молодой ученый. — 2016. — №5. — С. 810-813.
5. Руженцева Н.Б. Рекламные эвфемизмы как форма текстовой адаптации к категории вежливости в рекламных изданиях // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 2. – С. 26-32.
6. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб.пособие / Е.П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
7. Телевизионная реклама. Теория и практика рекламной деятельности [Электронный ресурс] // Индустрия рекламы. URL:<http://adindustry.ru/television-advertising> (Дата обращения: 27.02.2017).
8. Фармацевтический маркетинг. – М., 2007. – 590 с.

ФУНКЦИИ ФРАЗОВОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Л. А. Токарева

Аспирант,
Пятигорский государственный
университет,
г. Пятигорск, Россия

Summary. A phrase nomination plays a special role in the language of the artistic text as a "system of intersecting planes" (M. M. Bakhtin). It arises on the basis of the pronominal-correlative subordinate compound sentence and makes it possible to expand the possibilities of designation due to the predication space. The author with her help can look into the soul of his hero and express his psychological state.

Keywords: artistic text; language picture of the world; phrase nomination; predicative structure; nomination semantics.

В современной русской языковой картине мира значительное место занимает пласт классической художественной литературы, во многом определяющий ту уникальную роль, которую играет в нашей жизни индивидуальность художника слова как выдающейся языковой личности [1 и др.]. Одной из таких личностей, без сомнения, является М. Ю. Лермонтов, который уже почти два века тому назад сумел определить для русского языка, его картины мира и творящего на нем автора общекультурные, эстетические и психолингвистические приоритеты. В первую очередь благодаря создателю романа «Герой нашего времени» [4] мы сегодня воспринимаем художественный текст как многослойную структуру. Сама фактура текста этого великого русского писателя делает его одним из первых аналитиков-лингвистов в русском филологическом пространстве.

Одним из средств формирования пространства романа «Герой нашего времени» и одновременно своеобразного автопортретирования Лермонтова является особое обозначение денотатов, денотативных признаков, состояний и целых ситуаций, которое осуществляется предикативными перифразами, образующимися на базе придаточных местоименно-соотносительного типа сложноподчиненных предложений [5; 6; 2; 3; 8; 7 и др.]. Например: *Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что **тот, кому придётся первому встретить неприятельский огонь**, станет на самом углу спиной к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.* («Княжна Мери»). Сама грамматическая природа синтаксического отрезка *«**тот, кому придётся первому встретить неприятельский огонь**»* связана самым тесным образом с дейксисом – местоименным указанием на явление или вещь – в их живом или неживом проявлении и существовании. Однако указать, наметить еще не значит назвать; скорее, здесь скрыт авторский намек,

означающий игру текста, метатекста и подтекста. Согласимся: это как нельзя кстати подходит художнику-психологу Лермонтову, который мастерски обыгрывает свойства синтаксического наименования, способного описательно называть посредством предикцирования признака или ряда признаков денотата [1; 2].

Собственно текстовое употребление фразовой номинации (далее – ФН), как правило, нейтрально – и с точки зрения своего лексического состава, и с точки зрения условий контекста, однако последний может сработать на авторское восприятие ситуации. Сравним два примера: 1. *Он уж рассказал мне об себе всё, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать* (Максим Максимыч). 2. *Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитой в их ущельях, тот конечно, поймёт моё желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины* (Бэла). Если ФН «*всё, что было занимательного*» из первого контекста помогает автору перефразированно обобщить детали и обстоятельства рассказа персонажа, никак не оценивая сказанное, то второй контекст включает предикативную описательную номинацию, включающую признаки, которые являются развернутым выражением авторского отношения к тому, о чем он размышляет сам с собой, – в данном случае это тоже обобщение, но только в виде характеристики, перерастающей в самохарактеристику Печорина в его дневниковой записи. Риторический оттенок второму ФН придает повтор коррелята «*тот*», весьма важный с точки зрения образности.

Аналитический характер ФН обусловлен не только тем, что она, по сути дела, представляет область номинационного анализма в русском языке [3, с. 5 и след.], но и тем, что благодаря ее употреблению автор решает задачи метатекстового анализа своего собственного повествования, его оценки, а следовательно – и своего участия в развитии нарративного дискурса. Иными словами, употребление фразового обозначения – прерогатива далеко не каждого идиостиля как авторской манеры повествования. Случай Лермонтова – тому подтверждение.

Употребление ФН органично вписывается в лермонтовскую модель анализа внутреннего мира героев и авторского самоанализа. Первым в языковом пространстве русской художественной литературы Лермонтов использует изобразительный потенциал ФН для внутренней психологической характеристики персонажа, чей внутренний мир интересен и ему как автору, и его герою. Сравним дневниковое наблюдение Печорина над единственным своим другом доктором Вернером: *Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой* (Княжна Мери). Здесь ФН характеризуется вектором развернутой атрибутивной презентации, опять

же с обобщенным оттенком, деталей внешности героя, тонко подмеченными внимательным взором наблюдателя.

Не менее интересно авторское использование ФН в качестве предикативных эвфемизмов, когда описательная форма позволяет набросить эстетическую вуаль на прямую лексическую номинацию денотата, чтобы выразить так называемые «пограничные состояния» [см. об этом: 7]. Например: *Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится* (Княжна Мери). Эвфемизация в данном случае окрашена у Лермонтова в ироничные тона, поскольку приобретает несколько двусмысленное звучание вследствие употребления местоименного релята «*то*», фиксирующего неодушевленное состояние денотата.

Некоторое ослабление эвфемизации наблюдается в тех случаях, когда она осложняется риторическими моментами, признаками высокого стиля: *В этой напрасной борьбе я истоцил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив её уже мысленно, и мне стало скушно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге* (Фаталист). В данном примере отчетливо видна роль лексического наполнения пространства ФН, полностью находящегося в ведении автора, который регулирует выбор признаков, составляющих внутреннюю форму описательного предикативного обозначения.

Следовательно, ФН выступает в лермонтовском тексте как одно из ярких, богатых и экспрессивно маркированных средств описательной номинации, свидетельствуя о поисках изобразительных средств собственно текстового и метатекстового самораскрытия языковой личности автора.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания//Избранные труды в 2 т. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - Т. 2. - С. 348-388.
2. Буров А. А. Функции субстантивных местоименно-соотнесительных придаточных в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 - русский язык. - М., 1979. - 17 с.
3. Буров А. А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. - 305 с.
4. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени: Стихотворения. Поэмы. Роман. -М.: Эксмо, 2006. - С. 521-660.
5. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. - М.,1971. - 29 с.
6. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка) / Под ред. А.А. Бурова и К. Э. Штайн. - Ставрополь – Пятигорск: Изд-во СГУ, 2011. - 680 с.

7. Сахно О. С. Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX–XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. - Таганрог, 2006. - 19 с.
8. Фрикке Я. А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. - 212 с.

IV. BASIC THEMES OF TRANSLATION STUDIES

THE PROBLEM OF TRANSLATION OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY IN ABAY'S POEMS

S. Ashimkhanova
A. Zhussupova

*Dr., Professor,
doctoral applicant,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. The article under review deals with the problem of translation of ethno-cultural elements. The article highlights the translation of phraseological units which reflect the national characteristics of the people. The poems of Abay, which are full of lexical units with ethno-cultural component value are being discussed in the article. Translations of M. Petrovykh, S. Lipkin, Y. Kuznetsov and Richard Mckane are being analyzed.

Keywords: phraseology; literal translation; ethno-cultural identity; national character; distortion of the meaning; reproduction of the ideological content.

The problem of understanding, functioning, and development of ethno-cultural identity is becoming one of the most urgent one today, not only in Kazakhstan, but also throughout the world. That is primarily due to the globalization of cultural space. Intensive intercultural communication is playing an important role and has become an integral part of our life. Nowadays the problem of understanding is carried out through subject-object relationship "man – text." Wherein, a subject, having a certain set of individual characteristics, is considered to be a carrier of a particular culture, influencing on both the generation of the text and its reception. When understanding a text of a foreign culture an addresser and a recipient of verbal work are appeared to be the representatives of different cultures, which raise the need for research in the field of cognitive and linguistic processing. Misinterpretation of the ethno-cultural characteristics may lead to a complete distortion of the whole meaning of the original text during translation.

While working with an ethno-cultural text, special attention should be paid to the translation of phraseological units. Phraseology – is the treasure trove of any language. Phraseological units reflect the history of the people, the uniqueness of their culture and way of life. Phraseology is always characterized by a bright national character.

Translation of phraseological units is very difficult and laborious work. The difficulty is in the fact that the plan of the content doesn't correspond to the plan of the form.

Translation of the Kazakh phraseological units into the Russian or English languages is particularly difficult. Kazakh phraseological units are characterized

by the absence of analogue or equivalent in the Russian or English languages. Literal translation must be excluded and it is apparently determined primarily by their belonging to different language families – Turkic, Slavic and Germanic.

Let's analyze the translations of the following poems written by Abay Kunanbayev (1845–1904) – the great Kazakh poet, composer, educator, thinker, public figure, and also the founder of Kazakh written literature and its first classic. In his poems the fate and life of the Kazakh people are highlighted and national elements have a special place.

M. Petrovykh managed to present the melodic verse of the poem *Көзімнің қарасы* in the Russian language. However the translator made a slight mistake in translation of phraseological unit “Көзімнің қарасы”.

Original:

Көзімнің қарасы
Көңілімнің санасы
Бітпейді іштегі
Ғашықтық жарасы [1, p. 117]

Translation of M. Petrovykh:

Ты – зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть
Столь глубок шрам от них [2, p. 35].

“Көзімнің қарасы” – is a phraseological unit, metaphor, inherent to Kazakh people. It's an emotional expression, enhancing the validity of the statements. Affectionate, friendly attitude to the dear, beloved person is represented in the figurative, concrete-sensuous form. In Russian culture, the same function is carried out by the metaphor “Свет очей моих”. Translation suggested by M. Petrovykh is literal. It would be advisable to start this poem with the following lines: “Ты – очей моих свет” or “Свет очей ты моих”. As far as English language is concerned this phraseology can be translated as “You are the apple of my eye”.

In the following translations of Abay's poem a complete distortion of the meaning, gross deviation which changes the image of Kazakh people can be observed. The translations totally do not correspond to the original.

Original:

Қалың елім, қазағым, қайран жұртым,
Ұстарасыз аузыңа түсті мұртың.
Жақсы менен жаманды айырмадың,
Бірі қан, бірі май боп енді екі ұртың [1, p. 20].

Translation of S. Lipkin:

О, казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым, прикрыл ты рот.
Кровь – на правой щеке, на левой жир.....

Где же правда? Твой разум не разберет [2, p. 90]

Translation of Y. Kuznetsov:

О казахи мои, мой бедный народ!

Ус, не ведавший бритвы, скрывает твой рот.

Кровь за левой щекой, жир за правой щекой.

Где добро и где зло, ум ли твой разберет? [3, p. 139]

Translation of Richard Mckane:

Oh, Kazakhs, my poor people,

You let your moustaches grow.

Since you don't distinguish good from evil,

Now you have blood on one cheek and grease on the other [3, p. 242].

Having read these translations Russian-speaking reader has an image of a 19th century Kazakh in their mind – an unshaven animal, eating raw meat, who can't distinguish good from evil. This poem is full of phraseological units and the literal translation fundamentally distorted Abay's thoughts.

The majority of Abay's poems were translated into foreign languages from Russian. The above mentioned poem for all probabilities was translated from Russian into English. In English version we can observe the same situation.

The translation of the given poem has been commented on by the Kazakhstani writer Kanat Tassibekov, author of the book *Situational Kazakh language* in the following way: “– I read this poem in the Russian language for the first time when I was a schoolboy. It was translated from Kazakh into Russian by Yuri Kuznetsov. I remember the lines shocked me deeply. In my child's imagination I had an image of XIX century Kazakh – a savage who never shaved, so eagerly and ferociously absorbing the raw meat of just slaughtered sheep and while doing it he has blood on one cheek and grease on the other. On top of that, my not so distant ancestor cannot distinguish the concepts of good and evil” [5].

Kanat Tassibekov vowed to understand the phraseological units of his mother tongue so engaged in studying the Kazakh language seriously. He found out the real meaning of the phraseological unit “Бір ұрты май, бір ұрты қан”, (на одной щеке жир, на другой – кровь; blood on one cheek and grease on the other) in the Kazakh-Russian phraseological dictionary issued in 1988 by the publishing house «Мектеп».

The writer found out that the phraseological unit is used for description of a person, who has opposite qualities, who can be good and evil, unstable and contradictory.

While analyzing the phraseological unit “Мұртына ұстара тимеген” (усы, не знавшие бритвы; you let your moustaches grow) Kanat Tassibekov discovered that it is used for description of a person, who doesn't accept limitations, prohibitions and lives, relying only on himself.

Word combination “қайран жұртым” is translated into Russian as “мой бедный народ” and into English as “my poor people”, whereas “қайран” in this context means my favorite (or cute) people. The writer underlines that Kazakhs

often use the word with a touch of gentle sadness towards close relatives, such as parents: “қайран анам”, “қайран әкем” – dear mother, unforgettable father.

In conclusion, not being an interpreter, Kanat Tassibekov offers his alternative translation of the poem in the Russian language.

О, казахи мои, мой любимый народ!

Ты не знаешь запретов – жизнь вольно идет.

Поступить как, не знаешь – плохо ли, хорошо,

Ведь в тебе в равной мере и зло, и добро [5].

According to his translation Kazakhs are Abay’s favourite people and they don’t know taboos, their life goes willingly. They don’t know how to act badly or well because they have two contradictory qualities – goodness and evil in equal measure.

It should be noted that translation offered by Kanat Tassibekov is much more successful in comparison with previous ones. However, the translation does not make the same impression as the original. The writer does not fully reproduce the ideological content of Abay’s poem.

Explanatory Dictionary of Kazakh language edited by N. Uali, Sh. Құрманбайұлы, М. Малбақов, Р. Шайбекөв interprets the phraseological unit “Мұрты ұстара көрмеген” (усы не ведавшие бритвы; didn’t shave for a long time) as follows: “Тежеусіз”, “тыюсыз”, “еркін кеткен” – unlimited, unbridled, unrestrained, intemperate, free [6, p. 950].

Analyzing the words of Abay “Ұстарасыз аузыңа түсті мұртың” to some extent Kanat Tassibekov clarified their meaning. He successfully presented the value of phraseology. However, it should be noted also that the Kazakhs attached special importance to “beards”. Kazakh people said: “Сөз көркі мақал, жігіт көркі сақал” [4, p. 81], that is, the word sounds good in a proverb, and a man is handsome with beard. For Kazakhs beard is a sign of courage, wisdom, piety, honor. In the traditional outlook of the Kazakhs a beard is a male energy, the force. A beard is the center where angels gather. They protect against evil forces and connect with God. Therefore, it is important to keep beard clean, cut intime, and take care. But unfortunately, not all mortals realize the true meaning of beard; let it grow not adhering to certain rules. And it says that they do not realize where the truth and the lie are. Therefore, in given line Abay might have meant that his people could not distinguish good from evil, adhere to certain rules without knowing the essence of the true value.

Kazakhs associate taboo action with the lexical unit “Қан” (blood). Kazakhs correlate this word with the word - haram, i.e. forbidden actions.

Lexical unit “Май” (grease) is associated with positive action. Kazakhs correlate this word with the word – halal, i.e. all that is allowed and permissible in Islam. In the lines “Жақсы менен жаманды айырмадың, Бірі қан, бірі май боп енді екі ұртың” Abay might have meant that his people could not distinguish good from evil, halal from haram.

The notes of criticism sound in the poem. But this criticism does not indicate the negative attitude towards the Kazakh people. He wrote these lines with empathy and pain, hoping to awaken in them those qualities which he placed above all else.

In conclusion, I would like to emphasize that translator must take all linguistic and cultural aspects into consideration in order to succeed in his translation. The translator must be able to convey the ideological content of the original. Particular attention should be paid to the translation of the lexical units with ethno-cultural component values, phraseology which reflect the national characteristics of the people. The literal translation of phraseology distorts the meaning of the whole text, incorrectly interprets the ethnic and cultural identity.

Bibliography

1. Abay. Poems. – Almaty: Zhazushy, 1977. – 240 p.
2. Abay. Poems. Words of edification. – M.: Russian book, 2003. – 240 p.
3. Abay. Books of words. International club of Abay, 2009.
4. Agash bessikten zher bessikke dein. Book 4. – Almaty: Oner, 2011. – 128 p.
5. <http://www.time.kz/blogs/hocu-skazat/2015/11/04/kanat-tasibekov-tonkosti-perevoda> (date of access 11.04.2015)
6. N. Uali, Sh. Kurmanbaiuly, M. Malbakov, R. Shaibekov. Kazakh dictionary. – Almaty: Daur, 2013. – 1488 p.
7. Y. I. Retsker. Translation theory and practice of translation. – M.: R. Valent, 2010. – 244 p.

TEACHING METHODOLOGIES AND TRANSLATION

N. Kh. Kuchkarova

*Assistant teacher,
Languages Department,
Tashkent Medical Academy,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article describes several types of teaching methodologies that have their own goals and meaning. Moreover, the place of translation in these methods is also discussed whether they are positive or negative.

Keywords: methodology; translation; linguo-methodology.

For preparing highly skilled specialists, teachers should do their best to help their students to strengthen their knowledge, and broaden their world view in order to be able to work in different fields of our life. The methodology of foreign language teaching in this process plays a very important role. Moreover, it is the leader in the process of preparing the good specialists. Methodology has its own goals, categories and system.

Foreign language teaching methodology is the subject that can assist teachers in bringing up the youth with the help of foreign language teaching" J. Jalolov [1, p. 15].

The founder of foreign language teaching methodology was a professor L. V. Sherba. Also, the Russian scholars like I. V. Raxmanov, V. D. Arakin, Z. M. Svetkova, G. V. Rogova and I. L. Bim contributed a lot to this field. In Uzbekistan there are also prominent Uzbek scholars who devoted themselves and till now working and preparing materials for methodology of teaching foreign languages.

Now we want to focus on the place of translation in second language teaching based on methodologies which do not include all possibilities of utilizing translation in language instruction. We have selected only five prominent methods or approaches to give an illustrative picture of how translation has been used in language teaching.

1. The Grammar-Translation Method. This method is one of the most influential and persistent method in the history of second language teaching. "It dominated European and foreign language teaching from the 1840s to the 1940s, and in modified form it continues to be widely used in certain parts of the world" [2, p. 97]. Grammar-translation method is the methodology which makes the most use of translation in second language instruction as well. It gets its name because it approaches the target language first by analyzing its grammatical structure and then by applying knowledge of grammar to the task of translation. The typical exercise in this method is to translate sentences from the second language into the mother tongue.

2. The Direct Method. This method became famous after Grammar-translation lost its public favor. Its features are opposite to those of Grammar-translation. It does not allow the use of native language in class and therefore translation is not allowed. The classes are based on conversations and the teacher must be a native or native-like speaker of the target language. This method works well in private language schools where the students are highly-motivated. However, it lacks in theoretical foundations, and it relies on the teacher's personal skills in the implementation process.

3. The Audio-lingual Method. This method came into existence towards the end of the 1950s in the US. The theory of this method was derived from the structural linguistics well-known at that time, which puts an emphasis on the collection and analysis of spoken data according to a system of phonemes, morphemes, words and sentence types. In this method a mimicry and memorization are not often used, based on the assumption that language is just a habit formation.

As for the attitude towards translation, because audio-lingual method considers speech to be primary and writing is secondary, it actually does not offer students systematic training in the reading and writing process.

4. The Communicative Language Teaching. For the last few decades foreign language teaching methodology was developed under the communicative-oriented teaching. Psychologists and psycholinguists said that the students should talk only in the target language and they can say whatever they want to say in the target language in order to improve their language habits. In order to do so, the students must be put into real-life situations where they can stimulate a conversation (E. I. Passov, I. A. Zimnyaya, B. A. Lapidus and others).

According to American linguists communicative language teaching (CLT) originated in Britain in the late 1960s [2, p. 97]. For CLT, the aim of language teaching is to have communicative ability, therefore classroom tasks often consist of students who can work in pairs or groups and make interactions based on the meaning. To achieve communicative skills in the second language and to be able to get meaning from the utmost concern and grammar and error corrections are considered to be not primary. "The whole impact of the communicative method was to enrich and extend the traditions of language teaching initiated by the reformers at the end of the last century" [3]. The emphasis on spoken language and the monolingual principle show that translation is not a favored teaching activity in CLT. Moreover, translation may be used where the students need or benefit from it. Overall, translation is not explicit and not allowed in CLT.

5. The Affective Humanistic Approach. This term is used as innovative method like in Communicative language teaching and Suggestopedia, both are regularly use translation. In suggestopedia, in the "music listening and reading" session, teacher reads the text for learning and the students look at the text which was prepared beforehand in the target and in the native language. Translation in this method is used as a bridge to cross from one's native language to the target language.

Bibliography

1. Jalolov J. (1986). Chet tili o'qitish metodikasi. "O'qituvchi nashriyoti." 14 bet.
2. Richards, J., & Rodgers, T. (1986). *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 97.
3. Howatt M. (1984). *Communicative language teaching*. Cambridge University Press.

V. FUNCTIONING OF LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОПРОЕКТА ПО СТРАНОВЕДЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

В. В. Дегтяренко

*Преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. The article considers the topical issue of increasing motivation to learn Russian as a foreign language. The university teachers use the project methodology. The article presents practical experience on communication competence of foreign students on the Department of Russian language and socio-cultural adaptation at the Volgograd state medical University.

Keywords: communicative competence; teaching Russian as a foreign language; Russian language basic level; video project; sociocultural texts; linguistic adaptation; social adaptation; communication; training.

Соответствующий уровень знаний русского языка как иностранного дает возможность приезжающим будущим студентам обучаться в медицинских вузах России. С целью дальнейшей лингвистической и социальной адаптации в новом социуме и вузе очень важно мотивированное изучение страноведческих текстов о городах России, известных ученых, российских праздниках «предполагает не только овладение навыками правильной речи на этом языке, но и понимание культурного и национального своеобразия страны изучаемого языка» [1, с. 55].

В данной статье мы предлагаем использовать информационные технологии, являющиеся очень эффективным наглядным средством обучения РКИ, в частности обратимся к опыту проектной методики по созданию видеопрокта, организация которого предполагает следующие этапы:

- обсуждение идеи и темы коллективного видеопрокта;
- составление плана работы студенческой группы;
- обсуждение вариантов оформления структуры видеопрокта;
- распределение объема работы;
- планируемый педагогический результат;
- самостоятельный поиск страноведческой информации;
- распределение материала в рамках проекта;
- отработка практических навыков с использованием творческих заданий разного уровня;

- промежуточный контроль знаний иностранных учащихся в рамках проекта;

- презентация результатов проекта и подведение итогов работы.

Информационная картина мира иностранных учащихся зависит от того, какую цель ставит преподаватель перед ними. Творческие способности не рождаются стихийно, здесь есть смысл говорить о плюсах совместной деятельности педагога и иностранных студентов, реализуемой в использовании видеопроекта на занятии РКИ. Таким образом, используя в своей методической копилке видеопроект как творческую форму работы со студентами, при отборе видеоматериалов соблюдаются следующие условия: интерес к теме и предмету, материально-техническая база, компетентности преподавателя, индивидуальный подход к студентам, умение работать в малой группе, состоящей из 7–8 студентов.

Отметим привлекательность метода видеопроекта. Когда преподаватель стремится научить иностранных учащихся воспринимать страноведческую информацию, отобранную в виде моделей и продуцировать собственное мнение на иностранном языке, можно говорить об умениях творческого типа. Безусловным плюсом является вовлечение слабых и сильных студентов в организацию работы над проектом и сбор всего материала. Задания не должны перегружать информацией иностранных студентов. Так как «владение всеми видами речевой деятельности необходимо осуществлять через культуру страны изучаемого языка», то следует акцентировать внимание на важных этапах заявленной страноведческой темы: интервью с известным ученым ВолгГМУ, видеозаписи конференций, видеоролики о городе Волгограде, жизни вуза, медицинской практике, ролевые игры «Врач-больной» [6, с. 97–98].

На наш взгляд, если рассматриваемое видеотворчество является вариантом саморазвития обучаемых, преподаватель должен быть координатором этой деятельности. Чтобы студенты говорили на иностранном языке, их следует развивать постепенно, шаг за шагом подбирая соответствующие задания, ролевые игры с участием профессиональной лексики, используя метод от простого к сложному. Решающим моментом является мотивационная деятельность, потому что «повышение и постоянное поддержание интереса к изучаемому языку является одним из ведущих элементов обучения иностранному языку» [3, с. 63]. При подборке видеоматериала к аутентичным текстам, используется метод видеопроектов, помогающий решить ряд педагогических и методических проблем:

- недостаточное количество часов в расписании;
- низкий базовый уровень знаний иностранных студентов;
- недостаточная активность их самостоятельной работы;
- отсутствие мотивационной активности;
- недостаточная заинтересованность;
- особенности работы со студентами-медиками;

- перегрузка преподавателей и студентов.

Из опыта работы стало известно, что мотивация при подготовке метода проектов становится мощным импульсом к развитию самостоятельной деятельности иностранных студентов в освоении новых тем, в ходе которых активизируются разговорные навыки, а забытая лексика выходит из пассивного запаса. Если в основу речевой деятельности мы вкладываем лексические, грамматические, фонетические знания и навыки, то на аудиторных и внеаудиторных занятиях путем интенсивных тренировок закладываются основы устной речевой деятельности. Актуальным было и продолжает оставаться «использование на занятиях РКИ сюжетов киножурнала «Ералаш»: диалоги в данных видеоматериалах небольшие, диалоги стилистически сбалансированы, сюжеты понятные и универсальные для большинства национальностей» [4, с. 62]. Важно поддерживать учащихся при разыгрывании сценок из «Ералаша», придумывать свои сюжеты, всячески стимулировать их личное развитие оценкой, словами, похвалой, это и есть «установки, которые неравнозначны воспитывающей деятельности родителей, коллектива» [7, с. 125].

Исследователи В. Г. Костомаров и О. Д. Митрофанова подчеркивают, что «высшей целью каждого урока являются естественный целенаправленный обмен сообщениями между собеседниками, учебная речевая деятельность, псевдокоммуникация лишь подготавливает естественное общение» [5, с. 101]. Например, обучение общению на основе информационных технологий прочно вошло в нашу жизнь, используется на занятии РКИ. Н. В. Гончаренко говорит о существенной помощи при взаимодействии участников коммуникации, поэтому «компьютерные технологии становятся эффективной образовательной технологией», а «применение мультимедийной наглядности в изучении языков помогает учитывать индивидуальные особенности учащихся и способствует повышению их мотивации». [2, с. 15].

В итоге хотелось бы отметить, что весь комплекс лексических, грамматических и фонетических навыков является базисом речевого общения в условиях коммуникации на неродном для иностранных учащихся языке. В обучении РКИ метод видеопрокта предоставляет возможность иностранным студентам использовать русский язык в ситуациях реальной повседневной жизни, способствуя активизации разговорных навыков по страноведческим, бытовым, медицинским темам.

Библиографический список

1. Алтухова О. Н., Игнатенко О. П., Самохина О. В. Преподавание русского языка как иностранного в условиях внеязыковой среды (из опыта работы в Малайзии) // *Paradigmata poznani*. – 2016. – № 2. – С. 54-56.
2. Гончаренко Н. В. Мультимедийная наглядность как новый уровень учебного познания в преподавании русского языка как иностранного // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. – 2016. – № 45. – С. 14-18.

3. Гончаренко Н. В. Лингвистические игры в обучении русскому языку иностранных студентов-медиков // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2016. – № 43. – С. 63-66.
4. Игнатенко О. П., Томиленко Н. А. Использование видеоматериалов как средство формирования коммуникативных навыков на занятиях РКИ // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2015. – № 56. – С. 61-64.
5. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык. – 1984. – С. 101.
6. Фатеева Ю. Г., Дегтяренко В. В. Культурная интеграция как гарант успешного обучения в иноязыковой среде медицинского вуза // Наука и современность. – 2014. – № 32-1. – С. 95-99.
7. Фомина Т. К. Интериоризация профессиональной роли в инонациональной среде // Философия социальных коммуникаций. – 2012. – № 4. (21) – С. 123-126.

VI. URGENT QUESTIONS OF RHETORIC, SPEECH CULTURE, COMMUNICATION THEORY

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЗАГОЛОВКОВ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ПОДСТИЛЕ

Л. Н. Авдонина
Н. Н. Таньков
А. П. Умнов

*Кандидат филологических наук,
кандидат педагогических наук,
студент,
Пензенский государственный
университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The article focuses on the stylistic role of headlines. It analyzes the structural and stylistic features of article headlines published in *Ogoniok* (2016, issues no. 23, 39, and 42), which is one of the oldest weekly illustrated magazines in Russia. The authors conclude that the headlines are persuasive, artistically expressive, and can make readers feel emotions.

Keywords: headline; magazine; stylistics.

Отечественная лингвистика с большим вниманием относится к изучению заголовков в газетно-публицистическом подстиле. Актуальность таких исследований объясняется неослабевающим интересом языковедов к художественной выразительности публикаций в СМИ в связи с жестким видом информационного противоборства, которое существует в современном мире.

Цель данной статьи – выявить структурные особенности и стилистическую роль заголовков в русскоязычных СМИ на материале журнала «Огонек» № 23, 39, 42 за 2016 год.

Теоретической основой нашего исследования являются работы таких лингвистов, как В. Г. Костомаров, Э. А. Лазарева, М. И. Шостак [6, 7, 10]. Газетный (или журнальный) заголовок – это полноправный и неотъемлемый элемент публикации в СМИ. Заголовок может быть создан с использованием любых языковых средств: фонетических (звукопись, аллитерация, ассонанс и др.); лексических (каламбур, метафоризация, фразеологизмы, названия известных фильмов и книг, известные выражения и др.); морфологических (единственное число в значении множественного, императивные формы и др.); синтаксических (части сложных предложений, вопросно-ответное единство и др.).

Заголовок, предворяя текст, несет в себе определенную информацию о содержании и об авторской оценке содержания и занимает стилистически сильную позицию. Важный параметр заголовка – информативность.

Э. А. Лазарева [7], рассматривая информативную функцию заголовков, выделяет: 1) полноинформативные заголовки – это заголовки, полностью информирующие о том или ином элементе текста, ясные до чтения публикации; 2) пунктирные заголовки – это заголовки, содержащие знаки смыслового элемента; 3) заголовки, информирующие о скрытом смысле, подтексте, который вербально не выражен; 4) заголовки, смысл которых полностью понимается после прочтения текста.

Рассматривая художественную выразительность современных заголовков, М. И. Шостак [10] выделяет следующие способы грамматического построения заголовков: 1) повествовательный заголовок (используется для новостей); 2) заголовок-констатация (2-3 предложения, переходящие в текст); 3) заголовок-резюме или комментирующий заголовок; 4) заголовок-парадокс (усиление значимости сообщения); 5) имена в заголовке (стимулируют интерес к тексту); 6) заголовок-цитата; 7) игровой заголовок (перифразировка, игра слов).

В результате проведенного нами исследования материала в указанных номерах журналах «Огонек» за 2016 год установлено следующее.

1. Выделенные заголовки, как элементы текста газетно-публицистического подстиля, обладают функцией убеждения и эмоционального воздействия.

2. Установлена структура изученных заголовков и определена их стилистическая роль. Приведем примеры.

Полноинформативный игровой заголовок *«Отмена виз? Не ждите!»* [1, с. 4] – заголовок статьи, в котором сообщается, что с мечтой о безвизовом рае в контактах с Европой россиянам стоит расстаться. Экспрессия достигается использованием вопросно-ответной формы и глагола *ждать* в повелительном наклонении с частицей *не*, которые выражают категорическое утверждение.

Пунктирный игровой заголовок *«Место встречи»* [11, с. 8] – заголовок статьи о санкциях и разногласиях между Россией и Западом, которые серьезно сказались на экономическом сотрудничестве. Экспрессия создается за счет парцелляции – намеренного выделения из названия известного фильма «Место встречи изменить нельзя» части текста, которая используется в качестве аллюзии.

Полноинформативный заголовок-резюме *«Острая медицинская недостаточность»* [8, с. 14] – заголовок статьи, в комментирующей части которой сообщается, что Правительство не дает Минздраву деньги, необходимые для реализации приоритетных проектов по здравоохранению с 2017 по 2025 год. Экспрессия достигается за счет игры слов: замена слова *сердечный* на *медицинский*, что придает фразе ироническое звучание.

Полноинформативный заголовок-цитата *«Москву спасет статус»* [2, с. 26] – в заголовок вынесена цитата из интервью К. Михайлова, координатора движения «Архнадзор», которое он дал журналу в связи с проек-

тами Правительства Москвы по градостроительству столицы. Данный заголовок, являясь прямой цитатой из речи интервьюируемого, активизирует как рациональную, так и эмоциональную сторону восприятия.

Заголовок-парадокс «*Слабости сильного звена*» [3, с. 18] понятен читателям после прочтения статьи, в которой адвокат С. Замошкин размышляет о том, почему новые возможности не сделали следователей самостоятельными. Выразительность заголовка строится на антонимии и обыгрывании выражения *слабое звено* из телевизионной игры.

Игровой заголовок «*Накрыло асфальтом*» [5, с. 18] информирует о подтексте, вербально не выраженном. В статье речь идет о внезапном аресте главы администрации Владивостока Игоря Пушкарева, который вызвал в крае недоумение и породил неприятные для власти вопросы. Экспрессия заголовка связана с языковой игрой – образованием нового фразеологизма на основе намеренного разрушения разговорного фразеологизма *накрыться медным тазом*, который означает «закончиться, провалиться, расстроиться (о деле); потерпеть неудачу» [9].

Полноинформативный игровой заголовок с использованием имени собственного «*Кадровая скамейка Дональда Трампа*» [4, с. 20] сообщает сведения о десяти главных выдвиженцах избранного президента США. Включение антропонима в заголовок стимулирует интерес к материалу. Экспрессия определяется образованием на основе известного выражения спортивной лексики *скамейка запасных* нового словосочетания, содержащего аллюзию.

Таким образом, изученные заголовки обладают информационно-содержательной функцией и отличаются художественной выразительностью. На наш взгляд, указанные выше заголовки являются успешными: они связаны с содержанием текста и отличаются оригинальным грамматическим построением.

Библиографический список

1. Аكوпова Е., Филина О. Отмена виз? Не ждите! // Огонек. – 2016. – № 23. – С. 4–5
2. Аронов Н. «Москву спасет статус» // Огонек. – 2016. – № 23. – С. 26–27
3. Замошкин С. Слабости сильного звена // Огонек. – 2016. – № 39. – С. 18
4. Кадровая скамейка Дональда Трампа // Огонек. – 2016. – № 23. – С. 20–21
5. Калачинский А. Накрыло асфальтом // Огонек. – 2016. – № 23. – С. 18–19
6. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: МГУ, 1971
7. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989
8. Нехлобова Н. Острая медицинская недостаточность // Огонек. – 2016. – № 42. – С. 14–17.
9. Словарь русского арго. – URL: <http://folklor.academic.ru/1029>
10. Шостак М.И. Сочиняем заголовок // Журналист. – 1998. – № 3. – С. 1–5
11. Шохин А. Место встречи // Огонек. – 2016. – № 23. – С. 8.

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ МЕЖДУ РЕЧЕВЫМ ЖАНРОМ И ЕГО НОМИНАЦИЕЙ (на примере жанра биографии)

Ю. Б. Бондаренко

*Аспирант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. In article features of the use of the nomination of a speech genre "biography" are analyzed. Come to light existence of the biographic genres having other names, and also cases of the use of the word "biography" for designation of not biographic texts. The author draws a conclusion that the similar phenomena testify to deep properties and tendencies of both a language picture of the world, and genre system.

Keywords: speech genre; nomination of a speech genre; biography

Номинацию обоснованно рассматривают как важный аспект анализа речевого жанра [1–2]. По нашему мнению, номинация в анализе речевого жанра является точкой отсчета: любое явление действительности может быть проанализировано только при условии, что оно было выделено среди других явлений, и номинация представляет собой манифестацию того факта, что объект анализа существует в сознании исследователя. Даже если в естественной языковой картине мира речевой жанр, несмотря на существование очевидной совокупности однотипных текстов, не выделяется, номинация неизбежно будет первым шагом к изучению данного жанра.

Тем не менее, опора на номинацию не является надежным критерием для выделения речевого жанра. Примером этого может служить речевой жанр биография. Дело в том, что при выделении совокупности текстов, реализующих данную модель, мы сталкиваемся с рядом трудностей, вызванных особенностями использования терминологической номинации «биография».

1. Термин «биография» в качестве названия речевого жанра отсылает к совокупности чрезвычайно разнородных текстов, которые различаются формально, стилистически, прагматически и принадлежат к разным стилям и дискурсам. При этом такое «рассеяние» характерно для текстов, для которых характеристика «биография» не только типична, но и является основной. Так, этот жанр чрезвычайно характерен для словесности, где выделяются научная, художественная, академическая, популярная биография, а также довольно «пестрая» категория промежуточных разновидностей, которые появляются в результате взаимодействия различных жанровых тенденций, давая жизнь таким формам, как художественные биографии с элементами документальности и научности научно-популярная биография [4, с. 92]. Термин «биография» используется как жанровая характеристика текста в связях с общественностью [3].

Соотносительными являются жанры биографии и автобиографии, о чем свидетельствует их названия. Хотя в действительности между этими жанрами имеются очень глубокие различия (биография опирается на исследование документов, автобиография – на работу памяти, биография предполагает более сложную повествовательную структуру, включающую не только автора и адресата, но и биографируемое лицо, которое в автобиографии равно автору [7, с. 197]), и биография, и автобиография имеют чрезвычайно много общего, в частности, предполагают описание жизненного пути человека в его полноте.

Значимость биографической модели проявляется также в том, что она кладется в основу гибридных жанров. Примером может служить жанр биографического интервью в PR, которое имеет форму структурированной беседы и содержит «подробную информацию о жизненном пути человека, о важных для него жизненных и профессиональных событиях, ...отражающих характер героя, его достижения, перспективы, связь с историей развития организации» [5, с. 41]. В данном случае существенно, что номинация жанра прямо отсылает к биографической модели.

2. Существуют тексты, которые обладают признаками биографических, однако не называются биографиями. Например, житие святого, *curriculum vitae* и некоторые виды резюме предполагают рассмотрение жизненного пути человека в хронологическом порядке (во всей его полноте, насколько это позволяет ситуация создания текста), однако они для их характеристики использование терминов «биография» и «автобиография» не принято. Более того, попытка применить данный термин может привести к смысловой аномалии (ср. *биография святого*).

Существование таких текстов, по всей видимости, можно объяснить чрезвычайно сильной дифференциацией между текстами, основанными на биографическом принципе, которая ведет к стремлению эксплицитно их противопоставить. Можно утверждать, что термин «биография», обладая всеми качествами родового термина, нередко используется в виде номинации вида, благодаря чему он противопоставляется другим видовым номинациям («*curriculum vitae*», «житие»).

3. Термин «биография» как обозначение речевого жанра довольно часто применяется к текстам, которые не могут рассматриваться как биографические в собственном смысле слова, поскольку не соотносятся с конкретным человеком. Например, в культурологических исследованиях все большее распространение получает метафора «биография города», которая предполагает признание, что городом обладает не только бытием в качестве отдельной, самостоятельной сущности, но и индивидуальностью [6, с. 25]. Возможность индивидуализации, заложенная в биографии, в данном случае активно эксплуатируется. Обращает на себя внимание суждение И. Г. Дройзена о том, что биография может быть создана только для тех городов, которые обладают ярким своеобразием [там же, с. 26].

Показательно применение биографической модели к другим индивидуальным объектам: Вселенной (ср. название научно-популярной книги «Биография Вселенной»), организациям и учреждениям, дорогам, литературным персонажам (в последнем случае объектом описания становится не биография персонажа в том виде, в котором она моделируется в фиктивном мире художественного произведения, а история его создания автором и рецепции публикой).

В отдельных случаях модификация семантики слова «биография» оказывается еще более глубокой: биографическая модель применяется для описания истории не единичного, уникального явления, а категории, вида явлений. В этом отношении показателен цикл статей, опубликованный на страницах журнала «Мир транспорта» с 2003 по 2012 гг., которые содержат в названии слово «биография», однако рассказывают об истории видов транспорта (автобуса, велосипеда, трамвая и т. д.) либо явлений, так или иначе связанных с транспортом (вокзала, фуникулера). Различие между «биографией» конкретного, единичного явления (например, Ярославского вокзала в Москве) и «биографией» вокзала вообще довольно очевидна: в первом случае основание для метафорического переноса биографической модели являются сильным, во втором оно заметно слабее, поскольку схема «рождение – становление – смерть» в меньшей степени применима к категориям, видам, чем к единичным явлениям.

Имеются основания полагать, что такое употребление становится более частотным. Об этом свидетельствуют не только названия текстов, подобные приведенным ранее, но и динамика лексического значения слова «биография». Так, если в словаре Д. Н. Ушакова значение ‘чья-н. жизнь’ фиксируется как переносное, то в современных словарях (С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Большом толковом словаре русского языка» под ред. Кузнецова) это значение фигурирует в составе основных. При этом в словаре под редакцией С. А. Кузнецова появляется переносное значение ‘об истории создания, существования чего-л.’, которое иллюстрируется примерами *у каждого музея своя биография, биографии вещей причудливы*. Эти языковые факты позволяют сделать вывод, что значение слова «биография» расширяется и обогащается новыми значениями, а применение данного слова к «нечеловеческим» объектам и явлениям социальной и природной действительности довольно регулярно, что позволяет зафиксировать его в словаре. Исходно переносное употребление слова «биография» для обозначения жизни человека, а не только ее описания также является частью этого процесса.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что биографическая модель является чрезвычайно важной и продуктивной для европейской культуры, чего нельзя сказать о других жанровых моделях. Это естественно: схема «рождение – становление – смерть» потенциально применима к разным явлениям действительности. Обращает на себя внимание то, что эта

схема, будучи всеобщей и универсальной, не применяется к отдельному человеку (движение от общего к частному), а наоборот, переносится с частного (жизни человека) на более широкий круг социальных, культурных и природных явлений.

Однако еще более важно обратить внимание на асимметричные отношения между номинацией «биография» и совокупностью текстов, которые она обозначает. С одной стороны, эта асимметрия делает номинацию «ненадежным» источником информации о речевом жанре. Существование по своей сути биографических текстов, которые не называют биографией, и явно небюграфических текстов, которые называют биографиями, вынуждает отказаться от представления об информативности номинации речевого жанра. С другой стороны, сама по себе эта асимметрия может служить основанием для важных выводов. Она может свидетельствовать не только о естественных процессах в лексике, но и о глубинных свойствах или тенденциях жанровой системы языка. Одна из возможностей осмысления этих глубинных процессов и свойств заключается в обращении к исторической перспективе: с этой точки зрения на протяжении веков мы наблюдаем своего рода экспансию биографической модели в разные дискурсы и сферы использования языка – экспансию, которая свидетельствует о чрезвычайной значимости этой модели.

Библиографический список

1. Балашова Л. В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // Жанры речи. – Вып. 6. Жанр и язык. – Саратов: ИЦ «Наука», 2009. – С. 59–79.
2. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 23-33.
3. Кривонос А. Д. Секреты PR-текста: Биография // PR-диалог. 2001. № 3-4 (14-15). С. 118-119.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
5. Пескова Е. Н. Биографическое интервью в имиджевом издании: Жанрообразующие признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12. № 2. С. 39-43.
6. Полякова И. А. Биография города: жизнь, история, судьба // Вопросы культурологии. – 2011. – № 8. – С. 24-28.
7. Черкашина Г. С. Мемуарная автобиография и автобиографические мемуары: Схожесть и различие понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 196-199.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОРОСКОПА НА РЕЦИПИЕНТА

М. А. Захарова

Учащаяся,
Гимназия № 76,
г. Челябинск, Россия

Summary. This article examines horoscopes on Russian and English language to know what language means have an influence on the recipient. The main method of research is a content-analysis, in which thematic, syntactic, stylistic analysis were conducted and also words generalized semantics were distinguished.

Keywords: horoscope; content-analysis; psycholinguistics; Barnum-Forer effect.

Сейчас гороскопы встречаются повсюду. Почему же люди в век высоких технологий и стремительного развития науки верят тому, что не признается учеными? Почему человек, читающий гороскоп, действительно убежден, что написанное там является правдой и обязательно случится с ним? Мы предполагаем, что ответы на эти вопросы заключены в тексте гороскопа, и поэтому анализ его лингвистической составляющей поможет узнать, как же влияет гороскоп на аудиторию.

Объектом нашей работы послужил гороскоп.

Предметом работы стали языковые средства воздействия в гороскопах.

Цель этой работы – выявить, какие языковые средства гороскопов оказывают влияние на реципиента.

Гипотеза нашей работы заключается в предположении о том, что оценочные слова, использованные в гороскопах, в наибольшей степени влияют на человека.

Мы применяли в нашей работе описательный метод и контент-анализ.

Для характеристики гороскопа сначала выведем его определение.

Гороскоп «[лат. *hōrosopus* < греч. *hōroskopos* наблюдающий время] – в астрологии: таблица расположения планет и звезд, служащая для предсказания чьей-н. судьбы, какого-н. события, а также комментарии, сопровождающие такую таблицу» [3].

В слове «гороскоп» произошел метонимический перенос: от значения таблицы, по которой предсказывают судьбу, образовалось современное значение – «предсказание судьбы (чаще всего в виде письменного текста)». В нашей работе мы используем данное понятие именно в этом значении.

Наша задача состояла в том, чтобы выяснить, почему люди доверяют гороскопу и как он заинтересовывает их, а также как он сочетает в себе индивидуальность и обобщенность на языковом уровне.

В психологии тексты гороскопов отмечаются особо. Существует эффект Барнума-Форера, суть которого заключается в том, что «в обычных жизненных обстоятельствах большинство людей с готовностью принима-

ют обобщенное описание личности за совершенно адекватное описание их собственных личностей. Такое описание может быть результатом астрологического и экстрасенсорного прогноза, гадания по руке или даже оценки личности, проведенной профессиональным психологом. Единственное обстоятельство, которое, по-видимому, имеет существенное значение, состоит в том, что данный индивидуум верит, будто это описание было составлено специально для него» [4, с. 1009].

Бертрам Р. Форер и описал этот эффект в 1949 году. В своих заключениях он утверждал следующее: «Вслепую личностные оценки могут показаться обоснованными, когда метод личного обоснования (подтверждение реципиентом) используется для описательных пунктов приблизительной обобщенной обоснованности. <...> Использование метода личного подтверждения, фиктивного личностного портрета может легко вводить людей в заблуждение в одобрении диагностической схемы, даже когда они не до конца принимают их портрет. Минимальная степень соответствия между портретом и самооценкой возникает, чтобы породить принятие общего портрета, и это принятие приносит не критичность в этот тест» [5, р. 122–123].

В данном исследовании мы использовали контент-анализ, потому что он позволяет нам раскрыть смысловые единицы текста через его форму. Вот как об этом говорит Л. Я. Аверьянов: «понятие «контент-анализ», согласно общепринятой точке зрения, предполагает анализ содержания текста. Но это не совсем точно, контент-анализ не занимается собственно смыслом, а исключительно частотным распределением смысловых единиц в тексте, или по-другому – анализом статических закономерностей частотного распределения смысловых единиц в тексте. И не более того. В свою очередь закономерности частотного распределения смысловых единиц в тексте нередко позволяют понять закономерности именно смыслового определения объекта» [1, с. 9].

Мы сравниваем тексты гороскопов на двух языках, поэтому контент-анализ является наиболее подходящим для нас. Причину этого раскрывает Л. Я. Аверьянов: «Большое значение в настоящей методике придается сравнению двух текстов, причем независимо, являются ли они искусственными или естественными. Дело в том, что смысловые характеристики текста могут быть определены только относительно какого-то другого материала, выраженного в тексте. Сравнение одного или нескольких текстов между собой позволит соотнести искомые и анализируемые единицы по смыслу» [1, с. 122].

Почему мы используем именно контент-анализ? Во-первых, формальный подход дает возможность делать статистически правильный вывод при обнаружении языковых особенностей, используемых автором для манипуляции реципиентов. Во-вторых, контент-анализ является одной из

исследовательских процедур, которая выявляет закономерности уникальных предметов.

Нами были выбраны 8 гороскопов на русском и 8 на английском языках, которые были составлены для Овнов с 30.10.14 по 07.11.14. Для каждого текста контент-анализ проводился по следующим параметрам. Проводя тематический анализ, мы выделили следующие группы: внутренний мир человека (мысли, состояния, чувства, способности, действия, оценка, возможности), внешний мир (время, окружение, взаимоотношения, предметы, возможности, события, деятельность, результативность, пространство). В стилистическом анализе мы выделили слова с мелиоративной и пейоративной окраской, а также с обобщенной семантикой. Еще мы проводили морфологический анализ и подсчитали существительные, глаголы, прилагательные, числительные, местоимения, имена собственные, союзы, наречия. В синтаксическом анализе мы определяли виды каждого предложения.

В качестве примера приведем контент-анализ гороскопа одного и того же дня на английском и русском языках.

November 2

You know how sensitive you are? Well, multiply that by 100, especially when it comes to the comments of coworkers. Go easy on them. They have no idea what they're up against today.

(= Вы знаете, насколько вы чувствительны? Хорошо, умножьте на 100, особенно, когда это касается замечаний ваших коллег. Отнеситесь к ним проще. Они не имеют представления, чему они противостоят сегодня.)

Тематический анализ:

1) внутренний мир человека (7):

– чувства (1): *sensitive*

– мысли (2): *know, no idea*

– оценка (1): *go easy on*

– действия (3): *multiply, they're up against, the comments*

2) внешний мир (4):

– время (1): *today*

– окружение (3): *coworkers, them, they*

Стилистический анализ (4):

Слова с пейоративной окраской (2): *comments, against*

Слова с мелиоративной окраской (2): *well, easy*

Слова обобщенной семантики (2): *idea, comes*

Морфологический:

Существительные (3): *the comments, coworkers, idea*

Глаголы (6): *know, multiply, comes, go easy on, have, to be up against*

Прилагательные (1): *sensitive*

Числительные (1): *100*

Местоимения (4): *you, it, them, they*

Союзы (4): *well, when, what, how*

Наречия (1): *especially*

Синтаксический:

Вопросительное – 1

Повествовательное – 3

Сложноподчиненное – 3

Простое – 1

Ноябрь 2

Овнам 2 ноября удастся одержать громкую победу в интеллектуальной викторине или в спортивном соревновании. Всё, что вы сумеете сегодня достичь, заметно поднимет вашу самооценку и станет залогом вашего настроения.

Тематический анализ:

1) внутренний мир человека (9):

– оценка (2): *самооценка, отличного*

– действия (5): *достичь, поднимет самооценку, удастся, одержать победу, станет залогом*

– возможности (1): *сумеете*

– состояния (1): *настроения*

2) внешний мир (4):

– время (1): *сегодня*

– события (2): *интеллектуальная викторина, спортивное соревнование*

– результативность (1): *победу*

Стилистический анализ (5):

Слова с мелиоративной окраской (5): *победу, сумеете, достичь, поднимет, поднимет*

Слова обобщенной семантики (4): *удастся, все, сумеет, станет*

Морфологический:

Существительные (8): *ноября, победу, викторине, соревновании, всё, самооценку, залогом, настроения*

Глаголы (6): *удастся, одержать, сумеете, достичь, поднимет, станет*

Прилагательные (3): *громкую, интеллектуальной, спортивном*

Числительные (1): 2

Местоимения (3): *вы, вашу, вашего*

Имена собственные (1): *Овны*

Союзы (1): *что*

Наречия (1): *заметно*

Синтаксический:

Простое – 1

Сложноподчиненное – 1

Контент-анализ всех русско- и англоязычных гороскопов показал следующее:

1. Количество слов, обозначающих внутренний мир человека, почти совпадает в русско- и англоязычных гороскопах (104 – русский язык – к 108 – английский язык) и значительно превышает количество слов, обозначающих внешний мир и особенно в английском языке (78 – русский язык – к 43 – английский язык).

Это может говорить о тенденции всех гороскопов использовать внутренний мир человека, чтобы создать тотальную направленность. Слова, обозначающие внешний мир, дают больше конкретики и этим самым ограничивают аудиторию, для которой они подходят.

2. Количество слов, обозначающих чувства во внутреннем мире человека, значительно отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах: в англоязычных текстах их почти в два раза больше (9 – русский язык – к 17 – английский язык).

3. Количество слов, обозначающих мысли, отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах (10 к 16).

Это может означать, что англоязычные гороскопы уделяют больше внимания внутреннему миру человека, тем самым подталкивая людей на самостоятельность в их жизни.

4. Количество слов, обозначающих оценку, значительно отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах: в русскоязычных текстах их почти в два раза больше (16 к 9).

А это может говорить о том, что мы, носители русского языка, чаще оцениваем свои действия и поступки, т.е. более эмоциональны.

5. Количество слов, обозначающих способности, тоже значительно отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах; стоит отметить, что в русскоязычных текстах они вообще не представлены (0 к 5).

6. Количество слов, обозначающих взаимоотношения во внешнем мире человека немного отличаются друг от друга в русско- и англоязычных гороскопах (8 к 3); такую же разницу можно увидеть в количестве слов, обозначающих возможности: в русскоязычных текстах их выделено немного больше (4 к 1).

7. Значительную разницу можно увидеть в количестве слов, обозначающих события, деятельность, результативность в русско- и англоязычных гороскопах (31 к 4): они преобладают в русскоязычных текстах, а слова, обозначающие события и результативность, вообще не отмечены в англоязычных гороскопах.

Это может свидетельствовать о том, что внешний мир больше представлен в русском языке, чем в английском. Предположим, это связано с тем, что мы привыкли искать причины наших бед и удач во внешних обстоятельствах.

8. Синтаксический анализ показал, что в тексте больше всего встречаются повествовательные (27 – русский язык – к 23 – английский язык) и сложноподчиненные предложения (13 – русский язык – к 31 – английский язык).

язык). Повествовательные предложения позволяют автору сделать текст объективным, не эмоциональным, как бы отстраниться от текста, и тем самым завоевать доверие читателя. С помощью сложноподчиненных предложений автор разъясняет текст, а также показывает обстоятельства, при которых возможно исполнение предсказанного.

9. Если обратиться к стилистическому анализу, то можно увидеть большую разницу в количестве слов, обозначающих мелиоративную окраску (русский – 42 единицы, английский – 28 единиц), в отличие от слов с пейоративной окраской, где количество слов одинаково в русско- и англоязычных гороскопах (16 к 16).

Это может означать, что, во-первых, люди больше верят в удачу, поэтому говорят о будущем чаще положительно, а, во-вторых, мы, русские, более оптимистичны по сравнению с англичанами.

10. Среди лексики особое место по количеству занимают слова обобщенной семантики (13,3 % к 15,2 % от общего количества слов), у которых совсем небольшая разница в русско- и англоязычных гороскопах (44 к 35).

Данные слова создают больше тотальную направленность гороскопов, что помогает последним влиять на людей.

Также нами был проведен опрос учащихся 11 класса с целью узнать степень их доверия к гороскопам и проверить эффект Барнума-Форера. Тексты гороскопов всех знаков зодиака были перепутаны между собой. Раздав тексты реципиентам, мы попросили их внимательно прочитать гороскоп и в течение этого дня соотносить события своей жизни с текстом гороскопа. На следующий день мы вновь раздали те же самые тексты и попросили реципиентов оценить степень соответствия прошедшего дня текстам гороскопов по 10-балльной шкале (0 баллов – полное несоответствие, 10 баллов – полное соответствие).

Результаты опроса: из 17 опрошенных 8 оценили гороскопа на 0 баллов, 3 – на 10, 1 – на 8, 3 – на 7, 1 – на 6, 1 – на 4, 1 – на 3. Средний показатель доверия к гороскопам – 42 %.

По нашему мнению, доверие к гороскопам достаточно высоко, что подтверждает эффект Барнума-Форера и выводы по нашему лингвистическому исследованию.

Гороскоп занимает важное место в нашей жизни, так как людям интересно знать, чего же им ожидать от жизни на следующий день, неделю, месяц, год. Читая гороскопы, люди начинают также подстраивать себя под то, что в нем содержится. Как же гороскоп влияет на людей? Наше исследование показало, что основными средствами влияния являются слова, обозначающие внутренний мир человека, слова с мелиоративной и пейоративной окраской и слова обобщенной семантики. Также в ходе анализа мы выяснили, что носители английского языка больше уделяют внимание внутреннему миру, тем самым надеясь на самих себя. В свою очередь русские обвиняют в

большей степени внешний мир, чаще оценивают действительность и при этом оценивают ее больше положительно, чем отрицательно.

Библиографический список

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. – М.: КноРус, 2007. – 286 с.
2. Алмаев Н.А. Применение контент-анализа в исследованиях личности: методические вопросы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 167 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с. // megabook.ru
4. Психологическая энциклопедия / Под ред. Корсини Р., Ауэрбаха А. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
5. Forer В.Р. The Fallacy of Personal Validation: A Classroom Demonstration of Gullibility / В.Р. Forer // Journal of Abnormal and Social Psychology. – volume 44, Issue 1. – January 1949. – P. 118-123.

ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. В. Майорова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Московский государственный
технический университет
им. Н. Э. Баумана,
(Мытищинский филиал МГУЛ),
г. Москва, Россия*

Summary. The use of euphemisms as a means of linguistic manipulation due to their impact on the public consciousness when direct name objects or phenomena that cause a negative evaluation, it becomes taboo and replaced by more neutral to mask certain, often negative, of the facts of reality. It's manipulative effects are widely used in mass communication.

Keywords: mass communication; euphemisms; manipulation; mass consciousness; the formation of public opinion.

В современном мире главную роль в формировании общественного сознания играют средства массовой коммуникации. Языковое воздействие на человека, способы его мышления и поведения всегда контролировались органами власти для повышения своей авторитарности, навязывания обществу нужных смыслов и побуждению его к определённым действиям. Для этого средствами массовой коммуникации используются различные методы, в том числе и лингвистические.

Так как далеко не каждый имеет представление о том, что с помощью языка можно манипулировать сознанием, то языковое манипулирование часто остаётся незамеченным, а, следовательно, эффективным.

В словарях европейских языков слово *манипуляция* трактуется как обращение с объектами с определёнными намерениями, целями. В переводе с латинского слово *manus* – рука (*manipulus* – пригоршня, горсть, от *manus* и *ple* – наполнять). В современном значении – это ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. «Большой толковый социологический словарь» определяет манипуляцию как «процесс идеологического и социально-психологического воздействия на людей с целью изменения их поведения вопреки их интересам» [1]. Таким образом, слово *манипуляция* имеет негативную оценку.

В последнее время актуальной лингвистической проблемой стало явление эвфемии, получившее особенно широкое распространение в средствах массовой коммуникации, так как именно они эффективно воздействуют на формирование общественного мнения и массовой культуры.

По мнению Л. В. Рацибурской, языковое манипулирование (или языковая манипуляция) – это вид речевого воздействия, целью которого является неявное внесение в психику адресата чуждых ценностей, желаний и целей с использованием психолингвистических механизмов, приводящих к некритическому восприятию адресатом речевого воздействия [2].

С точки зрения социального аспекта в основе эвфемии лежат моральные, религиозные и политические мотивы. Именно под их воздействием прямое наименование предметов, вызывающих отрицательную оценку, становится запретным и заменяется более нейтральным с целью маскировки определённых, чаще всего негативных, фактов действительности.

В нашей стране явление эвфемии получило особо широкое распространение в последнее десятилетие XX века. Этому способствовали динамические изменения, происходящие в обществе. И именно с ними связана актуальность тематических эвфемизмов.

Так появились эвфемистические обозначения некоторых профессий с целью повысить их престиж или скрыть негативное впечатление от обозначаемого «прямым» наименованием рода занятий: дворник стал уборщиком территорий, ассенизатор – оператором очистных работ, даже вроде безобидное название *маникюрша* превратилось в «мастер ногтевого сервиса» и др.

Оценка говорящим предмета речи, который квалифицируется как резкость, неприличие, является существенным для процесса эвфемизации. Тематическая группа таких эвфемизмов продуктивно пополняется. Прежде всего, это касается обозначения бедности. В настоящее время бедняков именуют «социально незащищёнными слоями населения». Этот эвфемизм фиксируется в речи с 90-х гг. XX века. Сочетание *финансовые/материальные проблемы/вопросы* употребляется вместо выражений *не хватает денег, спор из-за денег*. А эвфемистический фразеологизм *мои финансы поют романсы* поэтизирует бедность.

Опосредованное обозначение взяток должностным лицам и даже госкорпорациям для получения выгодных контрактов теперь называется *откат*.

Способность эвфемизмов к манипулированию связана с тем, что они как бы камуфлируют истинную сущность явления, создавая нейтральную коннотацию. Особенно наибольшее манипулятивное воздействие эвфемизмы оказывают в средствах массовой коммуникации, так как имеют разносторонние возможности влияния на сознание широких масс. И, конечно, в первую очередь это воздействие осуществляется с помощью, так называемых, политических и экономических эвфемизмов. Их главная задача – заменить слова и выражения, которые являются нежелательными в данной ситуации и могут вызывать негативную реакцию, на более мягкие, тем самым помогая избежать конфликта в общении и скрывать неприятные явления действительности.

Для современного этапа развития общества можно выделить несколько основных групп эвфемизмов, используемых средствами массовой информации в политических дискурсах как прямой комментарий оценки какого-либо события, которое может вызвать негативную реакцию населения. Это эвфемизмы, смягчающие наименования военных действий, например, *обезвредить* вм. убить, *деструктивный* вм. разрушительный, *размещённый контингент* вм. военно-политическое иностранное вмешательство и др. А эвфемистические сочетания со словом *операция* стали уже почти устойчивыми: *контртеррористическая операция*, *операция по наведению порядка*, *операция по уничтожению бандитов*, *операция по принуждению к миру* и т.п.

Эвфемизмы в первой части слова с морфемой *спец-* призваны тоже скрывать неприятную суть действий: *спецоперация*, *спецконтингент*, *спецназ*, *спецотряд*,

Для вуалирования негативных явлений, происходящих в экономике, используются эвфемизмы: *либерализация цен* – частичная или полная отмена государственного регулирования рыночных цен; *ликвидность* – нехватка денег; *оптимизация* – сокращение; *реструктуризация* – государство влезает в долги, выплачивая пенсии, пособия, заработную плату; *серая, теневая экономика* – не регистрируемая экономическая деятельность и др.

Стремление власти смягчить удары, наносимые населению в области экономики, привело к появлению аморфного по смыслу и эвфемистического по существу словосочетания *непопулярные меры*.

В последнее время всё чаще употребляется слово *санкции*. Оно имеет довольно размытое значение и может обозначать как штраф, увольнение с работы, так и принудительную меру или ограничения, применяемые государством к государству. Данный эвфемизм смягчает именно негативный денотат.

Таким образом, современным источником языкового манипулирования являются средства массовой коммуникации, которые оказывают информационно-психологическое воздействие на человека с помощью языковых средств, и ставят своей задачей изменение его мнений, побуждений и целей в нужном направлении. В связи с этим явление эвфемизации представляет научный интерес, поскольку оно стало широко использоваться во многих сферах языкового общения, а язык должен быть инструментом выражения, а не утаивания мысли.

Библиографический список

1. Большой толковый социологический словарь терминов...onlinedics.ru> Социологический словарь
2. Рацибурская Л.В., Петрова Н.Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М.: Флинта, Наука, 2011, 150 с.

ПЕРЕПИСКА: ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

О. П. Фесенко

*Доктор филологических наук, доцент,
Омский аэробронетанковый
инженерный институт,
г. Омск, Россия*

Summary. The article is devoted to the problem of identifying the discursive properties of friendly letters. The discursive nature epistolary allows you to access the description of a speech portrait of the founder of friendly correspondence. The paper deals with the study of such speech portrait as the dual.

Keywords: epistolary; epistolary discourse; creativity; dissymmetry; dual speech portrait.

Письмо как жанр, как стиль, как дискурс привлекало исследователей на протяжении многих десятилетий. На современном этапе развития лингвистической науки разработка дискурсивной теории эпистолярия стала возможной благодаря многолетним исследованиям в области когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, теории языка и речевых жанров. Выделение дискурсивных свойств дружеского эпистолярия опирается на результаты анализа жанровых и коммуникативных особенностей писем.

По нашему мнению, эпистолярный дискурс – это речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функ-

ций. Описание дискурсивных свойств писем стало основой для моделирования речевого портрета коммуникантов: автора и адресата.

При определении эпистолярия как дискурса важным является тот факт, что дискурс создается в процессе взаимодействия коммуникантов и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между создателями писем.

Описание речевого портрета автора и адресата возможно только при учете дискурсивных свойств письма. Мы полагаем, что дискурсивный потенциал дружеского эпистолярия обусловлен набором взаимосвязанных свойств писем.

1. Антропоцентричность, реализующаяся в эпистолярном дискурсе посредством диалогичности.

2. Креативность как свойство эпистолярия допускать использование и гармоничное соединение продуктов речетворческой деятельности разных языковых личностей. Формой проявления креативности является языковая игра (в широком и узком пониманиях), представленная через спонтанность эпистолярной речи, политематичность (эпистолярный дружеский дискурс можно рассматривать как форму дружеской беседы, а тематика беседы безгранична, что и проявляется в абсолютном большинстве писем), конвенциональность, пародирование структуры и этикетной рамки письма, мозаичность, каламбур и лексические новообразования.

3. Полифункциональность (в текстах писем реализуются две базовые функции (коммуникативная и функция самовыражения) и три вторичные (информативная, фатическая, прагматическая); поскольку обе первичные функции тесно переплетены, то вторичные могут реализовать одновременно и коммуникативную функцию и функцию самовыражения.

4. Диссимметрия, заключающаяся в разрушении сложившихся ранее эпистолярных традиций, повлекшем за собой вариативность формы и содержания дискурса и воспринимающемся как функционально значимая аномалия в период формирования новых эпистолярных форм (диссимметрия как свойство дискурса будет проявляться каждый раз при смене традиции речевого жанра, в т.ч. при формировании особенностей электронной переписки).

Все эти особенности дружеского письма дают возможность рассматривать его как ресурс, к которому исследователь может обратиться в случае необходимости моделирования речевого портрета носителя эпистолярных традиций и культуры.

Решение проблемы выявления дискурсивной природы эпистолярия позволяет говорить об описании речевого портрета создателей переписки с учетом особенностей коммуникативной ситуации при совмещении традиционного структурно-семантического и функционального анализа языковых единиц с концептуальным и дискурсивным. Однако следует понимать, что это будет специфический речевой портрет, особенности которого

определяются не только языковыми чертами автора, но и адресата письма. Такой портрет можно назвать дуальным, т.е. сдвоенным, поскольку в письме автор не существует автономно от адресата. В письме автор и адресат «выступают в эпистолярной связке как зеркальное отражение психологической востребованности друг в друге некоторых крайне важных и привлекательных для каждого из них черт, что и обеспечивает саму возможность эпистолярной коммуникации, даже если она приобретает монологический характер» [2].

Ю. М. Лотман отмечал, что «для выработки общего языка каждый из участников ситуации стремится перейти на «чужой» язык» [1, с. 194]. Тогда имеет смысл говорить не о языковой личности конкретного создателя текста письма, а о комплексном образовании, рассматривая обоих авторов как целостное единство, а язык переписки, как свойственный ей в целом, а не каждому коммуниканту в отдельности, поскольку каждый из них влияет на другого. Этого аспекта изучения эпистолярного наследия современная наука, к сожалению, пока не касалась. Поэтому нет методики, которая бы позволила выявить то общее в структуре дуального речевого портрета, что обусловлено особенностями эпистолярного дискурса и спецификой такой коммуникации. Многомерность текстовой организации писем делают их объектом изучения смежных дисциплин. Возможно, что такой анализ станет возможен на стыке лингвистических наук.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Механизмы диалога / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 193 – 206.
2. Сапожникова Н.В. «Авторский голос» как элемент эпистолярно-историософской репрезентации личности (на материалах XIX века). К постановке вопроса [Электронный ресурс] / Н.В. Сапожникова // Проблемы образования, науки и культуры: вып. 17. - № 34 (2005). – С. 81-89. – Режим доступа: [http://www.eunnet.net/proceedings/?base=mag/0034\(03_172005\)&xsl=showArticle.xslt&id=a11&doc=./content.jsp](http://www.eunnet.net/proceedings/?base=mag/0034(03_172005)&xsl=showArticle.xslt&id=a11&doc=./content.jsp).

VII. THE LANGUAGE, CULTURE AND MENTALITY AS IMPORTANT AREAS OF MODERN LINGUISTICS

SPECIFICS OF FUNCTIONING OF IDIOMS IN THE INTERCULTURAL SPACE

G. E. Kadirisizova

*Master's Degree student,
Ablaikhan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. The article dwells on the notion of idiom and its specific peculiarities as an integral part and a peculiar treasury of any language of the world. Thus, the particular attention is paid to the understanding of idioms as a translator of cultural connotations. Phraseological units from English, Kazakh and Russian are considered according to their analogies or identical figurative basis and are compared to the purpose of detection of their similarities and differences.

Keywords: idiom; phraseological unit; idiomatic expression; meaning; analogy; culture.

Learning a foreign language is the comprehension of a new culture and the attempt to join it. Idiomaticity, being an integral part and a peculiar treasury of any language of the world, promotes familiarizing not only with language, but also with culture. Indeed, idioms reflect an originality of culture, country life and centuries-old history of the people. That is why their studying is very important.

There are many different sources of idioms. As will be clear from what follows, the main thing in an idiom – its value. That is why the native speaker does not notice that a particular idiom is grammatically incorrect. If the source is known idiom, sometimes it is easier to guess its meaning. The choice of words depends on a person whom you are talking with, as well as on the situation or the place at the moment of conversation. In other words, idiom is an important expressive mean of language. It is a steady expression with its independent meaning. Mostly, idioms are created by the people and therefore are closely related to interests and daily occupations of ordinary people. That is why idioms are almost never translated literally.

Most people know the expression *'it's raining cats and dogs'*. In Russian we say *'льет как из ведра'*, in Kazakh – *'жаңбыр құйып тұр'*. If phraseological unit manages to pick up a literal analogue, as a rule, it means that in both languages it arose from one source. For example, the expression *'Дамоклов меч'* (*'sword of Damocles'* in English) comes from the Greek tradition.

A lot of idioms came to English from the Bible. Many of them exist in Russian and even in Kazakh. The idiom *'A drop in the bucket'* (later, *'a drop in*

the ocean’) has the analogue in Russian – ‘*капля в море*’, and in Kazakh – ‘*теңіздің тамшысындай*’ (table 1).

Table 1.

Idiomatic compliance in English, Russian and Kazakh

English	Russian	Kazakh
beat swords into ploughshares	перековать мечи на орала	семсерден соқа соғу
Forbidden fruit	запретный плод	қол жетпес жеміс
Keep as the apple of one’s eye	беречь как зеницу ока	көздің қарашығындай сақтау
A wolf in sheep’s clothing	волк в овечьей шкуре	қой терісін жамылған қасқыр
A voice crying in the wilderness	глас вопиющего в пустыне	құр далаға кеткен айғай
A drop in the bucket	капля в море	теңіздің тамшысындай

Studying idioms of the English, Russian and Kazakh languages, we can compare and distinguish the mentality of the peoples by identifying their similarities and differences. For example, the idiom ‘*take the bull by the horn*’ is literally translated as ‘*взять быка за рога*’ and has the same meaning. Sometimes it is easy to guess the meaning of idiom, though in Russian the same thought most likely would be expressed differently. For example, English idiom ‘*get up on the wrong side of bed*’ literally means ‘*встать не с той стороны кровати*’, and taking as an analogy the Russian idiom ‘*встать не с той ноги*’, it is easy to understand its meaning. Nevertheless, such cases are more likely exceptions and, as already mentioned, the majority of English idioms and other phraseological units cannot be literally translated. For example, without knowing in advance what the phrase ‘*wear more than one hat*’ means, one can get into an awkward situation translating it literally – ‘*носить больше одной шляпы*’, while actually it means ‘*выполнять несколько обязанностей*’. Here we see that when an idiom is translated directly word-for-word into another language, either its meaning is changed or it is meaningless.

Also, there are a lot of idioms on wealth, money and work that have the same meaning in English, Russian and Kazakh. For example, ‘*No bees, no honey; no work, no money*’ – ‘*Без труда не вынешь и рыбку из пруда*’ – ‘*Әрекет болмай, берекет болмас*’.

In Kazakh, there are idioms which are not translated word-for-word, but the meaning is similar to the set phrases in both English and Russian. As an example, the idiomatic expressions ‘*маңдай терін төгу*’ and ‘*жан терге түсу*’ are close to Russian ‘*в поте лица*’ and to English ‘*by the sweat of one’s own brows*’ and mean one’s own hard work, typically manual labour [3]. Another Kazakh idiom which means ‘to work hard’ is ‘*арқа еті арша, борбай еті борша болу*’ [2, p. 224].

Occasionally, some examples can seem interlingual similar phraseological units, but their mapping in various languages can be manifested differently. For

instance, the expression ‘отқа май қыю’ is a type of ethnographic phraseology and has the positive meaning ‘to keep the fire lit by newlyweds’. English idioms ‘*pour oil on the flames*’ and ‘*add fuel to the fire*’ have the same meaning in Russian ‘*подливать масла в огонь*’. As we have seen, both English and Russian idioms have the negative meaning ‘to make a situation worse than it already is’ [1].

Thus, following the results of research of a set of examples of idioms and phraseological units in English, Kazakh and Russian, it is possible to draw a conclusion that each of these languages includes numerous idiomatic units. Moreover, idioms of one language brightly characterize and make an overall picture of culture, life and traditions of this or that country. Each language has its own idiomatic expressions which show the national specifics and have analogues in other languages. Major cultural differences between these languages are manifested in the peculiarities of vocabulary, in the manner of expression of character, images, in the functioning of artistic and expressive means of language and the essence of culture.

Bibliography

1. Cambridge Idioms Dictionary, 2nd ed. Cambridge University Press, 2006
2. Kozhakhmetova Kh.K., Zhaysakova R.E., Kazhakhmetova Sh.O. Kazakhsko-russkiy fraseologicheskiy slovar. – Almaty: Mektep, 1988. – p.224
3. The Oxford Dictionary of Idioms 2nd Edition, Oxford University Press, 2004

CULTURE AS A TOOL FOR COMMUNICATION

Sh. F. Sharahimov

*Assistant teacher,
Languages Department,
Tashkent Medical Academy,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This given article explores how culture can be used as an effective tool in order to achieve highly effective communication internationally. The understanding among speakers of different languages is important as well.

Keywords: communication, international, dialogue, globalization.

At present, the dialogue of cultures in terms of international communication is one of the topical problems and is at the peak of methodological interests. The latter is aimed at implementing an interrelated policy in the field of education, culture, communication and science in order to ensure "intellectual development and moral perfection of humanity." Dialogue in terms of international communication is defined as the exchange of information between the bearers of two or more national cultures. This definition can be noted that the successful implementation of such dialogue is possible only, if mutual understanding be-

tween the representatives of different cultures exists. The latter implies conflict-free, tolerant, positive attitude, reliance on common values. The absence of these factors blocks the dialogue due to lack of understanding, lack of tolerance leads to conflict. Consequently, the task of teaching intercultural communication is a technology that will create a positive perception of someone else's culture and the ability to positively assess their own.

The last few decades are characterized by significant changes in order to keep teaching foreign languages, both abroad and in Uzbekistan. Accordingly, it required fundamental changes in the system of professional training of specialists. In the light of the latest educational requirements, the introduction of the multicultural of teaching a foreign language. The process of globalization in the world projected into the system of language education in terms of intercultural contacts. In particular, there is an orientation towards geopolitical goals within the international community: the identification of common values, goals, educational standards. The unification of the requirements for the content of teaching materials comes to the fore. For instance, thematic components of the content of teaching language are problems of universal human value: people and other national cultures, the environment, overcoming ethnic prejudices and age discrimination, the latest technologies and people.

Intercultural orientation assumes the formation of personal qualities of trainees and their abilities for conscious, adequate interaction in socially determined situations (the ability to understand other linguistic cultural values, a different image of linguistic consciousness). Staying in a foreign country causes mixed feelings. Visitors can admire other reality: houses, shops, products, style of clothes. However, a specialist who has come to a foreign country may experience the influence of foreign culture on his/her life. It turns out that it is necessary to prepare for even the simplest everyday professional duties. For example, in England to come to work is accepted at least 30 minutes before it starts. Ignorance of professional etiquette causes a feeling of anxiety, cultural shock. This can manifest itself in avoiding contacts with representatives of another culture, disorientation, and a decrease in self-esteem. Confidence in communication in the language of another culture can only be acquired in practice. As specialists note, cultural shock can be considered a good experience, which leads to self-knowledge and personal growth. Overcoming a cultural shock is the rebirth of a person acquires a new understanding of life, new values. In the formation of adaptive behavior, an important role is played by acquaintance with specific speakers of foreign language in order to understand their culture, as well as studying their own culture in order to understand someone else's. Especially, is the mastery of discourse behavior is important. This includes the specificity of speech etiquette, possession of greeting formulas, promises, approvals, disapproval, apologies, requests, compliments, invitations, gratitude, etc. For example, in many countries a person going to visit his friends for an occasion brings a gift. However, in China and Thailand, the one who is given a gift, postpones it

and does not show it to the guests, so as not to show possible disappointment regarding the present received. In America, on the contrary, the culprit of the celebration will open a gift and show it to the guests. People in North America often say compliments to each other about hair, clothes, work, home, children, cooking, and garden. Americans will thank for the compliment, and the Japanese will say something like "thank you, but it's not so." Thus, the methodology should take into account the two main principles for the submission of material-regional and linguistic-cultural from the point of the native speaker and language of the student. Experience in a non-linguistic and it allows us to highlight the features of planning and implementing a training course on a foreign language for professional purposes in the aspect of a dialogue of cultures that must be taken into account and teaching.

Bibliography

1. Lustig, Myron and Jolene Koester. 1998. *Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures* (3rd Ed.). (Addison-Wesley Publishing, 1998).
2. Edward T. Hall, *Beyond Culture*. (New York: Anchor/Doubleday, 1971).

ПОЛИЯЗЫЧИЕ – КАК ПРИОРИТЕТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО МЕДИЦИНСКОГО КАДРА

П. Ж. Айтмаганбет
Н. А. Рысмагамбетова
И. Д. Колишбаева

Магистр,
специалист,
магистр,
Западно-Казахстанский
государственный медицинский
университет имени М. Оспанова,
г. Актобе, Казахстан

Summary. This article is about trilingual education in Kazakhstan and its importance in modern life. The president of Kazakhstan supports trilingual educational system in high educational establishments. Instructors and students which can speak in many languages have the advantage of others.

Keywords: trilingual; English language; students; instructor.

В условиях современного мира, Казахстан, взяв курс на владение всеми гражданами тремя языками, исходит из нынешних реалий современного общества – триединство языков должно являться одним из главных показателей конкурентоспособности страны. Языковая политика в Казахстане – путь интеграции Казахстана в мировое сообщество [2]. В результате выпускники должны стать конкурентоспособными, интеллектуальными, чтобы могли продолжить обучение в зарубежных вузах мира. Грамотное внедрение трехязычия даст возможность выпускникам быть

коммуникативно-адаптированными, поможет стать конкурентоспособными, даст молодежи ключ к мировым рынкам, науке и новым технологиям, создаст условия для конструктивного сотрудничества в мировом сообществе, откроет путь к знаниям этнической, казахстанской и мировой культур. Развитие мировой науки и техники в мире требует свободного владения иностранными языками для более качественного и полноценного получения необходимых теоретических и практических знаний, умений и навыков [1; 4].

В своем Послании народу Казахстана от 2007 г. «Новый Казахстан в новом мире» Президент Н. Назарбаев предложил начать реализацию проекта «Триединство языков», который стал одним из приоритетных направлений развития высшего и послевузовского образования. Идею триединства выражает простая формула: развиваем государственный язык, поддерживаем русский, изучаем английский. В Послании Президента РК в 2011г. был поставлен вопрос о дальнейшем развитии и совершенствовании трех языков. В 2015 году МОН РК, Министр культуры и спорта РК совместно с Министром по инвестициям и развитию РК разработали «Дорожную карту развития трехязычного образования на 2015–2020».

Для реализации мероприятий этой Дорожной карты в нашем университете функционирует отдел по внедрению трехязычного обучения в составе департамента по стратегической и международной работе, который открылся в мае 2016 года.

На протяжении последних 3-х лет на факультете «Общая медицина» в экспериментальных группах с иностранными студентами ведутся занятия на английском языке. В целях дальнейшего повышения уровня владения английским языком сотрудниками кафедры иностранного языка дополнительно предусматривается проведение курсов для студентов, имеющих разные уровни владения языком. Также планируется организовать курсы для зарубежных студентов, желающих выучить казахский и русский языки, в рамках этого курса также будут предусмотрены консультации в целях совершенствования знания русского языка для всех желающих студентов.

Изменения в мировом сообществе, основным критерием реализации данной программы является знание языков профессорско-преподавательским составом, потому что выпускники вместе со своими специальностями должны еще владеть тремя языками. Связи с этим проведен мониторинг по выявлению уровня владения английским языком среди профессорско-преподавательского состава нашего университета. Выявлено, что 39,0 % ППС не владеют английским языком, у 45,1 % ППС элементарное владение, у 4,8 % ППС владение на среднем уровне и 0,7 % свободно владеют. Сразу обеспечить квалифицированными кадрами, владеющими тремя языками, невозможно. Поэтому каждый человек, должен стремиться к этому и иметь желание.

Для повышения уровня английского языка ППС предусматривается организовать курсы английского языка и «Журнальный клуб» на каждой кафедре.

С целью поддержки пополнения книжного фонда университета кафедры работают по изготовлению глоссариев, словарей на трех языках, учебных пособий, учебников на английском или на казахском языках по профессиональным направлениям.

В соответствии с п. 1.6., 1.7. вышеуказанной Дорожной карты с 2017–2018 учебного года ЗКГМУ имени М. Оспанова на первом курсе обучения планирует преподавание не менее 20 % учебных дисциплин на втором языке (для русского отделения – на казахском языке, для казахского отделения – на русском языке), 10 % на английском языке на всех специальностях [3].

Владение мировым языком дает возможность осуществить интеграцию в мировое сообщество, возможность обучения за рубежом в лучших вузах мира и получения практического опыта в передовых странах планеты. В этом направлении совместно работают отдел академической мобильности, отдел стратегического развития и международного сотрудничества. В рамках академической мобильности ППС, докторанты, резиденты, магистранты и студенты нашего университета обменялись опытом в высших учебных заведениях России, Дании, США, Узбекистана, Турции, Германии, Литвы, Южной Кореи, Польши, Словении, Италии. Мы развиваем международное сотрудничество с разными странами в своей деятельности, что благоприятно сказывается на авторитете нашего университета. Сотрудничества с таким широким масштабом стран нам было возможно только благодаря знанию языков!

В пополнении необходимости преподавателей, ведущих занятия на английском языке ведется работа с областными ответственными учреждениями в направлении обязательного привлечения к преподаванию англоязычных выпускников по программе «Болашак» в Актюбинской области в организациях системы образования без отрыва от основного места работы.

В 2016–2017 учебном году предусматривается участие в летних языковых школах в РК, СНГ за рубежом, в 2017–2018 году планируется организация в ЗКГМУ имени М. Оспанова.

Одна из сторон подготовки кадров соответствующих современным требованиям является изучение полиязычия. На сегодняшний день это является основной задачей для прогрессирования новшества в области здравоохранения нашей страны, и эту проблему нужно всесторонне рассмотреть и своевременно найти решение.

Мы верим, что благодаря целям и программам нашей страны и нашего президента мы решим эти задачи своевременно!

Библиографический список

1. Назарбаев Н. А. План нации «100 шагов». Май 2015 г.
2. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» от 27.01.2012года.
3. Совместный приказ об утверждении Дорожной карты развития трехязычного образования на 2015–2020 годы. Министерство образования и науки РК 5 ноября 2015г. № 622, Министерство по инвестициям и развитию РК 13 ноября 2015г. № 1066, Министерство культуры и спорта РК 9 ноября 2015 г. № 344.
4. Указ Президента РК О государственной программе развития и функционирования языков в РК на 2011-2020 годы от 29 июня 2011года № 110.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА» В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

И. Ф. Баданян

*Аспирант,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The article discusses the socio-cultural and lexicographic features of the presentation of the concept "Business Woman" in Russian and German linguocultures. Based on the analysis of lexicographic sources of Russian and German languages a common and stable part of the conceptual content of the studied concept is revealed.

Keywords: concept; concept; business woman; scientific world view; naive world view.

В советском обществе до перестройки понятий «предприниматель», «предпринимательство», «бизнес», а тем более «женщина-предприниматель» отсутствовали в наивной и научной картинах мира. В экономической жизни страны данные понятия десятилетиями игнорировались. В постсоветский период развития российского общества актуализированы семы «бизнес», «экономическая деятельность», «предпринимательство», когда экономика России переживала трансформацию существующей системы в рыночную. «Соответственно, при выборе атрибутивов «деловой» семантики актуализируются такие значения, как «способность вести планомерную успешную деятельность, направленную на получение выгоды» (деловитость), «хозяйственность, практичность» (дельность), «прагматизм» (деловой подход) и т. п. верность данному слову (хорошая деловая репутация) и т. п.» [11, с. 216].

Перемены, связанные с переходом экономической системы внесли в русскую речь два новых понятия англоязычного происхождения «бизнес-

мен» и «бизнесвумен». При этом определение «бизнесмен» в экономических словарях нашло достаточно чёткое определение, а термин «бизнесвумен» фигурирует только в периодике» [4, с. 14]. Женщины предприниматели или бизнес-леди в нашей стране появились лишь в конце девяностых годов прошлого века, когда у нас только сформировалось само понятие бизнеса.

Женщина, занимающаяся своим делом, женщина-руководитель как явление в России только заявляет о себе. За прошедшие двадцать лет Россия сделала огромный скачок в построении демократического государства с рыночной экономикой. Подобный путь государства Европы проходили десятилетиями, довольно ровно и без потрясений. России же пришлось повторить тот же путь, но в гораздо меньший промежуток времени. ... *железный занавес, отделявший женщин от успешного предпринимательства, потихоньку начинает ржаветь и истончаться. А местами и просто рушится, давая дорогу современным Гюльчатай, которые могут не только главенствовать на кухне и хранить домашний очаг, но и смело «открывают личико»: генерируют новые идеи, воплощают их в жизнь, запускают успешные стартапы, работают сами и обеспечивают рабочими местами других* [7].

Германия представляет собой страну с давними демократическими традициями. Следует отметить, что Россия отстает от Германии не по количеству женщин в бизнесе, в органах государственной власти, а по степени осмысления обществом проблем гендерного неравенства. В нашей стране еще сильны гендерные стереотипы, которые проявляются разницей в отношениях к женщинам и мужчинам в бизнесе. Понятие деловой женщины/*Unternehmerin* в немецкой лингвокультуре начало формироваться в середине 50-х годов прошлого века, когда в экономической сфере страны появились первые предпринимательницы. Они делали свой бизнес в различных отраслях индустрии, от косметической, производства детских игрушек до тяжелой индустрии и машиностроения. Об это подробно пишет немецкий исследователь Х. Гартманн в работе «*Die Unternehmerin: Selbstverständnis und soziale Rolle*» [2].

Чтобы выяснить представления о деловой женщине в русской и немецкой языковых картинах мира, следует рассмотреть особенности лексикографической объективации единиц «деловой»/ «*geschäftlich*», «предпринимательница»/ «*Unternehmerin*», в русском и немецком языках. Анализ лексикографических источников является одним из самых продуктивных способов представления концепта, т.к., на наш взгляд, именно словари содержит общую и устойчивую часть концептуального содержания концепта. В ходе исследования использовался метод сплошной выборки языкового материала из различных источников; применялись приёмы классификации и систематики языкового материала.

Под понятием «деловой мир» понимается «совокупность лиц (физических и юридических), занимающихся предпринимательской деятельностью, а также система экономических и социально-политических отношений, связывающих этих лиц в процессе реализации ими поставленных целей» [5].

Словарь русского языка предлагает дефиницию слова *деловой*: (деловой) прил. 1) Связанный со служебной деятельностью, с работой. 2) а) разг. Знающий дело; дельный. б) Свойственный занятому человеку; выражающий сосредоточенность, озабоченность каким-л. делом. 3) Пригодный для обработки, изготовления каких-л. изделий; поделочный [9].

Словарь немецкого языка WAHRIG дает следующую дефиницию слова *geschäftlich*: <Adj.> **1** *das Geschäft, die Geschäfte betreffend, beruflich, dienstlich* (Angelegenheit, Beziehungen, Erfolg) **2** *in Geschäften, der Geschäfte wegen* • ~er Ärger; ich bin ~ hier; ich habe ~ hier zu tun; die Sache ist rein ~er Natur; er ist ~ verhindert zu kommen; nach dieser Zwischenbemerkung wurde er wieder [3, с. 600].

В. В. Виноградов пишет в избранных трудах по истории русского литературного языка: «Слово *предприниматель* (от глагола *предпринимать*) в русском языке появилось позднее, чем слово *предприятие*. Слово *предприниматель*, сохраняющее налет книжности, в современном русском языке выражает два значения: 1) капиталист – владелец промышленного или торгового предприятия; 2) аферист – ловкий организатор выгодных дел, предприятий. Это слово возникло в книжном русском языке не ранее 40–50-х годов XIX века. Оно образовано под сильным влиянием франц. *entrepreneur*. Слова *предприниматель* нет в словаре 1847 г. Но оно уже помещено в «Толковом словаре» Даля, хотя истолковано здесь чисто морфологически: «предпринявший что-либо». В журнально-публицистическом языке 50-х годов XIX в. это слово звучало как неологизм [6, с 253].

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой предлагает следующую дефиницию слова «предприниматель» – 1) владелец предприятия, фирмы, а также вообще деятель в экономической финансовой сфере; 2) предприимчивый и практичный человек [10]. Основными синонимами к слову «предприниматель» выступают слова «делец», «деловой человек» и «бизнесмен». Что касается слова «предпринимательница», то в лексикографических источниках стоит ссылка к слову «предприниматель» (напр., женск. к сущ.: предприниматель). В Словаре иностранных слов дается дефиниция слова «бизнесвумен»: (<англ.business-дело+women-женщина) – деловая женщина, женщина-предприниматель [8].

Слово «Geschäftsfrau» переводится на русский язык как «деловая женщина», «предпринимательница», «коммерсантка».

По словарю немецкого языка Дудена слово *Geschäftsfrau*: Substantiv, feminin – Frau, die Geschäfte tätigt, die Geschäfte führt [1]. Синонимами слова *Geschäftsfrau* являются *Händlerin, Kauffrau, Unternehmerin*. Как показал

анализ лексикографических источников слово *Businessfrau* не зафиксировано в немецких словарях

Данное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1. Семантическая структура лексем *деловой* и *geschäftlich* в лексикографических источниках русского и немецкого языков актуализируется следующие значения: 1) то, что связано со служебной деятельностью, с работой, с родом занятий; 2) предназначенный для официальных мероприятий; 3) хорошо знающий дело, предприимчивый, опытный в делах человек; 4) тот, кто работает в бизнесе, получает доходы.

2. Лексемам *дело* и *Geschäft* соответствуют в целом такие дефиниции, как: 1. Какой-л. вид деятельности, направленный на достижение, осуществление чего-л. 2. Деловая надобность, потребность, нужда.

Проведенный анализ словарных дефиниций лексем *дело*, *деловой* в русском и *Geschäft*, *geschäftlich* немецком языках позволил обнаружить сходства в семантической структуре этих слов. В семантической структуре лексем *дело*, *деловой*, *Geschäft*, *geschäftlich* лежат такие общие признаки, как: деятельность, направленная на получение выгоды; практичность, прагматизм.

3. Как показал анализ лексикографических источников русского и немецкого языков концепт «Деловая женщина» актуализируется следующими словами-синонимами: *предпринимательница*, *бизнесвумен*, *бизнесвуменша*, *бизнесменша*, *бизнесменка*, *бизнес-леди*, *женщина-руководитель*, *женщина-предприниматель*, *деловая дама*, *коммерсантка*, *кооператорша*, *торговка*, *частница*; в немецком языке: *Unternehmerin*, *Händlerin*, *Kauffrau*, *Businessfrau*, *Geschäftsfrau*, *Karrierefrau*, *Geschäftsführerin*, *Unternehmenschefin*, *Businessfrau*, *Businesslady*, *Jobeinsteigerinnen*, *Entrepreneurin*. Принадлежность синонимов этого ряда к различным стилистическим слоям свидетельствует о том, что концепт «Деловая женщина» реализуется как в научной картине мира (*предпринимательница*, *Geschäftsfrau*), так и в наивной картинах мира (*крутая бизнесвуменша*, *бизнесвуменка*, *торговка*).

4. Семантические связи лексем-идентификаторов номинации деловой женщины отражены в словарях довольно скудно, что свидетельствует о том, что концепт «Деловая женщина» находится еще на стадии формирования, а также объясняется экстралингвистическими причинами, обусловленными социально-политическими, историческими и культурными факторами развития обоих социумов.

Библиографический список

1. Duden online. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/Gesch%C3%A4ftsfrau> (дата обращения: 25 января 2017).
2. Hartmann H. Die Unternehmerin: Selbstverständnis und soziale Rolle / H. Hartmann. – Köln und Opladen, 1968.

3. WANRIG Deutsches Wörterbuch, 2011. – 1257 s.
4. Абриталина А.С. Женское предпринимательство: социально-экономические мотивации и факторы: дисс. ... кандидата социологических наук / А.с. Абриталина. – Саратов, 2006 – 153с.
5. Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. [Электронный ресурс] – 1998. URL: http://www.booksite.ru/localtxt/del/ovo/delovoi_mir/25.htm#30/ (дата обращения: 19 января 2017).
6. Виноградов В.В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка // В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978 – с.253.
7. Женское лицо малого бизнеса [Электронный ресурс] // Expert Online 2013. URL: <http://expert.ru/2013/10/30/zhenskoe-litso-malogo-biznesa/> (дата обращения: 22 января 2017).
8. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев –2006 [Электронный ресурс]. // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwwords/7784(дата обращения: 25 января 2017).
9. Словарь русского языка. М., 2009. – 372 с.
10. Толковый словарь русского языка Ожегова // С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. – 429 с.
11. Ширяева О.В. Информационно-аналитический медиадискурс: прагмасемантический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале российской деловой прессы): дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Ширяева. – Майкоп, 2016. –396 с.

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ЭВЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Р. П. Кузьмина

*Кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. The article gives an attempt to examine the concept of "House" in the Even poetry in the linguocultural aspect. This concept is one of the main concepts in the Even vision of the world.

Keywords: Even poetry; House: concept; works of art.

Концепт «Дом» является одним из базовых в лингвокультуре эвенов. В каждом содержании концепта имеются различные свойства, нашедшие отражение во всех сферах жизни народа. Данный концепт наиболее полностью реализуется в паремиях, в фольклорных и художественных произведениях, в традиционной культуре эвенов. Через реализацию этого концепта через все данные ступени можно увидеть языковую картину мира эвенов, эвенское мировидение.

Концепт «Дом» в языковой картине мира каждого народа реализуется по-разному. По утверждению исследователей: «"Дом" – одно из основных, центральных для человека понятий. С домом связана наша жизнь,

именно в доме мы получаем первый опыт взаимодействия с миром, первые знания об окружающей действительности» [1, с. 11].

В. А. Маслова отмечает, что концепт **Дом** входит в ядро языкового сознания русских и стоит на втором месте (у испанцев на 10-м, у англичан – на 22-м) [6, с. 262].

В селькупской культуре Дом – это очень близкое к человеку пространство, фактически не отделимое от него самого [10, с. 5].

Исследователи отмечают, что художественное произведение как отражение культуры любого народа служит ценным источником в изучении всех аспектов национально-культурной специфики. В его рамках вырисовывается языковая картина мира [2, с. 107].

Согласно Н. Н. Тобурокову: «В литературоведении давно существует термин «национальные образы мира». И ученые, и исследователи показывают, как в искусстве, литературе разных наций по-разному изображаются, скажем, конь, овца, солнце, деревья, цветы, какой разный смысл они вкладывают в понимание категорий времени, пространства, вселенной и т. д. Если сложить все национальные образы того или иного народа в определенную систему, мы получим представление о национальном видении мира. А это доступно, во всяком случае, для постижения основных черт творчества, и иноязычному читателю по переводам» [9, с. 35].

Для эвенов характерно анимистическое мировоззрение и вследствие этого для них природа, окружающий мир и человек являются неразделимыми вещами и могут жить в единстве и быть одним целым. В. А. Роббек писал: «У эвенов всё окружающее человека, небо, солнце, земля, и все то, что растет и живет на ней является Родным домом и называется **Айнанна – Природа** – творящее добро. Человек не мыслил себя вне Природы и считал себя частицей этой природы» [8].

Такое отношение к окружающему миру прослеживается и в творчестве эвенских поэтов. В произведениях эвенских поэтов образ малой родины, родного дома является наиболее частотным и сквозным. В произведениях эвенских поэтов Дом ассоциируется со всей вселенной, с окружающей природой, с лесом, тайгой. Дом для эвена – это вся безмерная тайга, тундра, весь окружающий мир. Эвены являются детьми природы и это как нельзя лучше показано в стихотворных строках поэтов:

Жилище у эвенов таково,
что может чужестранец не понять,
природу ль продолжает илуму,
иль илуму – природу? Съемный кров
неприхотлив в кочевках, в нем легко
и просто жить, и чисто, как в лесу.
А если честно, то природа вся
эвену служит домом с малых лет [3, с. 37].
Илуму – переносное традиционное жилище эвенов.

В эвенской картине мира *Дом* – это малая родина, место, где он родился и где он находит утешение в тяжелые дни и где познает радость. В одном из стихотворений В. Д. Лебедева читатель как нельзя лучше видит эту безмерную тоску по родному дому. Всем сердцем и душой в тяжелые минуты своей жизни поэт стремится в родные места, чтобы найти там утешение и радость:

Набуми эрэгэр Когда меня гложет тоска,
Балданга төрэнэй иссатгам. Я еду в родные края –
Таракам балданга төрэну Там ноша любая легка,
Дулси ням нёлтэнкэн Как легкая песня ручья,
Хонгалча инңамтав тэссөттэн, Как теплая тропка луча,
Чарални биракчан икэди Что слезы осушит мои, –
Танмутти мэргэму хинтакран... [4, с. 6] И мысли светлы, как ручьи...
И мысли теплы, как лучи... [5, с. 16]

В другом своем стихотворении поэт В. Д. Лебедев пишет:

Я в тайгу,
будто к матери сын,
возвратился.
Здесь мои мечты,
мой добрый дом
и священные цветы кругом [5, с. 25].

У В. С. Кейметинова-Баргачана с родным *Домом* связано воспоминание о лучших годах жизни, о детстве. Где бы человек не находился, чем бы он не занимался *Дом* для поэта остается самым родным и дорогим:

Но лишь родной переступлю порог,
начнет душа в воспоминаниях грезить.
Разматывая сказочный клубок
Открытого доверчивого детства [11, с. 30].

В другом стихотворении Баргачана показаны душевные переживания автора перед встречей с родным домом, когда перед встречей с родным домом утихают все земные страсти:

Я олень. Летящий по небу.
Мир распахнут во все стороны.
Но безмолвно приземлюсь я
У родной отцовской дю... [11, с. 303].

Таким образом, следует отметить, что концепт «Дом» является частотным и тем ключевым концептом, передающим специфику культуры и мировоззрения эвенков. Концепт «Дом» в эвенской поэзии ассоциируется в первую очередь с образом малой родины, с семьей. Также в произведениях эвенских поэтов с концептом «Дом» пересекаются и другие концепты, такие как - Олень, Человек, Семья, Память, Природа, Детство.

Библиографический список

1. Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект) (автореферат).- Томск, 2006.
2. Зиангирова Э.М. Лексическая представленность лингвокультурологического поля «дом/усадыба» в текстах художественных произведений // Филология и культура. Philology and culture. - 2014. - №4(38).
3. Кривошапкин А.В. Мир эвена. – Москва, 2000.
4. Лебедев В.Д. Мэрлэнкэ (Кругооборот. Сборник стихов для детей среднего и старшего возраста). - Якутск: Якуткнигоиздат, 1971.
5. Лебедев В.Д. Белый олень. Стихи. - Лениздат, 1972.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Изд-во: Флинта – Наука, 2011.
7. Окорочкова В.Б. Северное созвездие. Якутск: Бичик, 2002.
8. Роббек В.А. Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. № 2 (6), 2009.
9. Тобуроков Н.Н. Андрей Кривошапкин (Очерк жизни и творчества). –Якутск: Изд-во «Северовед», 1999.
10. Гучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX-XX вв.). Дисс. ...канд.истор.наук. Томск, 1999.
11. Эвенская литература: Сборник/Составитель Вячеслав Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2005.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Н. Х. Кучкарова

*Преподаватель,
Ташкентская медицинская академия,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. This given article describes the relationship between the culture and dialogue in order to develop international communication. The mutual understanding is also a very important factor to achieve communication among nationalities.

Keywords: culture; dialogue; communication; intercultural communication.

В настоящее время диалог культур в плане международного общения является одной из актуальных проблем и находится на пике методических интересов. Последнее направленно на осуществление взаимосвязанной политики в области образования, культуры, коммуникации и науки в целях обеспечения “интеллектуального развития и нравственного совершенствования человечества”. Диалог в плане международного общения определяют как обмен информацией между носителями двух или более национальных культур. Детализируя это определение можно отметить, что успешная реализация такого диалога возможна лишь в том случае, если между общающимися представителями разных культур существуют взаимопонима-

ние. Последнее предполагает бесконфликтность, толерантность, позитивную настроенность, опору на общие ценности. Отсутствие указанных факторов блокирует диалог в силу непонимания, отсутствие толерантности приводит к конфликту. Следовательно, задачей обучения межкультурному общению является такая технология, которая позволит сформировать положительное восприятие чужой культуры и умение позитивно оценивать свою.

Последние десятилетия характеризуются значительными изменениями в целях содержания обучения иностранным языкам, как за рубежом, так и в Узбекистане. Это, соответственно потребовало коренных изменений в системе профессиональной подготовки специалистов. В свете последних требований в области образования является введение многоаспектности обучения иностранному языку. Процессы глобализации в мире проецируются на систему языкового образования в плане межкультурных контактов. В частности, наблюдается ориентация на геополитические цели в рамках мирового сообщества: выделение общих ценностей, целей, образовательных стандартов. На первый план выходит унификация требований к содержанию учебных материалов. Например, тематическими компонентами содержанию обучения языку являются проблемы, имеющие общечеловеческую ценность: *человек и другие национальные культуры, окружающая среда, преодоление этнических предрассудков и возрастной дискриминации, новейшие технологии и человек.*

Межкультурная направленность предполагает формирование личностных качеств обучаемых и их способностей к осознанному, адекватному взаимодействию в социально-детерминированных ситуациях (способность понять иные лингвокультурные ценности, иной образ языкового сознания). Пребывание в чужой стране вызывает смешанные чувства. Приезжие могут восхищаться другой действительностью: домами, магазинами, продуктами, стилем одежды. Однако приехавший в чужую страну специалист, начиная работать, испытывает влияние инокультуры на свою жизнь. Оказывается, что необходимо готовиться даже к самым простейшим повседневным профессиональным обязанностям. Например, в Англии приезжать на работу принято минимум за 30 минут до её начала. Внешне высокий профессиональный ранг человека подчёркивается редко, лишь на официальных мероприятиях. Незнание профессионального этикета вызывает чувство беспокойства, культурного шока. Это может проявиться в избегании контактов с представителями другой культуры, дезориентации, снижению самооценки. Уверенность в общении на языке чужой культуры можно приобрести только в практике. Как отмечают методисты, культурный шок можно считать хорошим опытом, который приводит к самопознанию и личному росту. Преодоление культурного шока – это возрождение человека, который приобретает новое понимание жизни, новых ценностей. В формировании адаптивного поведения большую роль играет зна-

комство с конкретными носителями иностранного языка в целях осознания их культуры, а также изучение собственной культуры для того, чтобы понять чужую. Особо важным является овладение дискурсным поведением, т.е. поведением во время разговора. Это включает специфику речевого этикета, владение формулами приветствия, обещаний, одобрения, неодобрения, извинения, просьб, комплиментов, приглашения, благодарности и т. д. Например, во многих странах человек, идущий в гости к друзьям, на праздничное событие приносит подарок. Однако в Китае и Таиланде тот, кому дарят подарок, откладывает его и не открывает перед гостями, чтобы не демонстрировать возможное разочарование относительно полученного презента. В Америке, напротив, виновник торжества обязательно откроет подарок и покажет его гостям. Способ говорить комплименты, также отличается в разных культурах. Жители Северной Америки часто говорят друг другу комплименты, касающиеся причёски, одежды, работы, дома, детей, приготовления еды, сада. Американцы поблагодарят за комплимент, а японцы ответят что-то вроде «спасибо, но это не так». Таким образом, в методике следует учитывать два основных принципа подачи материала-*страноведческого* и *лингвострановедческого* с позиции носителя языка и языка изучающего. Опыт работы в неязыковом вузе позволяет выделить особенности планирования и реализации учебного курса по иностранному языку для профессиональных целей (учебник, учебное пособие) в аспекте диалога культур, которые необходимо учитывать и преподавание: это выбор соответствующих технологий обучения на основе коммуникативно-прагматического и когнитивного подходов.

Библиографический список

1. Терминасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. “Издат-во” Индрик, 2005.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЙ «КРАСОТА», «BEAUTY» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Т. Л. Левченко

*Аспирант,
Адыгейский государственный
университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

Summary. This article is devoted to study of different approaches to the description of notion “beauty” within Russian and English languages. We made an attempt to show the national-cultural specificity of the notion. The lexicographical analysis of the notion in the Russian and English languages shows both the universality of its representation in the corresponding language, and the specific character which is predetermined by the peculiarities of the language consciousness.

Keywords: beauty, concept.

В настоящее время в лингвистической науке принято придерживаться мнения, что в национальной культуре существуют отличительные особенности, присущие только данной культуре, которые выражаются в языке. «Концепт – это универсальный феномен, поэтому его использование помогает установить особенности национальной картины мира» [2, с. 280].

Лексикографический анализ содержания концепта красота /beauty в русском и английском языках проводился на основе словарных статей русских, англо-русских и англо-английских толковых словарей. Изучение данного концепта показывает, что в настоящее время существует множество определений лексемы «красота/beauty», которые свидетельствуют, что это сложный и многомерный феномен и раскрывают различные семантические и смысловые грани данного понятия, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами.

В толковом словаре русского языка Ожегова отмечаются различные смысловые аспекты понятия красота: «1. «Совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху; всё красивое, прекрасное. Красота русской природы. 2. Красивые, прекрасные места (в природе, в художественных произведениях). Красоты природы. 3. (разг.) О чём-нибудь приятном, доставляющем удовольствие, удовлетворение. Погуляли, искупались. Красота!» [4, с. 798].

Красота является абстрактным понятием, но неразрывно связана с конкретным предметом и включает в себя внешнюю и внутреннюю оценку предметов. С точки зрения красоты человек дает окружающей его действительности эстетическую оценку.

«В кратком словаре по эстетике дается следующее определение: «красота – одна из важнейших категорий эстетики, которая наряду с категорией прекрасного отражает такие эстетические свойства предметов и яв-

лений действительности, как гармоничность, совершенство, упорядоченность» [1, с. 170].

Изучив приведенные примеры дефиниций лексемы «красота», зафиксированных в различных русских словарях, видно, что данная лексема характеризуется обширным диапазоном смысловых значений и смыслов, который отражают особенности русской лингвокультуры.

По нашим наблюдениям, в английских словарях также зафиксированы основные аспекты лексемы «beauty» и аспекты ее интерпретации носителями языка в рамках английской языковой картины мира.

Таким образом, имеет смысл рассмотреть дефиниции лексемы «beauty» в англо-русских и англо-английских словарях:

В англо-русском словаре В. К. Мюллера приводится следующее определение лексемы: «beauty 1. красота́; 2 прелесть (часто ирон.); 3) красавица» [3, с. 67].

Cambridge English–Russian Dictionary дает следующие определения лексемы beauty: «1. the quality of being beautiful. The whole area is famous for its natural beauty, a beauty contest. 2. the quality that makes something especially good or attractive. The beauty of the plan is that it won't cost anything. 3. a product or treatment to make you more beautiful. 4. something that is an excellent example of its type. That last goal was a beauty. 5. a beautiful woman» [5, с. 101].

Проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ лексикографических данных английского и русского языков позволил выделить следующие особенности в дефинициях лексемы «красота/ beauty» в исследуемых языках. Во-первых, в толковых словарях английского и русского языков лексема «красота/ beauty» наделена такими свойствами как: оценка внешних качеств, совокупность внешних и внутренних качеств человека, присвоение положительных характеристик кому-то или чему-то, содержание оценочного компонента. Во-вторых, в толковых словарях английского языка встречается такой семантический нюанс, который не отмечен в русской лексикографии. Beauty – a product or treatment to make you more beautiful – косметическое средство/косметическая процедура. В-третьих, в толковых словарях русского языка отмечается такое значение лексемы красота как ироничное обращение к женщине, чего нет в английской лексикографии.

Библиографический список

1. Краткий словарь по эстетике / под ред. М.Ф. Овсянникова, В.А. Разумного. – М.: Политиздат, 1963. – 543 с.
2. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность – М., 1997.
3. Мюллер В.К. Учебный англо-русский словарь. – М: Эксмо, 2008. — 864 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2007. – 798 с.
5. Cambridge English–Russian Dictionary. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 1572 p.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ**
(на материале немецкоязычных публикаций о мигрантах)

Т. В. Овсиенко
Г. М. Чопсиева

*Кандидат филологических наук, доцент,
студентка,
Южный федеральный университет,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The article is about the linguistic manipulation in the modern mass media. As the title implies the article describes the distinctive features of media text. The article gives information on the peculiarities of media language. The attention is also drawn to the expressive means of language.

Keywords: linguistic manipulation; mass media; media text; media language; expressive means of language.

На сегодняшний день исследования речевого воздействия средств массовой информации приобретают все большую популярность. Большой интерес данная тема вызывает не только у социологов, психологов, политологов, но и у лингвистов, в связи с чем является актуальной. С помощью информационного воздействия населению навязывается необходимая идеология, что позволяет в полной мере использовать средства производства, рабочую силу, инфраструктуру в целях субъекта манипулятивного воздействия [13, с. 72–73]. Будучи основным источником передачи информации, СМИ осуществляют манипулятивное воздействие на реципиента посредством определенных способов подачи информации. Таким образом, средства массовой информации выступают в качестве одного из главных инструментов управления и существенным путем осуществления информационного диктата [9, с. 6].

Целью данной статьи является описание лексических средств реализации манипуляции на читателя в немецкоязычном медиатексте, поэтому сначала рассмотрим понятие медиатекста, а затем проанализируем средства языковой манипуляции.

Сообщения средств массовой информации находят свое отражение в медиатексте: в газетных статьях, радиопередачах, телевизионных новостях, Интернет-форумах, рекламе и так далее. Термин медиатекст появился в 90-х годах XX века в англоязычной научной литературе, затем был широко распространен в международных научных кругах. В последние годы появилось большое количество работ, посвященных массовым коммуникациям, что привело к становлению новой дисциплины «медиалингвистики», основной категорией которой является медиатекст. Под медиатекстом мы понимаем сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом

виде и жанре медиа, и которое адресовано массовой аудитории [11, с. 27]. Характерной чертой медиатекста является особый медиаязык – «комплекс средств и приемов выразительности». Исследователи подчеркивают, что «язык СМИ, охватывая значительную часть общества через его единое информационное пространство, предстает как национальный поток сознания современного человека» [10, с. 22–25]. Медиатекст определяется как сложная динамическая единица высшего порядка, с помощью которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций.

Тексты массовой коммуникации обладают универсальными признаками, свойственными сообщениям формата массмедиа. К ним относятся:

- Популярность (информация доступна и всем слоям общества);
- Актуальность (СМИ освещает злободневные вопросы);
- Релевантность (Тексты СМИ подстраиваются под запросы и потребности общества);
- Контекстуальность (Смысл сообщения зачастую завуалирован);
- Стереотипность (СМИ используют преобладающие в обществе стереотипы) [8, с. 177–181].

Контроль над средствами массовой информации помогает определить правила и стереотипы поведения и деятельности общества. Своё манипулятивное воздействие СМИ осуществляют посредством языка, то есть через речевое воздействие осуществляется манипулирование. Однако, данные понятия нетождественны. Речевое воздействие определяется как «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять точку зрения манипулятора, сознательно принять решение о каком-либо действии». А манипулирование является «воздействием на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение вопреки собственному мнению» [12, с. 56].

Основу речевого манипулирования составляют психологические и психолингвистические механизмы, принуждающие слушателя или читателя необдуманно воспринимать речевое сообщение и побуждающие на совершение выгодных для манипулятора поступков [7, с. 99]. Речевое манипулирование осуществляется через использование определенных средств на разных языковых уровнях – фонетическом, грамматическом, синтаксическом. Определенные лексические и стилистические средства создают эмоциональный подтекст высказывания [14, с. 282].

Материалом нашего исследования послужили статьи о мигрантах в немецкоязычных газетах и журналах, таких как “Die Zeit”, “Bild”, “Spiegel”. В ходе исследования было установлено, что для эффективного манипулятивного акта авторами статей часто используются разнообразные лексические средства, а именно:

- создание и использование неологизмов, отдельных слов или словосочетаний. Например, в немецкоязычной прессе можно встретить слово *Mustermigrant* – образцовый мигрант (Mohamad Alkhyoti ist so etwas wie ein

Mustermigrant [2]). Данное существительное является неологизмом, состоит из двух частей „Muster“ (образец, пример) и „Migrant“ (мигрант) и обладает положительной коннотацией. Соответственно, реципиент воспринимает образ мигранта, как положительный.

- чрезмерное использование ключевого слова или его синонимов. Синонимы являются одним из ярких выразительных средств. Они делают речь более насыщенной и используются для выражения эмоциональной окраски. При описании мигрантов в СМИ Германии используется ряд синонимов обозначающих беженцев: лексемы *Einwanderer, Immigrant, Umsiedler, Geflüchteter, Asyl Suchender, Asylantragsteller, Asylbewerber, Asylsuchender, Asylwerber* являются нейтральными, а слова *Heimatvertriebener* – буквально «изгнанный с родины», *Schutz Suchender* – буквально «ищущий защиты», *Flüchtling* уже эмоционально окрашены.

- употребление слов с яркой положительной или отрицательной коннотацией. Использование таких слов выражает отношение к ним автора и передает его эмоционально-оценочное отношение к описываемому лицу или предмету, воздействуя тем самым на читателя. К примеру, в одной из статей журнала „Die Zeit“ беженцы описываются с помощью прилагательных и существительных с отрицательной коннотацией: „Die Flüchtlinge in Deutschland seien oft *undankbar* (неблагодарный), *mäkelig* (привередливый) beim Essen und *gewaltbereit* (агрессивный)“ [5]; „*Mehr Tote, mehr Drogendelikte, höhere Schäden durch Wohnungseinbrüche: Die Zahl der Straftaten in Bayern ist gestiegen. Und: Zu den Tätern zählen immer häufiger auch Flüchtlinge*“ [4].

Также встречаются словосочетания, имеющие положительную коннотацию. Новоприбывшие мигранты характеризуются как люди, работоспособные и надежные, имеющие хороший потенциал и мотивацию: „*Gerade zugewanderte Frauen bringen ein hohes Potenzial (большой потенциал) und große Motivation (высокая мотивация) mit*“ [6]; „80 Prozent der Arbeitgeber, die in den vergangenen Monaten Flüchtlinge beschäftigt haben, *sind mit deren Leistungen zufrieden*“ [1]; „Djavad Akram hat viel gelernt und erreicht, seit ich ihn kenne. Er ist *zuverlässig* und kommt immer *pünktlich* zu unseren Verabredungen“ [3].

Таким образом, различные средства языка позволяют создавать информационные тексты, оказывающие как открытое (прямое) намеренное, так и косвенное (завуалированное) речевое воздействие на аудиторию. Умелое и грамотное использование языковых средств авторами оказывает воздействие на формирование положительного или отрицательного образа у читателя. Впоследствии возникают в массовом сознании определенные стереотипы и образы, навязанные средствами массовой информации. Таким образом, выбирая лексические средства манипуляции, автор отражает стремление воздействовать на читателя при формировании образа предмета исследования, в нашем случае, образа мигранта.

Библиографический список

1. Arbeitgeber sind mit Flüchtlingen meist zufrieden – 14.03.2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de/karriere/umfrage-arbeitgeber-sind-mit-fluechtlingen-meist-zufrieden-a-1138689.html> – Дата обращения: 14.03.2017
2. Der Musterflüchtling – 2.03.2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.zeit.de/2017/08/integration-fluechtlinge-deutschland-geschichten> – Дата обращения: 15.03.2017
3. Mach's gut, Djawad – 24.02.2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/fluechtlinge-wenn-die-privatvormundschaft-fuer-einen-jungen-fluechtling-endet-a-1134883.html> – Дата обращения: 12.03.2017
4. Mehr Kriminalität durch Flüchtlinge – 13.03.2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.bild.de/regional/muenchen/muenchen/mehr-kriminalitaet-durch-fluechtlinge-50830682.bild.html> – Дата обращения: 14.03.2017
5. Musharbash, Y. De Maizièrè ist nüchtern besser / Yassin Musharbash // – 2.10.15 [Электронный ресурс] URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-10/de-maiziere-fluechtlinge-zdf> – Дата обращения: 15.03.2017
6. Studie: Viele Firmen beschäftigen Menschen mit ausländischen Wurzeln – 05.03.2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.bild.de/geld/aktuelles/wirtschaft/studie-viele-firmen-beschaeftigten-menschen-50712934.bild.html> – Дата обращения: 16.03.2017
7. Быкова О.Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник Российской риторической ассоциации. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999, – № 1. – С. 99-103.
8. Красноярова О.В. Медийный текст: его особенности и виды // Известия Иркутской государственной экономической академии, 2010. – № 3. – С. 177-181.
9. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие. – Омск, 2011. – 414 с.
10. Лисицкая Л.Г. Медиатекст в языковом и функциональном аспектах // Вестн. ун-та Российской Академии образования, 2008. – № 3. – С. 22-25.
11. Мельник Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник, 2012. – №1. – С. 27-29.
12. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.
13. Хлопков К.А. Значение средств массовой коммуникации в процессе манипуляции массовым сознанием // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2009. – № 2. – С. 71-74.
14. Чиж О. К. Речевые средства воздействия на общественное сознание: языковое манипулирование в СМИ // Молодой ученый, 2012. – №3. – С. 282-284.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В. С. Парамонова

*Преподаватель,
Урюпинский агропромышленный
техникум,
г. Урюпинск,
Волгоградская область, Россия*

Summary. The article is devoted to the question of realization of national and cultural peculiarities of the English verb. It gives the writer the opportunity to describe various emotions of the English people as the nation.

Keywords: connotation; emotions; verb; language means; stereotypes; culture, nation.

Вопросы, связанные с соотношением культуры и языка, стали особенно актуальными в последнее время, когда очевидна невозможность успешной коммуникации без знания культуры. Исследователи разных лингвистических направлений пришли к выводу, что культура отражается в сознании человека и эксплицируется при помощи языковых средств [см. 2; 3; 4; 5; 7 и др.].

Проблема отражения национально-культурных особенностей в семантике языковых единиц активно исследуется как отечественными, так и зарубежными лингвистами (Р. Брислин, Ф. Дуранти и др.). Однако внимание этих ученых сосредоточено в основном на лексической семантике, имеющей культурно-значимую маркированность. Вместе с тем грамматическая семантика также не лишена способности удерживать «культурные смыслы», которые формируются в результате функционирования языковой единицы и фиксируют наиболее стабильные ассоциации этноязыкового сознания.

Авторы отмечают, что практическая значимость такого исследования заключается в том, что стилистически маркированные грамматические формы имплицитно определяют культурный подтекст, невидимый не знакомому с этим явлением читателю, но, безусловно, необходимый для максимально точного понимания текста [1; 6; 8].

Основной интерес вызывают стилистические функции временных форм, выходящие за рамки категориального значения. Так, Н. Н. Раевская пишет, что коннотация, возникающая как эффект контрастности между категориальным содержанием парадигматической формы и ее контекстуальным значением, способствует экспрессивно-метафорическому переосмыслению этой формы [6].

Предпринятый нами функционально-семантический анализ стилистически маркированных глагольных форм будущего времени, употреб-

ленных в романе английской писательницы Ш. Бронте «Джен Эйр», показывает, что грамматические категории могут выявить самобытность определенной культуры средствами заложенных в них образов и ценностных установок, специфических для этой культуры. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы установить, каким образом семантический потенциал английского глагола, реализуясь в художественном тексте, отражает национально-культурные стереотипы этноязыкового сознания англичан.

Изображаемые в данном художественном произведении события свидетельствуют о том, что в одной и той же речевой ситуации разные носители языка склонны употреблять различные языковые средства, дифференцируемые, в частности, маркерами грамматических категорий.

Наш языковой материал показывает, что:

1. В общении англичане стараются быть внимательными к собеседнику и его чувствам. Например: “You fell sick, I suppose, in the red-room with crying; you`ll be better soon, no doubt” (Bronte 1999: 14). В данной ситуации субъект надеется, что все будет хорошо.

В предложении “I`ll stay with you, dear Helen: no one shall take me away” (Bronte 1999: 70) используется форма будущего времени *will stay* в прямом значении «остаться», чтобы приободрить собеседника. Фразовый глагол *take away* («убирать, уводить») употребляется в переносном значении «разлучать».

Желание субъекта не беспокоить окружающих его людей выражается в предложении “Never fear – I will take care of myself” (Bronte 1999: 190) с помощью употребления глагольной словоформы «*take care of*» в прямом значении «заботиться».

2. Наблюдается проявление приветливости, доброжелательности, когда говорящий может сделать комплимент, демонстрируя тем самым особые знаки внимания собеседнику:

В предложении “I shall try to forgive you” (Bronte 1999: 178) заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение, предполагающее возможность такого действия (*постараюсь* = «смогу сделать») и уверенность субъекта в своих силах.

“You must see the carriage, Jane, and tell me if you don`t think it will suit Mrs Rochester exactly; and whether she won`t look like Queen Boadicea, leaning back against those purple cushions” (Bronte 1999: 216). В данном предложении употребление формы будущего времени в прямом значении «выглядеть» и сравнительной конструкции *like Queen Boadicea* подчеркивает восхищение говорящего своей спутницей.

3. В то же время демонстрация своих собственных чувств, особенно отрицательных, в английской культуре не приветствуется. Сдержанность и самоконтроль принято считать одной из основных черт англичан. В нашем материале имеются примеры, подтверждающие эту особенность. Так, в предложении “I think you will learn to be natural with me, as I find it impossi-

ble to be conventional with you” (Bronte 1999: 121) представлена целевая установка говорящего побудить другое лицо к действию. Уверенность говорящего в осуществлении будущего действия помогает выразить ментальный глагол *think* («думать»).

Анализ употребления форм будущего времени в романе Ш. Бронте «Джен Эйр» указывает на преобладание глаголов с эмоционально-экспрессивными оттенками. Это свидетельствует о том, что англичане склонны открыто проявлять свои эмоции. Нами были установлены следующие подобные стилистические оттенки: возмущение, насмешка, сожаление, раздражение, удивление, сарказм, ирония, пренебрежение, презрение. Например: “*You shall walk up the pyramids of Egypt!*” (Bronte 1999: 198). В данной ситуации говорящий выражает насмешку над собеседником с помощью фразеологизма *walk up the pyramids of Egypt* («бог весть что придумать»), употребляя форму будущего времени *walk up* в переносном значении.

В предложении “*I am glad you are no relation of mine: I will never call you aunt again so long as I live, I will never come to see you ... I will say the very thought of you makes me sick ...*” (Bronte 1999: 29) говорящий акцентирует внимание на повторяющихся действиях (*не назову, не приеду*), что подчеркивает его отношение к собеседнику, презрение. Наречие *never* (*никогда*) служит средством выражения эмоционального негативного состояния субъекта и помогает выразить невозможность действия.

Употребление стилистически окрашенных форм глагола в художественном тексте свидетельствует о соблюдении коммуникативных норм, зафиксированных в сознании представителей английской лингвокультуры и регулирующих их вербальное поведение в соответствии с контекстом и ожиданиями партнера.

Это позволяет писателю описать не только идиолектные языковые личности на основе создания их индивидуальных языковых «карт», но и личностные типы, характеризующиеся наборами национально-культурных параметров, свойственных англичанам: внимательность к собеседнику, приветливость, доброжелательность, сдержанность и самоконтроль, а также склонность к проявлению различных эмоций.

Библиографический список

1. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Шк. «Язык русской культуры», 1999.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / Анна Вежбицкая; отв. Ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996.
4. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1983.

5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
6. Раевская, Н.Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1973.
7. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е. – М.: Изд-во «Академический проект», 2004.
8. Тураева, З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). – М.: Высшая школа, 1979.
9. Brislin, Richard. Understanding Culture`s influence on Behavior. 2nd edition. – London: Harcourt College Publishers, 2000.
10. Duranti, Alessandro. Linguistic Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Источник:

1. Bronte, Ch. Jane Eyre. – Sally Minogue, 1999. – 410 p.

КОНЦЕПТЫ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ НАУЧНЫЙ ТРУД УЧЁНОГО (на материале работ В. И. Вернадского)

С. В. Ракитина

*Доктор филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. The scientific concept is described as mental construction and the central meaning of new knowledge. It has actualized in the scientific discours of scientist in the concrete stage of scientific cognition. The concept stimulates the discours scientific activities and predestinates the content of new scientific text.

Keywords: scientific concept; scientific text; generation of sense.

Основопологающим понятием в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания является концепт, аспекты которого, хотя достаточно широко представлены в когнитивной лингвистике, для теории научного текста продолжают оставаться открытыми. Это касается, в частности, обоснования научного концепта, его отличий от концепта вообще. Рассматриваемый нами научный концепт характеризуется как: а) специализированное мыслительное образование, отражающее у адресанта ещё не обобщённые в понятиях смыслы; б) образ потенциально нового научного знания, требующий вербализации соответствующими единицами языка, значения которых соотносимы с ядерными смыслами, заключёнными в интенционале концепта; в) отправной момент, точка взрыва в дискурсии учёного по развитию, совершенствованию и реализации искомого научного знания; г) проекция недостающего звена в концептуальной картине мира учёного.

Выступая ядром научного дискурса учёного, научный концепт интенционально предопределяет содержание будущего научного текста, служит источником его смыслопорождения. Как мыслительные единицы, составляющие квант структурированного знания, научные концепты образуют целостную систему, в которой отражаются их связи и взаимовлияние, что, в конечном счёте, обеспечивает реализацию в тексте результатов познания. Выступая единицей такой системы, концепт в научном тексте рассматривается как основа формирования его смыслового содержания. Поскольку научный текст создаётся с целью передачи и восприятия информации, осуществление этих процессов можно рассматривать как взаимодействие концептуальных систем адресанта и адресата. Концептуальная система адресанта при этом направлена на выкристаллизацию, обоснование нового знания, участвует в порождении текста, в ней определяются цели, задачи, отношение к излагаемой информации, проводится ориентация на предполагаемого адресата при отборе концептов, понятий, построении текста и т.д. Таким образом, научный концепт служит объяснению ментальных, психических ресурсов сознания учёного, выступает содержательной единицей памяти, ментального лексикона, научной картины мира.

Исследование когнитивно-дискурсивного пространства научных текстов В. И. Вернадского позволило установить, что через всё научное творчество учёного прошёл концепт «Жизнь». В работах разных лет («Начало и вечность жизни», «Об условиях появления жизни на Земле», «Научная мысль как планетное явление», «Химическое строение биосферы Земли и её окружения», «Биосфера», «Живое вещество» и др.) учёный пытался разобраться в сложной проблеме происхождения жизни и её эволюции. В статье «Начало и вечность жизни» тайна происхождения жизни обозначается метафорой «загадка жизни». Желание автора привлечь внимание читателя, вызвать интерес, активизировать мышление реализуется в данной работе постановкой целого ряда вопросов, которые он задаёт как бы сам себе, сверяясь со своей памятью и познанием: *«Было ли когда-нибудь и где-нибудь начало жизни и живого, или жизнь и живое такие же вечные основы космоса, какими являются материя и энергия? Характерны ли жизнь и живое только для одной Земли, или это есть общее проявление космоса? Имела ли она начало на Земле, зародилась ли в ней? Или же в готовом виде проникла в неё извне с других небесных светил?»* [1, с. 262].

В последующих работах решение проблемы происхождения жизни на Земле сводится к вопросам о происхождении биосферы, живом веществе, эволюции биосферы в ноосферу, в которой фактором, определяющим развитие, становится человеческая мысль, сравниваемая по своему воздействию на природу с геологическими процессами. Гиперконцепт «Жизнь», активизируя дискурсивные смыслы, хранящиеся в устоявшихся индивидуальных концепциях учёного, рождает новые смыслы и, соответственно, новые логические и понятийные подсистемы, которые получают свою ре-

чемыслительную значимость. Среди них новые макроконцепты «Биосфера», «Живое вещество», «Ноосфера», осмысление которых заняло значительные этапы научной деятельности В. И. Вернадского. Они стимулировали появление, формирование и формулирование концептов, среди которых «Живые организмы», «Автотрофные организмы», «Бактериофаг», «Косное вещество», «Биогенное вещество», «Человек», «Наука», «Учёный», «Разум» и др. Эти и другие концепты подсказали темы (макро-микро-гипертемы) множеству его текстов, получившие сегодня мировую известность как учения, теории, концепции, подходы и т. п. Анализ конкретных произведений В. И. Вернадского позволяет понять, как концепты, проецируя образ недостающего звена научного знания в научной картине мира или её фрагменте, направляя научный поиск, служат источником смыслопорождения нового научного текста.

Библиографический список

1. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни // Живое вещество и биосфера / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1994. – С. 262-283.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ДИСКУРСА

М. А. Собачкина

Учитель,
Школа «Кадет» № 95
им. Героя РФ Золотухина Е. В.
г.о. Самара,
г. Самара, Россия

Summary. Article is devoted to a research of conceptual space of a television discourse. It reflects a hypothesis of influence of television on mass consciousness of audience. As material for work names of the Russian TV series have served.

Keywords: concept; television discourse; manipulation with public consciousness.

В настоящий момент средства массовой информации не только выполняют задачу создания единого информационного пространства, обеспечивают непрерывный информационный обмен, но и являются своеобразными агентами социализации. От характера и направленности материалов в значительной степени зависит, какие настроения, взгляды, стереотипы восприятия и поведения будут формироваться у аудитории.

Цель нашей работы состояла в исследовании концептуального пространства телевизионного дискурса как одного из средств формирования общественного мнения, вкуса, нравственных идеалов и ценностей зрительской аудитории, а также способов репрезентации выявленных концептов.

В качестве материала для исследования мы выбрали один из слоёв телевизионного дискурса – номинативный (240 названий телесериалов).

Поскольку телом концепта, его формальной оболочкой является слово, высокая частотность лексической репрезентации позволила выявить 16 наиболее значимых концептов современного теледискурса: любовь («*Время любить*»); семья/семейные отношения («*Сёстры*»); счастье («*Счастливы вместе*»); красота («*Красивыми не рождаются*»); успех («*Обречённая на успех*»); время («*Время и люди*»); богатство («*Богатство*»); судьба («*Рельсы судьбы*»); сила/доблесть («*Парни из стали*»); одиночество («*Снова одна*»); война («*В июне 41-го*»); защита Родины («*Господа офицеры*»); преступление и наказание («*Преступление будет раскрыто*»); охрана правопорядка («*Опергруппа*»); врачи/ врачебное дело («*Интерны*»); историческое прошлое («*Иван Грозный*»).

Анализ показал, что с лексической точки зрения названия телесериалов чаще всего содержат общеупотребительные («*Аптекарь*», «*Вера, надежда, любовь*») или разговорные слова («*Папенькин сынок*», «*Клубничка*»).

Одним из типичных грамматических способов репрезентации концептов теледискурса является употребление в качестве названий имен существительных в именительном падеже. Выполняя номинативную функцию, существительные фокусируют внимание телезрителя на одном из компонентов внутрителевизионной ситуации: главном герое/героях («*Катерина*», «*Путейцы*»), каком – либо предмете вещного мира («*Кольцо*»), отвлечённом понятии («*Вызов*»), времени («*Прошлое*»), месте действия («*Школа*»).

Одной из тенденций является использование в качестве названий целых предложений («*Я лечу*», «*Зачем тебе алиби?*»). Интересно название «*Я лечу*», своеобразный каламбур, в котором обыгрываются омоформы *лечу* от *лечить* (буквально отражается тематика сериала о врачах) и *лечу* от *летать* (подчеркивается благородство, романтика профессии и главных героев).

Довольно часто составители названий прибегают к прямому («*Когда её совсем не ждёшь...*») или трансформированному цитированию («*Герой нашего племени*»), а также использованию фраз-штампов («*Развод и девичья фамилия*»).

Всё это – свидетельства того, что средства создания названий российских телесериалов не отличаются большим разнообразием и оригинальностью. В погоне за широкой зрительской аудиторией, за высоким рейтингом создатели телесериалов даже не задумываются о том, что их «творение» является не только мощным орудием формирования зрительского вкуса, но и способом манипуляции общественным сознанием.

Особый аудиовизуальный мир, воздействию которого вольно или невольно подвергается каждый из нас, остро ставит вопрос о социальной ответственности, профессиональной компетентности работников телевидения.

Библиографический список

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С.23-28.
2. Свитич Л. Г. Проблемы эффективности в журналистике. – М., 1994.
3. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. Курс лекций. – СПб., 2011.

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ «НЕУДАЧА» (на материале рассказа Ф. Искандера «13-й подвиг Геракла»)

И. Г. Урбанович

*Кандидат филологических наук,
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь*

Summary. Under the communicative failure is regarded a communication act, which hasn't reached a communicative goal. The reasons for the communicative failure can be: communicative environment, a communicator, circumstances of the communication act, proper linguistic factors. An emotional level should also be regarded as a background of the communicative failure.

Keywords: communicative situation; communicative failure; situational and emotional background.

Речевая ситуация – ситуация, в которой осуществляется речевое взаимодействие между коммуникантами. Параметрами речевой ситуации, по исследованиям К. А. Долинина, выступают: а) партнеры по общению; б) референтная ситуация; в) деятельностьная ситуация; г) предметно-ситуативный фон; д) канал связи [2, с. 38].

Речевая деятельность человека направлена на удовлетворение коммуникативных целей. Что же порождает ситуацию коммуникативной неудачи? Под коммуникативной неудачей в теории речевых актов понимается ситуация, при которой коммуникативный акт не достигает коммуникативной цели. Причинами коммуникативной неудачи называются следующие: различие национальных культур участников коммуникации; непонимание речевой интенции; неточности в употреблении языковых средств и др. Немаловажным фактором в выстраивании коммуникативной ситуации является выбор стратегии общения.

В современных лингвистических исследованиях коммуникативные неудачи рассматриваются в связи с личностными характеристиками коммуникантов, обстоятельствами общения, процессами вербализации и понимания, трудностями достижения коммуникативных и практических целей, нарушением принципа коммуникативной контактности. Одной из известных типологий неудач является классификация, предложенная в коллективной статье «К типологии коммуникативных неудач» (Б. Ю. Горо-

децкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова) [1]. Классифицируя данное явление по источникам, исследователи выделяют коммуникативные неудачи, причиной которых является сам коммуникант, и коммуникативные неудачи, вызванные обстоятельствами коммуникативного акта.

К коммуникативным неудачам могут привести как экстралингвистические, так и собственно языковые факторы. Исследователь О. П. Ермакова выделяет три типа коммуникативных неудач с точки зрения их причин: 1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка; 2) коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих; 3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами. Особенностью коммуникативной неудачи авторы считают такую создавшуюся ситуацию, при которой «коммуникативные намерения говорящего и их прочтение слушающим не совпадают» [5, с. 31]. Таким образом, намерения коммуникантов не реализуются, в то время как стратегии коммуникации нацелены на успех коммуникативной тактики.

К факторам, приводящим к коммуникативным неудачам, можно отнести и следующие: чуждая коммуникативная среда; нарушение паритетности общения; ритуализованность; неуместные замечания в адрес слушателя; низкий уровень языковой компетенции. Итак, среда, система ценностей коммуникантов, условия коммуникации, эмоциональное состояние говорящих, словесные средства, использованные создателем речи при реализации замысла речи, – все это влияет на достижение успеха в определенной коммуникативной ситуации.

В рассказе Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла» коммуникативная ситуация обусловлена спецификой обстановки и стечением определенных обстоятельств. Образовательная сфера является сферой общения, событийным участком выступает школа, адресантом – учитель Харлампий Диогенович, адресатом – класс и в частности отдельно взятый ученик (автор повествования). Для передачи особенностей общения адресанта и адресата автор несколькими меткими штрихами обрисовывает облик и статус учителя: *«Его нельзя было назвать слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, – сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего был... Как и Пифагор, он был по происхождению грек... Большеголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза».*

Степень боязни учеников перед учителем передается несколькими эпитетами, характеризующими обстановку в классе – *«образцовая, жуткая тишина».* Даже смех в классе оказывается умело организованным учителем: *«Веселье... не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказа-*

тельство от обратного». «Провалиться сквозь пол», «понезаметней просколбзнуть», «спотыкающаяся походка» – поведенческая характеристика учеников, в чем-либо провинившихся. Управление классов достигается в большей степени за счет учительской «дозированной порции насмешки», которую подхватывает класс, как разрешенную санкцию на смех.

Стереотип общения «учитель-класс-ученик» нарушается, распадается понятие круговой поруки в классе – «все смеются против одного». Наделение учеников прозвищами «черный лебедь», «принц Уэльсский» – главное оружие Харлампия Диогеновича – делать человека смешным. Ученики стоят перед выбором – быть смешными или смехотворными. В случае конфликта с учителем адресат попадает в положение смехотворного ученика, попытавшись скрыть невыполнение домашнего задания. Статусно-ролевые отношения во многом определяют выбор языковых средств в системе «учитель-ученик».

Одним из факторов, влияющим на создание коммуникативной ситуации является использование невербальных средств. Паралингвистические знаки общения нередко очень красноречивы. Учитель «останавливается в дверях; перекладывает журнал из руки в руку; делает жесты, исполненные уважения к личности опаздывающего ученика; лицо выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием; что-то в голосе его едва заметно сдвинулось: в него влилась точно дозированная порция насмешки», – все это ярко передает манеру общения персонажа.

Желание скрыть невыполнение задания выливается в преднамеренное поведение: ученик, пытаясь выиграть время, направляет в свой класс докторшу для вакцинирования против тифа. Неудавшаяся попытка обмана сравнивается учителем с подвигами древнегреческого героя Геракла. Но тринадцатый подвиг новоявленного антигероя оказывается «фальшивым и никудышным». Подвигам из храбрости противостоит подвиг из трусости. Обман раскрывается. Причиной коммуникативной неудачи является сам коммуникант, несовпадение оценок явлений действительности адресанта и адресата, сложившиеся обстоятельства коммуникативного акта. Фоном коммуникативной неудачи следует рассматривать и эмоциональный уровень, послуживший неосуществлению намерения говорящего: «Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью; Не бусина щелкнула (четки в руках учителя), а захлопнулся маленький капканчик в руках Харлампия Диогеновича; ...Сердце мое с размаху вlepилось в спину; ...Голос мой подымается прямо из живота; Я ползлся к доске; Звонок, как погребальный колокол, продрался сквозь хохот класса».

Однако при наличии коммуникативной неудачи атмосфера воссоздаваемой автором художественной ситуации тем не менее остается поучительной и оптимистичной: «Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями; ...Мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, безусловно, зака-

лял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора».

Библиографический список

1. Городецкий, Б.Ю., Кобозева, И.М. К типологии коммуникативных неудач [Текст] / Б.Ю. Городецкий [и др.] // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64–78.
2. Долинин, К.А. ИмPLICITное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
3. Ермакова, О.П., Земская, Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) [Текст] / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30–64.
4. Искандер, Ф. Стоянка человека. Повести и рассказы / Ф. Искандер. – Серия «Современная Российская проза». – М. СП Квадрат, 1995. – 766 с.

VIII. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПРОРОЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Н. А. Царева

*Аспирант,
Пятигорский государственный
университет,
г. Пятигорск, Россия*

Summary. The author of article on the material of the art text of Boris Pasternak discusses the features of the semantics of the future prophetic motives, which closely links with other motives, in particular – motives of faith and hope. The system of motives determines the dynamics of the space-time continuum of poetic discourse. Representations of the poet's fate, predestination and prophetic knowledge finds expression in the cell figurative structure, in particular – in the linguistic characteristics of female heroines of lyrics.

Keywords: Pasternak; lyrics; style; interpretation; figurative structure.

Данное исследование посвящено характеристике некоторых текстовых реализаций имеющего характер пророчества мотива будущего, важных для представления о его функциях в пространственно-временном континууме языковой картины мира великого русского поэта Б. Л. Пастернака. Сотворенный им художественный образ мироздания [2; 3 и др.] весьма показателен для идиостиля этого автора как выдающейся русской языковой личности [2 и др.]. Примечательно, что мотивы будущего в этом стихотворении связаны с темой России, в которой преломляются мифы и образы русской истории [1, с. 20–40].

Одним из наиболее значительных воплощений пастернаковского видения будущего выступает пророчество, вполне естественно вписывающееся в модель поэтики Б. Пастернака и предполагающее интегральное видение мира и прозрение того, чему суждено когда-то случиться [9; 6; 1 и др.]. Поэт говорит об этой модели так, описывая сам механизм его самопроизвольного возникновения: «У меня было здоровое сердце. Оно хорошо работало. Работая ночью, оно подцепляло случайнейшие и самые бросовые из впечатлений дня. И вот оно задело за экзерцирплац, и его толчка было достаточно, чтобы механизм учебного поля пришел в движение и само сновиденье, на своем круглом ходу, тихо пробило “Я – сновиденье о войне”» [7: III, с. 190–191].

В пророчестве обычные причинно-следственные связи отключаются. Вхождение в состояние, в котором духовидца посещают видения, проис-

ходит вне зависимости от событий внешнего мира, хотя последние часто и являются скрытой причиной видений. Пророчество опережает события, но все, что оно содержит, относимо к любому времени – прошлому, настоящему и будущему. Пророчество всегда достается в удел вере, и Кассандра была наказана самым тяжелым из возможных для нее наказаний: ей не верили, хотя она, пребывая в вере, предсказывала правильно. Пророчество не является результатом рациональных размышлений и обобщений, оно – истина следующего дня. Будучи духовной эманацией носителя, пророчество являет картину мира, трансформированного по особым законам. Нравственный разум в логике своего развития подводит субъекта к озарению, не подчиненному рационалистичности сегодняшнего дня. В пророчестве мир рождается как синтез времен, пространств, искусств. «Это был сон о будущей войне, достаточный, как говорят математики, – и необходимый. [...] Другое дело во сне. Тут впечатления не ограничивались надобностями привычки. Тут двигались и умозаключали краски. Мне снилось пустынное поле, и что-то подсказывало, что это – Марбург в осаде. [...] На батарейных высотах чуть отличимо рисовались люди с подзорными трубами. Их с физической осязательностью обнимала тишина, какой не бывает на свете. Она рыхлою земляною вьюгой пульсировала в воздухе и не стояла, а совершалась. Точно ее все время подкидывали с лопат. Это было самое грустное сновидение из всех, какие мне когда-либо являлись. Вероятно, я плакал во сне» [7: III, с. 190]. Поэт-пророк чувствует степень напряжения окружающего поля. Он готов к наполнению этим полем, впускает его в себя, организуя по собственным законам и оглашая – во имя будущего, поскольку слово всегда строит мир еще не достигнутой гармонии и всегда направлено в будущее, в отличие от музыки, направленной в прошлое, и живописи, апеллирующей к настоящему. Но пророчество парадоксально: оно настолько точно, насколько сильнее у поэта отказ от мира. Точность и значительность произносимого в интенсивности своей доходят до ясновидения, что угадывал в 1914 году в отношении Пастернака к миру Вяч. Ив. Иванов. В стихотворении «Магдалина II» (1949), вошедшем в «Стихотворения Юрия Живаго», о своем открывшемся ясновидении говорит Христу Магдалина:

Будущее вижу так подробно,
Словно Ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл [7: IV, с. 546].

Поэт говорит о будущем, исходя из мира, впущенного в себя. Такковы, например, монологи Юрия Живаго о будущем России, о революции. Поэт вступает в отношения со всеми временами, отражающимися друг в друге. Большой поэт всегда пророк, и он чувствует и знает эту свою особенность. Пророчество преодолевает временную ограниченность, а значит физическую смерть. Вероятно, поэтому Пастернака в последние два десятилетия

тилетия жизни так волновала проблема бессмертия. Одно из ее решений в творчестве содержится в стихотворении «Август» (1953):

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом [7: IV, с.532].

Пророческий дар характеризуется степенью интенсивности, которая тем выше, чем сильнее поле социального, политического, культурного воздействия на его носителя. Пастернак жил в сложное время, и о степени воздействий этого времени можно судить по упорству поэта в отстаивании ценностей, которых он придерживался, по стремлению дойти «до самой сути». Условием пророчества у писателя выступает вера, в том числе и вера в то, что должно наступить в ближайшем будущем. В своей устремленности к будущему она подкрепляется религиозной и культурной традицией, на которой основана.

Вера у Пастернака всегда проходит через сомнения, подкрепляется знанием, убежденностью в своей правоте, в истинности пути, устремленном в будущее. Вера в конечную правоту преисполняет поэта и в минуты горечи и боли. В стихотворении «Нобелевская премия» (1959) об этом свидетельствуют строки:

Путь отрезан отовсюду,
Будь что будет, все равно. [...]

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолее дух добра [7: II, с. 194–195].

Вера, полагал Пастернак, не бывает напрасной, если она истинна, и хотя в конкретных случаях можно видеть лишь стечение обстоятельств, вложенная в молитву, она достигает результата. Вера в будущее у Пастернака всегда связана с надеждой, выражаемой у него в широком диапазоне: от сомнения и сожаления – через отрицание по причине переосмысления ценностей, через ложность ставящихся условий, сквозь которые она вынуждена проходить и необходимость выполнения которых надуманна, – до надежды, соединенной с действием, направленным на достижение цели, на выполнение предначертаний судьбы и воплощение понимания своего пути, до надежды как последнего, что остается человеку в тяжелых условиях жизни. Так в письме от 1 ноября 1940 года к А.А. Ахматовой Пастернак убеждал ее: «[...] никогда не надо расставаться с надеждой, все это, как истинная христианка, вы должны знать, однако, знаете ли Вы, в какой цене *Ваша надежда* и как Вы должны беречь ее?» [7: IX, с. 194].

Мотив пророчества, с которым у Пастернака также связан мотив будущего, проявляется в его поэтическом мире через предчувствия (перспек-

тивы здесь туманны или неизвестны); предвидения (его основа – понимание причинно-следственной связи явлений настоящего); интуитивного знания. Можно выделить также пророчество фантазии, посредством которой создается образ преображенного мира. В творчестве Пастернака интенсивно проявляется пророчество знания, как, например, в стихотворении «Когда я устаю от пустозвонства» (1932), где будущее выступает показателем и несоответствия действительности в настоящем – Слову, и давления социума на индивидуальность. Когда в обществе человек перестает быть мерой вещей, то любая истинная гармония вступает с действительностью в конфликт, работая уже на будущее. Задачей Пастернака было сохранить эту гармонию, «не заглушить голоса жизни, звучащей» в ней.

Касаясь роли мотива будущего в становлении и развитии поэтического мира Пастернака, его значения в усилении тяготения поэта к традиционной семантике на тематическом уровне и в то же время – в новаторстве содержания, мы подходим к вопросу о внутренней иерархии поэтического мира в культурологическом, этико-нравственном планах. Не случайно Пастернак интерпретирует Откровение Иоанна Богослова, полемизирует с Новым Заветом в вопросах целостного понимания жизни и таких частных тем-реализаций этого главного вопроса, как искупление греха, раскаяние, прощение, роль женщины [8].

Таким образом, в пространственно-временном континууме поэтического дискурса Пастернака будущее осмысливается на уровне пророчества Слова как единственного мерила всех нравственных ценностей.

Библиографический список

1. Баевский В.С. Б. Пастернак-лирик. Основы поэтической системы. - Смоленск: Траст – имаком, 1993. - 240 с.
2. Буров А.А., Фрикке Я.А. Мифологический компонент пространства речевой номинации в художественном тексте //Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2012. - № 1. - С. 74-77.
3. Буров А.А., Бурова Г.П. Современная отечественная лингвистика: о связи языковой идентичности и языковой картины мира// Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2013. - № 4. - С. 114-119.
4. Горелик Л.Л. «Миф о творчестве» в прозе и стихах Бориса Пастернака. - М.: Изд-во РГГУ, 2011. - 370 с.
5. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 824 с.
6. Лосев Л. «Бедствие среднего вкуса» // Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Volume I. Boris Pasternak. 1890 – 1990. Edited by Lev Loseff. - Northfield, Vermont: The Russian School of Norwich University, 1991. - P. 217–226.
7. Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11-ти т. /Составление и комментарии Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. - М.: СЛОВО/SLOVO, 2003–2005.
8. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Издание преемников А.П. Лопухина. - Петербург: 1904–1913. Второе издание – Институт перевода Библии. Стокгольм: 1987, т. 1–3 (т. I–XI первого издания).

9. Faryno E. Поэтика Пастернака. («Путевые записки» – «Охранная грамота»). Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 22. Literarische Reihe, Herausgegeben von Aage A. Hansen-Löve. - Wien, 1989. - 316 p.

ЭССЕДА ҚАҲРАМОН ПОРТРЕТИ

Ш. Ахмедова
Г. Зойирова

*Ф.Ф. доктори,
магистрант,
Бухоро давлат университети
«Ўзбек адабиёти»,
Тошкент, Ўзбекистон*

Summary. This article is dedicated to the portrait of the hero in the essay genre. We consider the portraits of the hero in an essay in the works of Uzbek writers. In the years of independence in the works of writers - the main question of this article.

Keywords: hero; essay genre.

Эссе тараққиёти адабий танқиднинг янги камолот палласига кира бошлаганидан, илмий ва эстетик тафаккур синтезининг янги босқичга кўтарилаётганидан дарак беради. Эсседа санъаткорнинг ижоди, шахсияти, табиати, асарларининг ёзилиш жараёнига алоқадор фикрлар эркин ифодаланади.

XVI асрда янги тафаккур кўринишини адабий жараёнга олиб кирган фаранг мутафаккири М. Монтень “Эсселар” асарида жанрнинг назарий асосларини яратди. Муаллиф асарнинг “Китобхонга” деб номланган муқаддима қисмида шундай эътироф этади: “Китобхон, бу – самимий асар. Мен бу асарни энг яқин жигарбандларимга атаб ёзганман. Қандайдир шон-шухрат орттириш учун эмас, китоб орқали маънавий қиёфам, феъл – атворим, сажиямни қайта тиклаб эслашларини истайман...бу китобнинг мазмуни – мен ўзим...” [1]. Ҳақиқатан ҳам ёзувчи эссесиди, энг аввало, унинг “мен”и акс этади. Эсседа ижод этувчи санъаткорнинг адабий ўйлари адабийлик ва эмоционаллик билан чатишиб кетган фикр-мулоҳазаларнинг кўркам синтезини ташкил этади. Бу жиҳатдан, айниқса, Миртемир, П. Қодиров, А. Мухтор, Ш. Холмирзаев каби ёзувчилар эсселарини алоҳида таъкидлаб ўтиш мумкин.

Бадий асарларда ижодкор услуби қанчалик акс этса, эсседа ҳам ёзувчи-танқидчининг бетакрор қиёфаси аниқ акс этиб туради. Мунаққид асарида илмий мантиқ аниқ сезилиб туради. Ёзувчи эссесиди адабий танқиднинг санъатлик хусусияти ярқ этиб кўзга ташланади. Ҳозирги ўзбек адабий танқидчилигидаги эссе тараққиёти унинг турли шакллари мавжудлигини кўрсатади.

Мустақиллик йилларига келиб, эссеистиканинг ривожланиши бирмунча тезлашди. Ёзувчи ва танқидчилар бевосита адабий жараён билан

боғлиқликда унинг турли кўринишларини яратишга эътибор қарата бошладилар. Бу жанр, айниқса, Ш. Холмирзаев ижодида муносиб ўрин эгаллаб, юқори босқичга кўтарилди. Умуман, Ш. Холмирзаевнинг бу даврда ҳам ёзувчи, ҳам мунаққид, ҳам оташин публицист, адабиёт жонкуяри сифатида ижодкорлар орасида фаол бўлганлигини алоҳида таъкидлаб ўтиш зарур.

Ш. Холмирзаев академик М. Қўшжонова бағишланган эссесида ўқувчи кўз олдида олимнинг инсоний ва қисман ижодий қиёфаси, тўлиқ ва бир бутун образи яққол намоён бўлади.

Адиб бошиданок ўз олдида аниқ мақсад қўяди. Асардаги эссега хос – чегара билмаслик, эркин фикр юритиш каби хусусият унинг сарлавҳасиданок кўзга ташланади. Эсседа бош қаҳрамон М. Қўшжонов ва ёзувчининг ўзидир. Шу билан бирга у адибнинг ҳаётдаги бошқа устозлари: Шукур Бурҳондан тортиб, Н. Фозилов, Т. Жалолов, мактабдаги адабиёт ўқитувчиси, отаси, онаси, қалбига яқин кишилар ҳақидаги хотираларга ўралган самимий мулоҳазалар, энг муҳими, устозларга улкан эҳтиромдан битилган. Эссега хос фазилатлардан бири ҳаётдаги кишилар билан ёзувчи орасида «кечган – кечирмишлар»нинг табиий тасвири бўлиб, у асарга жозиба бахш этиб туради. Асарнинг композицион тузилиши ҳам ўзгача: 8 қисм ва улар ҳам ўз сарлавҳаларига эга кичик-кичик фасллардан иборат.

Адиб лирик чекиниш, ўз-ўзига мурожаат, ретроспектив тасвир, қаҳрамонлар нутқи орқали портрет чизиқларини чизиш каби турли-туман усулларни моҳирлик билан қўллайди, ўй-хаёллари орқали устозга эҳтиром кўрсатиш йўлидан боради, булар бирлашиб устозининг мукамал қиёфасини яратишга хизмат қилади. Ҳаётда тирик бўлган устоз ҳақидаги тирик хотиралар юракдан чиққани учун табиий кўринади. Эссенинг бошидаёқ М. Қўшжонов портретининг муҳим чизиқлари чизилади. Асарни ўқиган сари олимнинг қиёфаси кўз олдингизда юксалаверади. Шогирднинг Устозга муносабати, унга ҳавас қилиши, ҳар бир гапига, қилиғига эътибор бериши каби эпизодлар тасвири жуда тиниқ ва табиий чиққан. Ш. Холмирзаев устози ҳаётини тасвирлар экан, унинг асарлари, адабиётга муносабати, ҳақиқий ёзувчилар ижодини қадрлай олиши, истеъдодли ёшларга эътиборини диққатидан қочирмайди. Энг аввало, шогирдни устозининг шахсияти, қандай одамлиги қизиқтиради. Шунинг учун ҳамма жойда, ҳатто унинг уйига борганда ҳам, овга чиққанда ҳам устозини синчиклаб кузатишдан чарчамайди. Кузатишлари асосида М. Қўшжоновнинг ташқи портретини ҳам чизади. Устозу шогирд қаерда, қай вазиятда бўлмасинлар ҳаммиша ижод ҳақида, адабиёт ҳақида суҳбатлашишади.

Ш. Холмирзаев услубига хос бир ажиб хусусият унинг эссесида ёркин кўринади: юқорида айтганимиздек асарда бош қаҳрамон М. Қўшжонов бўлса-да, баъзи қисмларда адибнинг ўз ҳаёти, севгиси ёки Шукур Бурҳон билан боғлиқ воқеалар, дўстлари билан кечирмишларини

хам завқ билан ўқилади. Айниқса, Саида билан боғлиқ лавҳалар бадий асардагидек ўқувчини ўзига тортадиган даражада жозибали чиққан.

Ш. Холмирзаев бир адабий суҳбатида эссе жанрининг ёзувчига беҳад кенг эркинликлар бериши ҳақида гапирган эди [2]. Адиб тасвирланаётган воқеа-ҳодиса ҳақида фикр юритар экан, ўз кўнглида туғилган ҳис-ҳаяжони, шахсий мулоҳазаларини бемалол баён этиш йўлидан боради. Эссенинг китобхонни қизиқтирувчи яна бир томони бор: унда нафақат устоз портрети яратилади, балки ёзувчи ўзининг автопортретини чиза боради. Баъзи фаслларда ёзувчининг шоир табиат, эркинликка интилувчи феъли очила боради. Бу саҳифаларни ўқиб, кўз олдингизда севимли адибнинг қалбингизга яқин асарлари каби самимий қиёфаси гавдаланади. Бу орқали китобхон ижодкорга янада яқин бўлиб қолади. Асарнинг шу қисмида чегара билмас самимий тасвирлар, эссега хос эркинлик, илмий ва бадий тафаккурнинг уйғунлашуви, муаллифнинг “мен”и айниқса, бўртиб кўринади. Бироқ баъзида адибнинг хаёллари ҳаддан зиёд чўзилиб кетади. Эсседа адиб дўстлари – ижодкорларнинг характериға хос чизгилар берадики, бу китобхон билан ёзувчи, мунаққидлар орасидаги масофани яқинлаштиришга ёрдам беради. Асар қаҳрамонларининг деярли барчаси адибга таниш, юрагига яқин одамлар, шунинг учун бўлса керак, унинг самимий хотираларида бу кишиларнинг бутун ҳаёти кўз олдимизда яққол гавдаланади.

Ш. Холмирзаев асарни эссе-қисса деб белгилайди. Назаримизда, бу асар жанрини эссе-роман деб белгилаш мақсадга мувофиқдир. Чунки образлар олами, воқеа-ҳодисаларнинг кенг макон ва замонда тасвирланиши, эссе-романга хос илмий ва эстетик тафаккурнинг уйғунлиги асар жанрини шундай белгилаш имконини беради. Асарда эссега хос синтетиклик – бадий, илмий, адабий-танқидий, ижтимоий-фалсафий қарашлар омухталиги устувор, фикр эркинлиги эса эссе-романга ўзгача жозоба бахш этган. «Бу кишим-устоз, Мен шогирд» эссе-романининг аҳамияти устозларни кадрлашга ўргатишида, ҳаётга тийран кўз билан қарашга, муҳими, адабиётни чин дилдан ҳис этишга кўмак беришида кўринади. Шунинг учун бу асарни бемалол жаҳон адабиётидаги замонавий эсселар қаторига қўйиш мумкин.

Библиографик рўйхат

1. Монтень М. Опыты. 3 книг. М-Л: Академия на СССР. 1958. Книга.1.– 189 с.
2. Холмирзаев Ш. Эссе-эркин жанр // ЎзАС, 2003, 18.04. - № 16.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе

15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844, • РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832,
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725,
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75,
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742,

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent Islamic University
Belarusian State University
Secondary school № 171, Moscow

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the VII international scientific conference
on March 25–26, 2017

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 15.04.2017
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 10.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz